

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№2(8) 2013

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПУБЛИЦИСТИКА

- Анатолий КУРНОСОВ*
О прошлом и будущем. Кредо русского
православного консерватора4
- Николай ПОЛОТНЯНКО*
Русский бунт как подобие Геенны
Огненной.....160
- Любовь РЫЖКОВА*
Сила проявленного слова, или торжество
графомана на премиальной вакханалии.....183
- Владимир ГЛАЗКОВ*
Солнцестояние.....190

ПОЭЗИЯ

- Юрий КОЛОДНИЙ*
Дышу мелодией стихов.....18
- Юрий ПЕРМИНОВ*
Душевная окраина51
- Валентин СУХОВСКИЙ*
Горючими плачу слезами...76
- Алексей СЕЛИЧКИН*
Ожог.....83
- Александр ГАНИН*
Сожму обиду как перчатку в кулаке.....92
- Инееса ИЛЬИНА*
Верую, Господи, верую!.....112
- Юрий КЛЮЧНИКОВ*
Аз есмь.....123
- Иван МАЛЬКОВ*
Снова мысль о Родине...142
- Андрей КРУЧИНИН*
Эпистема отражений152
- Светлана СУПРУНОВА*
Безжизненными стали вечера...164
- Евгений КАПУСТИН*
Земля отцов и дедов174

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№2(8) 2013

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЬ»

Подписано в печать 30.06.13.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 4297.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссия», 2013
© Авторы, 2013

ПРОЗА

- Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Марфа Расторгуева59
- Ирина ЦЕРВИНА
В начале лета72
- Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Жизнь, прожитая в метро80
- Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ
Оккупанты114
- Владимир НЕГОДЯЕВ
Кукурузник146

ПЕСНИ СЛАВЯНСТВА

- Альбена ДЕКОВА-АТАНАСОВА
Виденья кружат шальные...70

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Александр АЛИЕВ
Древнейший «музеум» отечественной
живописи86

ПАМЯТЬ

- Анатолий НЕСТЕРОВ
Листая дни назад
(Невыдуманные рассказы)22
- Зинаида КЕРБАБАЕВА
От Ашхабада до Берлина. Фронтовые
дороги агронома, солдата, сына
известного писателя96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
На все копыта кованы: бесы в романе
Н.С. Лескова «На ножах» и в родовом
имени И.С. Тургенева Спасское-Луто-
виново (к 195-летию И.С. Тургенева)128

ЮБИЛЕИ

- Борис РЯБУХИН
Державин – гордость державы170

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Ожидание перемен сегодня словно повисло в воздухе. Политическая и религиозная активность народных масс, охватившая практически весь мир, выходит из-под контроля как закулисных кукловодов, так и законных властей. Появилась и заявила о себе как о реальной социальной силе новая категория людей, которой, казалось бы, не должно остаться места в мире агрессивного материализма и декоративной духовности – людей, которых невозможно купить и с которыми невозможно договориться. В одних случаях это люди, движимые той или иной идеей, за которую они готовы, не задумываясь, отдать жизнь, свою и чью угодно. В других случаях это люди, находящиеся во власти прямого инстинкта разрушения и самоуничтожения. Полузабытое слово «нигилизм» сегодня обретает новую актуальность. Дух всеобщего разрушения, выпущенный тёмными силами из потёмок человеческого подсознания под видом «общечеловеческих ценностей», действует уже самостоятельно, не щадя своих вчерашних апологетов и приверженцев. В современном околотитературном шоу-бизнесе это проявляется в насаждении культа криминала, садизма, порнографии и, в качестве идеологического фона, тотального скепсиса, разъедающего души не только молодых, но и зрелых поколений. Всё это происходит под заклинания о «свободе слова», «правах человека» и «жертвах сталинских репрессий». В то же время, в глубине народных масс всё явственнее происходит отторжение «либерального» духовного рабства, всё отчетливее проявляются признаки пробуждения великорусского национального самосознания, основанного на братстве народов, уважении к национальному началу, верности России, светлому человеческому духу и освящённой веками великой Традиции. Существует обширное, в масштабах всего нашего Отечества, активно работающее сообщество писателей, творящих свои произведения в духе преемственности по отношению к нашей классике, в духе уважения к нашей истории и культуре. Эти писатели не избалованы вниманием коммерческих издательств и телевизионных «респектабельных» посиделок. Но это те творцы живого слова, написанного на русском или ином российском языке, которые не мыслят своей судьбы в отрыве от России и её духовных интересов. На этих авторов, поэтов и прозаиков, публицистов и критиков, ориентируется наш журнал в своей работе.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

**Дорогой Анатолий Михайлович!
Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Вас с 85-летием!**

О прошлом и будущем. Кредо русского православного консерватора

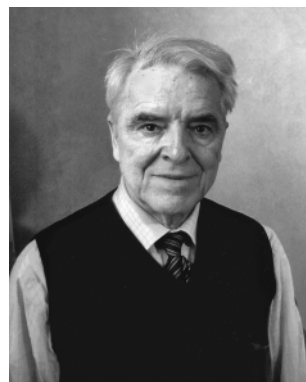
В жизни любого человека назревает такой момент, когда он чувствует себя способным и в то же время обязанным отдать обществу и своим близким, может быть, последний отчёт и подтверждённые всем жизненным опытом предложения о том, как улучшить общее дело.

Надо торопиться это сделать, пока твой мозг адекватно реагирует на все интеллектуальные сигналы и пока болезнь и смерть не вырвали тебя из этой круговерти личного и общественного существования.

Отдаю дань доброй и благодарной памяти моим русско-украинским крестьянским предкам, Бог весть, когда поселившимся на холмистых степях Луганской области. Предки и родственники по материнской линии практически до самой Отечественной войны жили в избушках с земляным полом, частично поменяв в начале XX века сельскохозяйственный труд на шахтёрский. Обитавшие в соседнем селе родители по линии отцовской лишь в начале 30-х годов могли позволить себе настилку деревянных полов в двухкомнатной хате под черепичной кровлей.

О прабабушке по линии отца сохранилась память как о весьма «учёной» особе, о чём свидетельствовало некоторое количество книг, хранившихся в её сундуке. Родители же мои, начинавшие свою трудовую жизнь на индивидуальном земельном участке, всю свою грамотность приобрели в первых трёх классах церковно-приходской школы.

Зато детство моё и моего старшего (на 2 года) брата проходило на фоне интенсивной индустриализации всего народного хозяйства Донбасса в постоянных учёбе и домашнем труде, под слабеющим традиционным воспитательным влиянием дедушек и бабушек и усиливающимся атеистическим влиянием школьной и внешкольной советской среды.

Анатолий Михайлович Курносов – родился 12 апреля 1928 г. в с. Большой Лог Краснодонского р-на Луганской области в крестьянской семье. Окончил Горный факультет Донецкого индустриального института. Доктор технических наук, профессор. Действительный член Российской Экологической Академии и Академии горных наук. Автор нескольких монографий по вопросам технологии и экономики горного дела, экологии и экономики народного хозяйства. Имеет общественные и государственные награды. В 1998 г. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II награждён орденом св. и преп. Сергия Радонежского III степени. Ветеран Великой Отечественной войны (тыла), ветеран труда, член Совета Регионального Московского общества «Дети Великой Отечественной войны».

Живёт в Москве.

Мы, как все мальчишки того времени, мечтали стать лётчиками, папанинцами и стахановцами и прочими героями. Война внесла поправки в наши планы. Старший брат, едва закончив среднюю школу, ушёл на фронт в 17 лет, и в 20 лет сложил свою голову старшим сержантом Советской Армии.

На фронтах Отечественной войны погибли ещё три двоюродных брата, а четырём братьям Бог дал возвратиться с войны живыми и продолжить жизнь в труде по восстановлению разрушенного хозяйства.

Мне удалось, совмещая труд и учёбу, закончить среднюю школу в годы войны, а в 1944–1949 гг. – Горный факультет Донецкого индустриального института. В качестве горного инженера я получил в 1949–1953 гг. трудовую закалку на шахтах Донбасса. Затем прошёл школу аспирантской учёбы в Москве, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Многие годы работал руководителем отраслевого научно-исследовательского института экономики угольной промышленности, а также госплановского института, занимавшегося научным обоснованием перспектив развития народного хозяйства СССР.

Написал много книг и статей экономического, экологического и публицистического содержания. В годы ельцинского лихолетья работал деканом Экологического факультета Российского Православного университета святого апостола Иоанна Богослова Московского патриархата.

Ничуть не претендуя на оригинальность и, не кривя душой, скажу, что всю свою сознательную жизнь я никогда не замыкался в узкой скорлупе личных или семейных интересов. Так было воспитано наше поколение, что мы рассматривали жизнь и труд как свой, так и своих близких, в первую очередь с точки зрения их ценности для укрепления мощи и доброй славы нашего Отечества. Мы гордились и гордимся всеми его достижениями и переживаем как личные несчастья все его беды.

Сердце обливается кровью, когда анализируешь и оцениваешь последствия двух гигантских социальных катаклизмов, потрясших нашу страну и нашу Российскую государственность в XX веке. Впервые в тысячелетней истории нашей страны и нашего Русского народа мы сидим, можно сказать, у развалин нашего государства.

Невольно задаёшь себе вопрос: кто мы и что мы, почему подобная катастрофа стала возможна в обществе традиционной, старой христианской цивилизации? Почему мы так податливы на призывы наших недругов, насколько лживые и коварные, настолько же и губительно-разрушительные?

Вновь подвергнем нашу общественную мысль строгому и последовательному анализу здравого смысла.

Начнём с самоидентификации.

Что значит: «Я принадлежу к Русской православной цивилизации»? Это значит, что я принадлежу к сообществу людей, которые в сфере своего материального и духовного творчества и в формировании целей личной и общественной жизни руководствуются, в основном, принципами Христианского учения (интерпретируемого Русской Православной Церковью), а главным действующим субъектом этой цивилизации является Русский суперэтнос (великороссы, малороссы, белорусы).

Есть все основания считать, что Русская православная цивилизация имеет на своём счету исторические достижения, как то:

– создание нетрадиционной, многовековой и мирной (не ставящей перед собою открыто завоевательных целей) Российской Империи, защитившей

человечество от нескольких глобальных и варварских нашествий претендентов на мировое господство;

– создание оригинальной духовной и материальной культуры, родственной по форме и содержанию другим христианским культурам;

– выполнение до последнего времени роли защитника Православного Христианства и роли «удерживающего» от объявления в мире «сына погибели и человека греха – антихриста».

Прежде чем перейти к достижениям последнего времени, ещё раз остановимся на причинах крутого схода российского общества с не столь уж гладкой и спокойной дороги многовекового эволюционного развития на неизведанный и изобилующий ухабами и гибельными провалами путь радикальных революционных экспериментов.

Борьба между сторонниками национально-консервативной стратегии развития страны, позднее получившими название «славянофилов», и сторонниками широкого заимствования на Западе решений не только технического, но и политического, и культурного характера (вплоть до посягательств на основы религии) на Руси шла уже в той или иной форме давно.

Становление Русской православной цивилизации происходило по XIX век включительно, хотя и не всегда спокойно и гармонично, но, можно сказать, в общем поступательно и от менее зрелых форм к более зрелым.

Уступка монархической власти левому движению в виде создания в 1906 году наделённой правом законосовещательной деятельности Государственной Думы не принесла умиротворения в ряды антимонархической оппозиции. Напротив, за исключением активного правого меньшинства в лице монархистов и националистов (Н.Е. Марков, П.Н. Балашёв и некоторые др.), Государственная Дума превратилась в трибуну антиправительственной и антироссийской пропаганды и клеветы, в гнездо предателей, наносящих удар в спину воюющей с тремя империями Российской армии, и подготовивших открытый мятеж против Монарха и правительства своей страны.

Можно сказать, в XX веке борьба носителей двух принципиально отличных мировоззрений и идеологических течений, а именно: «почвеннических» (славянофильских, русско-националистических, консервативных) – с одной стороны, и западнических, космополитических, настаивающих на необходимости полного слома всех традиционных институтов власти и традиционного образа жизни, достигла своей кульминационной стадии.

Левая печать начала XX века безудержно стеновала о «разгуле реакции», тогда как на самом деле речь шла об установлении шаткого и неустойчивого периода элементарного полицейского порядка, по словам бывшего народо-вольца Л.А. Тихомирова о том времени (1910 г.): «В результате стали меньше нагло резать и выжигать, поменьше грабят банки, в учреждениях вместо стада каких-то маньяков явились люди, более или менее рассуждающие, старающиеся не разрушить, а что-нибудь устраивать. Радоваться ли, однако, этой “реакции”?»¹

Представители славянофильского направления склонны были рассматривать московский (допетровский) период развития русской цивилизации и государственности как идеальный и полностью соответствующий национальным традициям и интересам России. Петербургский период Российской

Империи ознаменовался не только существенными территориальными приобретениями в северо-западных и южных пределах страны, освоением некоторых технических новшеств Запада и переносом столицы государства на берега Финского залива. Роль Русской православной церкви была заметно снижена, многие традиционные государственные институты управления были перестроены по западному образцу, а аппарат власти был сильно деруссифицирован привлечением на высшие должности большого числа иностранцев.

Во времена Екатерины II и Александра I правящий класс России продолжал заимствование некоторых идей западного Просвещения и некоторые обычаи западного аристократического быта. Были увеличены привилегии дворянства, упрочено и расширено крепостное положение крестьянства. Русское мещанство и торговое сословие было существенно разбавлено вливанием многочисленной массы инородного (еврейского, польского, прибалтийского, кавказского и др.) населения.

В XIX «золотом» веке русской культуры дворянская, а затем и разночинная интеллигенция начинают с энтузиазмом изучать многие западные философские и политические идеи и учения, в соответствии с духом которых они пытаются теоретически и практически изменить неподатливую российскую действительность.

Начиная примерно с 60-х годов XIX столетия, в России неуклонно и по нарастающей развивается и крепнет антимонархическое и антигосударственное революционное движение. От (во многом справедливой) критики некоторых традиционных институтов власти и благодушных «походов в народ» осуществляется переход к непримиримым народо-вольцам, легальным и нелегальным социалистам, анархистам, бундовцам и сторонникам массового революционного террора.

Итак, к концу XIX века все способствующие формированию революционной ситуации факторы эрозии и деформации основополагающих составных элементов Русской православной цивилизации были налицо:

– ослабление Православной Церкви (по словам Л.А. Тихомирова, «мы омертвили (Православие – А.К.) формализмом»²);

– снижение роли и ущемление прав государствообразующего Русского народа;

– появление практически ничем не компенсированного государственной властью, мощного оппозиционного движения со стороны большей части интеллигенции и сил профессиональных революционеров, опирающихся на средства печати и на поддержку антироссийских сил за рубежом.

Революция 1905 г. потерпела поражение в значительной мере благодаря решительной поддержке власти со стороны массовой народной организации «Союз русского народа» (руководители А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич, Э.И. Коновницын, Н.Е. Марков).

По-прежнему все наиболее заметные (сильные) люди государственного аппарата дореволюционной России жили под непрерывной угрозой жизни со стороны экстремистских террористических групп. «Союз русского народа» был лишён активной поддержки царской власти, правящий класс (аристократия, помещики, армейский генералитет, буржуазия) был обезоружен усилиями масонов и запуган террором и вместо поддержки власти шёл на поводу у бульварной антиправительственной пропаганды, превратив Думу

¹ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М.-Калуга: ГУП «Облиздат», 2002. С. 326–327.

² Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М.-Калуга: ГУП «Облиздат», 2002. С. 326.

в главное и публичное ристалище оппозиции Царю и Царскому правительству.

Интеллигенция в большинстве своём поддерживала антимонархические и революционные настроения, а подавляющая масса населения Империи, лишённая объективной информации и уставшая от многолетней и тяжёлой Первой мировой войны, была деморализована и безучастно наблюдала перипетии политической борьбы, ведущейся в основном в столице.

Голоса отдельных и ярких сторонников и защитников монархического режима, таких как святые Феофан Затворник и Иоанн Кронштадтский, премьер-министр П.А. Столыпин, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, депутат Госдумы Н.Е. Марков, публицисты Л.А. Тихомиров и М.О. Меньшиков и некоторых других тонули в многоголосом и агрессивном хоре политиканов-демагогов и ненавистников не только Царя и существующего строя, но и всей России в целом.

Создаётся впечатление, что и правящий класс, и формирующая общественное сознание интеллигенция России накануне трагических событий 1917 года полностью утратили инстинкт самосохранения, отдав себя без остатка во власть заботливо поддерживаемых с Запада настроений злобы, мести, анархии, безответственной демагогии, т.е. общего политического хаоса. Проникнутая гнилым духом масонства буржуазия и псевдосоциалистические политиканы, совершившие государственный переворот в феврале – марте 1917 года, оказались совершенно неспособными руководить страной, находящейся в состоянии войны. Той войны, которую, при сохранении и укреплении надлежащего порядка в стране, Россия имела все шансы победно завершить. Два противника – Австро-Венгрия и Османская Турция были практически разгромлены, а Вильгельм II прощупывал почву для заключения мира.

Об ослаблении роли Церкви в то время свидетельствует переход Святейшего Синода РПЦ на сторону предателей, окопавшихся в Государственной Думе Российской Империи, инициировавших отречение Царя от власти и создание нелегитимного Временного правительства.

Развал армии, террор, заигрывание с параллельной властью Советов в период восьмимесячного правления Временного правительства в конечном итоге открыли дорогу для прихода к власти в столицах бескомпромиссной и жестокой диктатуры большевиков. Начался период невиданного кровавого террора, тотального слома институтов прежнего режима, гражданской войны, территориального и экономического развала страны, голода, безработицы, абсолютной ликвидации частной собственности и жестоких репрессий по отношению к Православной Церкви.

В процессе переворотов 1917 года и последующих эксцессов в ходе становления Советской власти были физически уничтожены или изгнаны из страны как представители правящего класса Царской России, так и значительная, если не подавляющая, часть той интеллигенции – «буревестников революции», которые подготовили общественное сознание массы российского населения для совершения этих переворотов.

Интересно отметить, что представители этих частично расстрелянных, частично изгнанных и частично «перевоспитанных» «буревестников революции» так и не смогли понять и до конца осознать своей вины и своей попросту предательской роли, играя которую, они содействовали всем трагическим событиям, постигшим Русский народ и его государство.

Так, например, один из предателей-думцев, бросавший с трибуны этого уродливого парламента грязные обвинения в адрес Царской семьи, в начале (1920 год) так оценивал итоги февральского 1917 г. переворота: «Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешёл в новую жизнь, обогащённый запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле»³. Несколькими годами позже, когда стала укрепляться большевистская власть, этот делатель «народной революции» (так он именовал февральский переворот – А.К.) заявил, что режим «пролетарской» диктатуры «доведёт Россию до крайней степени разрушения всех её национальных целей – государственных, экономических и культурных, которые копились долгими веками». Вот тебе и решение «вопроса о земле»!⁴

Творцы Октябрьской революции в принципе продолжили дело разрушения Российской Империи, проводившееся Временным правительством, но делали это более решительно и последовательно, вплоть до уничтожения целых классов и больших общественных групп населения, беспартийно занесённых в число «врагов революции».

Истинными руководителями обеих революций были не так уж тщательно законспирированные силы мирового правительства и выступающие под их негласным управлением профессиональные революционеры (в том числе заброшенные в нужный момент в Россию поездами и пароходами).

Первыми и непосредственными организаторами и исполнителями революционных потрясений в армии, на улице, на предприятиях и транспорте, помимо этих профессионалов многолетнего антироссийского разбоя, были обманутые и взбаламученные политической демагогией некоторая часть армейских низов и заводских рабочих, люмпены и вышедшие на свободу уголовники. Затем в ряды защитников революции были насильственно мобилизованы широкие массы крестьян и солдат бывшей Российской армии.

Как видим, накануне переворотов 1917 года, все основные субъекты и фундаментальные составляющие Русской православной цивилизации были существенно ослаблены и подорваны.

Хотя в общественном мнении и в официальных документах государственной власти по-прежнему провозглашалась (скорее по инерции и формально) ведущая роль государствообразующего Русского народа, русской культуры, Русской православной церкви, но фактически многолетняя и разрушительная прозападная и космополитическая пропаганда (используя слабости официальной государственной политики) делала в явной и скрытой форме всё возможное для дискредитации всех положительных сторон нашей национальной истории и нигилистского, лживого опорочивания всех институтов традиционной русской жизни, выставления их в качестве позорных свидетельств имманентной азиатской отсталости по сравнению с «прогрессивным» Западом и его культурой.

³ Миллюков П.Н. «История второй русской революции». М.: Росспэн, 2001. С. 12.

⁴ Там же. С. 685.

Главный огонь враждебных сил был сфокусирован на монархии (самодержавии) и Царском правительстве. Любые действительные и мнимые просчёты последнего подвергались разнузданной критике. Даже интимная жизнь Царской семьи становилась объектом глумления со стороны политиканов, а жизнь честно исполняющих свой долг перед государством, будь то рядовых служащих или министров, подвергалась повседневной опасности со стороны распоясавшихся заговорщиков.

О «творчестве» большевиков первой волны и их духовных преемников на переломе XX и XXI веков немало написано и ещё много будет написано историко-аналитических трудов. В середине 90-х годов прошлого столетия наш выдающийся православный проповедник и учёный, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) писал о постигших Россию социальных катаклизмах: «...Несмотря на многодесятилетний опыт безмерных скорбей и невероятных тягот, мы, в большинстве своём, так и не поняли – что же произошло (и происходит) с Россией, какая сила превратила цветущую, бурно развивающуюся страну сперва в арену кошмарной братоубийственной бойни, затем в огромный концлагерь, в полигон разнузданного, откровенного и циничного богоборчества, а в завершение всего отдала одураченную, ограбленную и преданную Русь “на поток и разграбление” алчной своре международных преступников и проходимцев, действующих под глумливой вывеской “демократии”!»⁵

Хотя прозорливый митрополит Иоанн и предупреждает историографов от чрезмерного увлечения списывать всю вину за создание Второй великой смуты на тёмные силы заговорщиков, тем не менее он солидаризировался с заявлением известного автора и свидетеля трагических событий революции 1917–1920 гг. князя Жевахова о том, что «...разрушалась Россия сознательно, и её развал явился не результатом теоретических ошибок и заблуждений идейных борцов революции, желавших взамен дурного старого создать что-то лучшее и новое, как думали и продолжают даже теперь думать (Жевахов писал в 1923–1928 гг. – А.К.) незрелые люди, а выполнением давно продуманных, гениально разработанных программ, обрекавших Россию на вымирание»⁶.

«Программы, имевшие своей целью уничтожение России как оплота христианской государственности в мире, – писал владыка Иоанн – были спланированы не вчера и выполнялись тщательно и неуклонно».

Итак, налицо целый перечень действующих факторов «Второй великой смуты» на Руси:

- геополитический или цивилизационный (Западная экспансия против славян и «схизматов»);
- западничество и «низкопоклонство» перед Западом российской элиты;
- ущемление прав Русского народа на самоуправление и владение территорией своего извечного проживания;
- эрозия христианского самосознания коренного населения России, подвергающегося длительному атеистическому воздействию «западников» и агрессивно внедряющихся иноплеменников и иноверцев.

Провидение Господне пока уберегло Россию от той гибели, которую готовили ей космополитические силы сначала в виде «мировой пролетарской

революции», а затем в виде глобалистско-капиталистического «нового мирового порядка», выступающие под флагом пресловутой западной «демократии».

В 30-е – 40-е годы прошлого столетия к руководству партией «диктатуры пролетариата» пришли национал-большевики – Сталин, Жданов и др., которые в пику безбрежным интернационалистам-ленинцам взяли курс на построение мощной социалистической империи, окружённой целым созвездием стран-союзников социалистической ориентации. Лев Троцкий был из России удалён, а значительная часть большевистской элиты дореволюционной и революционной поры была отстранена от власти и репрессирована.

В стране при безусловной поддержке большинства народа было впервые в истории человечества построено реальное (а не утопическое) социалистическое общество, т.е. мощные экономика, наука, армия. Был сделан поворот к восстановлению разрушенной Православной Церкви и возвращению в морально-нравственный общественный обиход некоторых традиционных национальных и исторических ценностей.

В исторически кратчайший (порядка 25 лет) период сталинского «ренессанса» Россия (Советский Союз) была восстановлена почти полностью в границах Российской Империи (за исключением Финляндии и Польши). Но деление территории единого государства на десятки национально-территориальных подразделений, введённое большевиками в начале 20-х годов, не было ликвидировано и оставалось фактором, способствующим развалу страны в 1991–1993 гг., т.е. в годы ельцинского переворота, на 15 независимых государств. Построение мощной социалистической сверхдержавы и Великая победа нашего народа над силами мирового зла в 1941–1945 гг. стали возможны по Произволению Божьему и, конечно, являются заслугой выдающегося государственного деятеля И. Сталина и выращенного им поколения опытных хозяйственных руководителей и военачальников, талантливых учёных, инженеров и самоотверженных тружеников на всех уровнях единой народно-хозяйственной системы.

Но в условиях насаждаемого властью господства атеистического и космополитического мировоззрения базирующаяся на закостеневших догмах марксизма-ленинизма политическая система управления страной разложилась и в одночасье рухнула под непрекращающимся напором жаждущих реванша сил мирового правительства.

Жалкие, интеллектуально и морально несостоявшиеся наследники самодержавной власти Сталина деградировали до роли заурядных национальных предателей, а могучую державу довели до позорной капитуляции перед теми, кому лишь несколько десятилетий назад Сталин нанёс сокрушительное поражение.

Механизм разложения власти Советского государства в 80-е годы и сдачи страны и народа на разграбление в 90-е годы прошлого столетия во многом похож на алгоритм разрушения Российской Империи, описанный многими авторами, в том числе упомянутыми выше.

По-прежнему для фальсификации и очернения истории Русского народа и его государственного творчества использовалось информационное оружие (журналы, газеты, ТВ и радио), находящееся, как и прежде, в нерусских руках.

По-прежнему игнорировались или шельмовались (и ныне ещё шельмуются) все достижения русской истории и их творцы.

⁵ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Самодержавие духа. Саратов: «Надежда», 1995. С. 240.

⁶ Там же.

По-прежнему, Русскому народу инкриминируются ошибки и преступления, организованные и исполненные неисправимыми западниками-космополитами и действующими якобы от имени народа агрессивными инородцами. Последние, бесстыдно используя русское гостеприимство и христианское человеколюбие, нагло берут на себя роль выразителей общественного мнения, судей российской истории и культуры, формирователей целей будущего национального развития нашей страны и нашей цивилизации. Простому люду по-прежнему вколачивается в сознание сатанинский переворот смысла основополагающих понятий: патриотизм и национальный суверенитет – зло, а заурядное предательство национальных интересов (вспомните хотя бы известных министров СССР и России В. Бакатина и А. Козырева, «миротворца» Югославии В. Черномырдина, лидера «межрегиональной группы» Г. Попова и т.п.) – это добро во славу западной демократии.

Представители разложившейся верхушки бывшей КПСС и псевдоэлиты советской культуры, ставшие во главе государственного переворота 1991–1993 гг. (Горбачёв, Ельцин и др.), навсегда вошли в историю человечества, затмив собою жалкую фигуру Герострата, как субъекты ещё никогда не имевшего места в истории «артефакта»: чтобы полновластные лидеры богатейшей и едва ли не самой могущественной мировой державы добровольно избрали участь предателей своего Отечества и всех христианских и общечеловеческих смыслов земной и неземной жизни и добровольно капитулировали перед противником при отсутствии открытых военных действий или каких-либо других понуждающих к капитуляции условий.

Руководители РФ приняли на себя добровольно и вопреки воле народа статус побеждённой и разделённой на 15 частей страны, не формально, но фактически выплачивающей из года в год огромные контрибуции в пользу победителя, т.е. блока западных держав.

Об унижительном и гибельном положении бывшей великой страны и её многострадального народа, в которое ввергли её авторы государственного переворота 1991–1993 гг., ещё в начале катастрофы прозорливо писал митрополит Иоанн и многие другие авторы. Из числа последних публикаций я бы назвал разоблачительные интервью молодого и энергичного депутата Госдумы от правящей партии единоросов Евгения Фёдорова (см. «Русский Вестник», №№ 3, 5, 2013).

Уж если даже представитель правящей партии говорит о необходимости решительного отказа РФ от статуса колонии США и экономического (финансового, сырьевого, интеллектуального) донора Западного блока, то это дорогого стоит. Е. Фёдоров, так же, впрочем, как и писатель А. Проханов, возлагает надежды на то, что национально-освободительную борьбу за восстановление государственного суверенитета России возглавит президент В.В. Путин.

Однако все помнят твёрдые заверения национального лидера о том, что пересмотра результатов ельцинской приватизации не будет. И не менее твёрдое заявление о том, что «пусть соплями умоются те, кто мечтает о восстановлении Советского Союза и социализма» (извините за нелитературную лексику, она не моя – А.К.).

Все мы помним также, что оба члена правящего тандема РФ являются «птенцами из гнезда ельцинско-сопчаковского». И от них, особенно от преданного всей душой либеральному курсу Д.А. Медведева, «может ли быть что доброе?» Но ведь И.В. Сталин тоже поначалу был, можно сказать, вместе с творцами революционных катаклизмов и разрушения Российской Империи,

а потом стал «собирателем земель» и создателем мощного национального государства. А вдруг Бог допустит повторение чуда и даст разгромленной России православного «мужа силы и разума», о котором мы просим Его в своих молитвах?

Это не значит, что силы, думающие и принимающие на себя ответственность за судьбы Русской православной цивилизации, должны сидеть сложа руки и безвольно ждать лучших времен, когда за них Бог всё решит и управит.

Ещё в начале разгрома Советского Союза (России) в начале 90-х годов прошлого столетия владыка Иоанн призывал: «Уроки истории, страдания ушедших поколений обязывают живущих к делам веры и благочестия – и грош нам цена, если мы не усвоим должных выводов, не положим в основание нашей жизни добытый великими страданиями и обильной кровью опыт»⁷.

О чём говорит этот опыт?

Чтобы второе и великое поражение нашей страны и нашего народа не закончилось нашей окончательной гибелью, наше поколение, по мнению одного из его уходящих рядовых представителей, должно решить следующие задачи:

1. Необходимо воссоединить в едином государстве три ветви Русского су-перэтнуса – великороссов, малороссов и белорусов.

Полезно вспомнить, что ещё в дореволюционном 1914 году пламенный русский патриот М.О. Меньшиков, расстрелянный в 1918 г. большевиками, писал о значении русского единства, критикуя украинских прозападных сепаратистов: «Российское государство не есть великорусское, оно в той же степени малорусское и белорусское государство. ...Уже целые века спаянные в едином стволе, родные друг другу ветви Святой Руси – не отдельные земли, а одна земля. ...Единство русское есть основная формула нашего политического бытия»⁸. Возрождённое русское ядро России станет центром притяжения для тех территорий и народов, которые и ранее входили в состав Российской Империи (СССР) и даже, по мысли митрополита Одесского и Измаильского Агафангела, тех (преимущественно славянских и православных) народов Восточной Европы, которые традиционно тяготели к союзу с Россией⁹.

2. Русскому народу должно быть возвращено и отражено в Конституции государства его законное право на владение и распоряжение территорией его традиционного проживания и всеми её национальными богатствами, а также на участие во всех властных государственных и общественных органах страны в соответствии с его численностью и государствообразующей ролью.

С целью физического самосохранения Русского народа должен быть срочно разработан и осуществлён комплекс мер по исправлению отрицательной демографической ситуации, в том числе и такие, как:

- запрет на аборт;
- запрет на усыновление российских детей иностранцами;
- обеспечение государством полноценного воспитания и образования детей-сирот и оставшихся по какой-либо причине без опеки родителей и близких родственников;

⁷ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. Самодержавие духа. Саратов: «Надежда», 1995. С. 250.

⁸ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: «Москва», 2002. С. 445–446.

⁹ Митрополит Одесский и Измаильский Агафангел. Мы – народ богоносцев: доклад на VIII Всемирном русском народном соборе // Русский Вестник. № 4. 2004.

– обеспечение льготных условий жизни и работы для семей многодетных, малообеспеченных, проживающих в районах с экстремальными природными условиями, а также для этнических русских, переселившихся в Россию из-за рубежа на постоянное жительство;

– ужесточение ответственности за угрозу жизни и здоровью и нанесение морального и материального ущерба несовершеннолетним.

Районы традиционного проживания русского населения со сложной демографической ситуацией (отрицательный прирост) должны рассматриваться как районы национального бедствия и находиться под постоянным контролем исполнительной и законодательной власти страны.

3. Политическая форма правления суверенным Российским государством должна быть установлена Учредительным Собранием или другим законодательным органом страны или на основе общенационального референдума всего её населения.

4. Итоги незаконной приватизации народно-хозяйственного имущества и природных ресурсов страны, осуществлённой на территории бывшего СССР после государственного переворота 1991–1993 гг., должны быть признаны юридически несостоятельными. Должны быть приняты все возможные меры для возвращения государству всех сохранившихся объектов незаконной приватизации и погашения любого иного материального, финансового и интеллектуального ущерба, нанесённого стране в указанный период времени.

Без возвращения народу России незаконно отобранной собственности нелегитимной властью, установленной в результате переворота 1991–1993 гг., восстановление единства трёх ветвей Русского народа невозможно.

5. Более чем 20-летний опыт насильственного внедрения в республиках бывшего СССР капиталистического способа производства и капиталистического образа жизни показал его полную несостоятельность и неэффективность по сравнению с тем социалистическим способом хозяйствования, который был осуществлён в СССР.

Показатели этой несостоятельности и народного отторжения многочисленны и широко известны:

– геноцид (особенно русского) населения, резкое снижение его культурного уровня и духовно-нравственного состояния, депопуляция северных и восточных районов страны с экстремальными природными условиями жизни;

– падение жизненного уровня и качества жизни (обнищание) населения, выражаемые ростом безработицы, воровства, бандитизма, детской и взрослой беспризорности, снижением безопасности труда в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и быту;

– невиданное даже в капиталистическом мире разделение населения страны по уровню доходов;

– разрушение советского военно-промышленного и сельскохозяйственного потенциалов и, как следствие, снижение обороноспособности страны;

– резкое снижение уровня образования, науки и значительные потери интеллектуальных ресурсов, как следствие – научно-техническое отставание от развитых стран Востока и Запада, в том числе наших действительных и потенциальных противников;

– невиданное наводнение страны чужеродными мигрантами, способствующее созданию напряжённой криминогенной ситуации и формированию дополнительного теневого оттока финансовых ресурсов из Российской Федерации;

– постоянный официальный и теневой отток многомиллиардных финансовых средств и природных ресурсов за пределы страны, нарушающий процесс обновления и воспроизводства фондов национальной экономики.

Одним из главнейших показателей деструктивного характера одного из самых примитивных вариантов колониального капитализма, внедряемого либералами в нашей стране, является деморализация, потеря боевого («пационарного») духа Русского и других коренных народов бывшего СССР (России). Усиление масштабов богослужебной и воспитательной деятельности Русской православной церкви в последние 20–25 лет, к сожалению, не смогло компенсировать резкое ухудшение многих других условий жизни общества.

6. В русском национальном самосознании по мере накопления информации и политической культуры общества должны быть с необходимостью произведены радикальные переоценки отдельных исторических событий, фактов и личностей.

Речь идёт об оценках и переоценках таких «предметов», как период допетровского Московского Царства, как роль Петра Первого и Петербургский период истории Российской Империи, как степень успешности («прогрессивности») правления последних российских императоров династии Романовых, как значение революций 1917 года, как роль И. Сталина в преобразовании революционных целей и государственном строительстве Советского периода и некоторых других.

Враждебные силы, владеющие средствами массовой информации и формирования общественного мнения культурных слоёв общества, многие из которых являются прямыми или идейными наследниками делателей революций начала XX века и ранее с остервенением доказывавшие историческую необходимость и целесообразность революций в России, теперь с не меньшим остервенением доказывают, что весь Советский период представляет собой «чёрную дыру» в истории России, эпоху безраздельного владычества кровавой сталинской диктатуры, технической отсталости и горестной жизни народа, по всем статьям уступающей колбасно-джинсово-электронному благополучию населения «развитого и демократического» Запада.

Не так просто перейти от формировавшегося десятилетиями большевистской пропаганды образа Российской Империи как заповедника средневековой отсталости, нищеты и угнетения «трудящихся» к образу реально существовавшей «цветущей, бурно развивавшейся страны» с реальными доходами населения, которые за годы правления Императора Николая II в России выросли почти в шесть раз, с протяжённостью железных дорог увеличившейся вдвое, с прекрасным состоянием финансовой системы (см. Митрополит Иоанн, «Самодержавие духа», с. 236–240).

Однако, отдавая должное определённым успехам в развитии дореволюционной России, следует отметить абсолютную несостоятельность ностальгических надежд некоторых, в том числе православных, авторов на возможность спасения страны на пути реставрации «хорошего национального» капитализма. В нынешних внутри- и внешнеполитических условиях оптимальное решение необходимо извлечь из исторически более близкого к нам отечественного и зарубежного опыта.

Советская эпоха начиналась с разорения цветущей страны, братоубийственной войны, кровавого террора, голода, репрессий, беспрецедентной экспроприации собственности и насильственной коллективизации крестьянских хозяйств. Затем, вопреки воле мирового правительства, рассчитывавшего на

мировую революцию, в эпоху Сталина была построена могучая социалистическая держава, сумевшая спасти мир от фашистской чумы.

Великая победа нашего народа в Отечественной войне 1941–1945 гг., так же, как и строительство впервые в истории человечества общества реального социализма, были бы абсолютно невозможны, если бы народ не считал каждое из этих великих дел – своим кровным долгом и вопросом жизни и смерти. Если бы, не побоюсь впасть в чрезмерную риторику, не было на то воли Божьей.

Веками Христианская Церковь вынужденно выстраивала свои отношения с государственной властью, будь то рабовладельческих республик или империй, феодальных или буржуазных сообществ, неизменно базирующейся на антагонистических, неравноправных социально-экономических отношениях, неограниченной частной собственности и делении людей на бедных и богатых. С давних пор Христианская Церковь стремилась к мирной «симфонии» с земной властью антагонистических обществ, хотя такая «симфония» является извечным и весьма уязвимым объектом внешней критики Церкви в её «прислужничестве» светской власти. Разве, говорят эти критики, Глава Церкви Христовой не заповедовал иудеям: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 7:24) и «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24).

Разве чисто формального, юридического признания права христианской веры на существование или даже формального исповедания светской властью антагонистического общества своей принадлежности к христианству достаточно для того, чтобы строить какие-то особые отношения «симфонии» между Богочеловеческим институтом, т.е. Церковью Христовой, и человеческим институтом политической и всякой иной власти в стране и мире?

По иронии судьбы и произволению Божьему, именно в атеистическом СССР было построено неантагонистическое общество без деления на богатых и бедных. И это было сделано народом, искренне уверовавшим в то, что именно он является действительным коллективным хозяином земли и всех её богатств в социалистическом государстве. Без этой веры не было бы того невиданного массового энтузиазма и героизма, которые сделали возможными великие победы народа как на ниве труда, так и на бранном поле.

Не следует думать, что форма советского социализма – практически полное или абсолютное обобществление производительных сил при монопольном управлении всеми политическими институтами и экономикой страны одной «пролетарской» партией – является единственно возможной и рациональной для любых условий. Политическая форма власти и способ организации экономической общественной деятельности, конечно, находятся в определённой зависимости, но эта зависимость не является строго детерминированной. К.Н. Леонтьев, например, считал возможным сочетание монархии с социалистической формой хозяйствования. Совершенно нелогично также считать, что атеизм и насильственная социализация (обобществление) народного хозяйства, не говоря уже о каких-то утопических формах казарменной, военизированной организации хозяйственной и личной жизни людей свободного общества, якобы являются генетическими признаками социализма.

Даже пресловутый вопрос целесообразной доли общественной и частной собственности на средства производства должен решаться на основе законной допустимости и равноправности частнопредпринимательской деятельности там, где она (при известном контроле со стороны государства) может

быть более эффективной, по сравнению с общенародной. Но доминирующей формой организации народного хозяйства должна быть как теоретически и практически более эффективная система планового и социалистического хозяйствования. Которая, кстати, по своему духу, отвечает Заповедям Христа и создаёт условия для справедливого (не абсолютного!) материального равенства не на словах, а на деле. Тогда как любая форма капитализма позволяет наиболее «продвинутым» индивидуумам сначала ограбить большую часть общества до нитки, а потом, пустив крокодилову слезу лицемерной благотворительности, бросить какие-то крохи с барского многомиллиардного стола нищим люмпенам на прокорм, на защиту природы и даже на строительство храмов Божьих.

Борьба нынешней либеральной государственной власти с ультралиберальной сервильной оппозицией может только усилить хаотизацию и деградацию общества, отвлечь его от решения сверхнаасущной задачи радикального изменения главного направления развития: от губительного либерально-капиталистического – к спасительному христианско-социалистическому.

7. Рискуя впасть в «высокоумие» и некомпетентное посягательство на ту важнейшую для русского человека область духовной жизни, какой является для него взаимоотношения с Церковью Христовой, членами которой мы, по благодати Божией, являемся, хочу вынести на суд единоверцев некоторые, возможно, не бесспорные соображения по усилению роли современных мирян – прихожан Церкви. В чём состоит истинная роль и назначение церковного прихода? Везде ли этот приход является настоящей общиной святых во Христе, подобно тому, как это было в первоапостольской Церкви? Достаточно ли индивидуального евхаристического общения прихожанина с духовником и участия в общей молитве под крышей одного храма? Мне кажется, священноначалие прихода и епархии могло бы обогатиться более полной информацией для формирования обратной связи от рядовых членов Церкви к её клиру и иерархам в том числе. Ибо, помимо первостепенных вопросов исповедального плана, прихожан интересуют и заботят многие проблемы их взаимодействия с окружающим миром, как местного, так и более общего характера. Конечно, такая организация церковно-приходской жизни, не ограничивающаяся сугубо богослужебной практикой, потребует от священников более высокой нагрузки и более высокой профессионально-образовательной подготовки.

Второе соображение касается опасений отдельных рядовых членов Церкви относительно действительной или воображаемой опасности бюрократизации аппарата управления Церковью и чрезмерной формализации процесса разработки её общей позиции в решении актуальных проблем большой общественной значимости. При абсолютно полном доверии к священноначалию Церкви, хотелось бы думать, что накануне грядущих событий мирового и национального характера состав низшего и высшего клира РПЦ не будет подвергнут кадровому обеднению за счёт проникновения лиц формально исповедующих Православную веру или даже враждебных ей.

В заключение прошу читателей настоящего отчёта быть снисходительными к тем его положениям, которые они сочтут ошибочными или неприемлемыми. Буди, Господи Иисусе Христе, милостив ко мне за возможные прегрешения против истины.

ПОЭЗИЯ

Юрий КОЛОДНИЙ

**Дорогой Юрий Николаевич!
Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Вас с 55-летием!**

Юрий Николаевич Колодний – родился 16 мая 1958 года в станице Калининской (Поповичевской) Калининского района Краснодарского края. Окончил два факультета Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург). Автор четырнадцати поэтических книг и многочисленных публикаций. Имеет общественные награды. Член Союза писателей России и Международного сообщества писательских союзов. Член Высшего творческого совета МОО Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член региональной общественной организации «Кубанское землячество» в городе Москве.

Живёт в городе Одинцово Московской области.
Персональный сайт – [http // www.kolodnij.narod.ru](http://www.kolodnij.narod.ru)

Дышу мелодией стихов...

Дышу мелодией стихов,
Где каждый стих мольба.
В глубинах сумрачных веков
Скрывается судьба.

В сиянье призрачных миров,
Где бьётся свет времён,
Восходит дух святых даров
В созвездии миров.

Живу стихами для стихов,
Где каждый миг – борьба.
И в бездне сумрачных веков
Открывается судьба.

У фресок Дионисия

«Слово стало плотью»

Ин. 1:14

Бездонное слово душевного вздоха
Сокрыто мазком дерзновенного ока.

Где в образе духа, любви и свободы
Открыты пред взором небесные своды.

И «Слово плоть бысть» переполнено светом,
В беседе ума сердце жаждет ответа.

Сквозь тайну веков и скрижали завета
Откроется вечность за линией цвета.

И сердце потянется к жизни и крову
От мысли веков к воплощённому слову.

И каждый был зван, но не каждый услышал...
Кто слышит душой, тот и будет возвышен.

Я не остров в океане
В этом мире зла и тьмы.
Наши души, как в тумане,
Перед совестью немы.

Нет опоры в доброй вести,
Где сердца – сплошной гранит.
Где вокруг стена из лести,
Из бездушных серых плит.

Словно в зеркало кривое
Смотрим мы из темноты.
Каждый видит непростое
Отражение мечты.

Нет и боли, к ней привыкли,
Что прошло – для нас молчит.
Рухнут храмы, где отвыкли
Души совестью лечить.

Охота за душами

Простить готов, забыть – не в праве,
Игру веков в земной оправе.
Стихи ветров, тревоги дали,
Мечту, которую предали.

Ночной прибой, раскаты грома,
 Пожар судьбы, закат у дома.
 Пути, неизвестные дороги,
 Борьбой размытые пороги.
 Мгновенья жизни, адской боли,
 Черты холопской, серой доли.
 Просторы вечности, сиянье –
 Судьбы великие деянья.
 И обаянье, обаянье –
 Великой жизни созерцанье.
 Простить готов, забыть – едва ли,
 Укор веков, где убивали.
 Потоки лжи в словесной брани,
 Блеск нищеты у вечной грани.
 Тела, где души заковали,
 И отпевали, отпевали...
 Как сохранить любовь с мечтою,
 Тот хрупкий мир с самим собою?

Моя страна

Очнись, одумайся, страна,
 В бессмертном отблеске заката.
 Ты для меня всегда одна,
 Одна средь холода и злата.
 В сиянье света и добра,
 Под кровом памяти и Бога,
 Ты, словно скифская гора,
 Лежишь могильно у порога.
 Не надо мне других миров,
 Алмазных копий, амулетов.
 Не надо радостных пиров,
 Чужих, заоблачных рассветов.
 Россия – Родина, она
 Одна на целом белом свете.
 Мы за тебя душой, страна,
 Пред Богом, совестью в ответе.

Русская рулетка

Играем в русскую рулетку,
 Идём по лезвию ножа.
 Душа, закованная в клетку,
 Взывает к Богу, чуть дыша.

Нет берегов, и нет причала,
 Приходит грустная пора.
 Ночь без конца, день без начала –
 Какая странная игра?

Судьба в обойме барабана
 Прокрутит жизнь бедой сполна.
 Ствол у виска. Курок нагана.
 Холодный пот. Глоток вина.

Играем в русскую рулетку,
 В кармане пусто, ни гроша.
 Душа, закованная в клетку,
 Взывает к Богу, чуть дыша.

Полковник

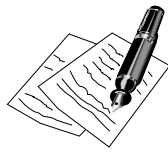
Не хлопайте дверью, полковник.
 Не надо святыни ронять.
 Сегодня вы мелкий чиновник,
 А завтра полковник опять.

Не каждому в жизненном море
 Судьбою беду миновать.
 И горе, полковник, не горе,
 Мир шашкой не надо рубать.

Не надо пытаться в вагоне
 Златые погоны срывать.
 В тяжёлом прокуренном стоне
 О прошлом душой горевать.

Не надо, не стоит, негоже
 Безумно в обломки стрелять.
 Отечество сердцу дороже,
 Так будем за веру стоять!

ПАМЯТЬ

Анатолий НЕСТЕРОВ

АНАТОЛИЙ НЕСТЕРОВ

Листая дни назад (Невыдуманные рассказы)

*Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернёт?*

Александр Блок

Борис Слуцкий

Впервые Бориса Слуцкого я увидел 27 января 1966 года. Помню эту дату точно лишь потому, что именно в этот день поэт подарил мне свой небольшой сборник, изданный в «Молодой гвардии». В те годы в молодёжном издательстве выходили книжки известных поэтов в серии «Библиотечка избранной лирики».

Слуцкий оставил автограф: «Анатолию Нестерову – с надеждами». Надежды, надежды... Проходят дни, и вместе с ними уходят надежды, вернее, уходят одни, а на смену им всё равно приходят другие.

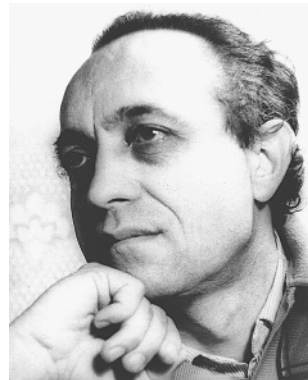
... В те шестидесятые годы я учился в Воронежском университете, на филологическом факультете. Сдав зимнюю сессию, вполне благополучно «зайцем» приехал в столицу поездом «Воронеж-Москва».

Я неплохо знал и любил стихи Бориса Слуцкого. Мне нравилось его раскрепощённость строк, умышленное отталкивание от гладкописи. В его стихах напрочь отсутствовали равнодушные, казёнщина. В них чувствовалась непосредственность, сама жизнь с её нелёгкими острыми углами.

И вот, без всякой предварительной договорённости, наобум направился домой к поэту. С закономерным волнением звоню в дверь. Раздаётся пугающий шорох ключа, и на пороге Он.

– Здравствуйте! Вы знаете, я молодой поэт. Приехал из Воронежа. Хочу показать вам свои стихи, – что-то в этом духе я пролепетал.

– Проходите! – сурово произнёс Слуцкий.

Анатолий Михайлович Нестеров – член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. Стихи печатались в журналах «Смена», «Наши Современники», «Союз писателей» (№1 2012 г.), «Подъём», «Петровский мост», «Невский альманах» (№2 2012 г.), в «Роман-журнале-XXI век», в альманахе «45 Параллель» и других поэтических изданиях.

Живёт в Ельце.

В коридоре небрежно он взял букет цветов, которые я принёс, бросил отрывисто «спасибо» и молча передал их жене, которая тоже вышла на мой звонок.

Разговаривали мы с ним вдвоём, в отдельной комнате. Какходишь в квартиру Слуцкого, что на Третьем Балтийском переулке, так сразу из коридора, кажется, налево.

Некоторые мои стихи ему понравились. Он стал меня расспрашивать о жизни, о Воронеже, о снабжении в магазинах, которое в то время было скудным. Я удивился, конечно, про себя, почему его – большого поэта волнует снабжение. Он должен быть выше этого... так по наивности и молодости казалось мне тогда.

И Слуцкий, как будто угадав мои мысли, сказал: «Настоящий поэт должен интересоваться всем. И не должен прощать ошибки... даже правительству».

– А я и не прощаю, – с детской и никому не нужной запальчивостью брякнул в ответ.

Можно было подумать, что от моего непростения что-то зависит.

Зазвонил телефон. Слуцкий с кем-то говорил, как я понял, о предстоящем вечере поэзии. С уважением отсылаясь о Белле Ахмадулиной, он сказал в трубку своему собеседнику:

– Нет, без отчества неудобно, она известный, большой поэт. Надо представлять Белла Ахатовна...

После телефонного разговора неожиданно спросил у меня:

– А вы чьи стихи больше любите Гордейчева или Жигулина?

– Жигулина, – ответил я.

– Я тоже. Но Гордейчев хорошо начинал...

– Я не помню начала Гордейчева, мне трудно судить.

Слуцкий промолчал. Перевёл разговор на другую тему.

– Вы студент... Вам помогает кто-нибудь?

– Нет, никто. Родителей у меня нет. Кручусь сам. Вагоны разгружаю.

– А переводами занимаетесь? Кстати, какой иностранный язык изучаете?

– Немецкий... Переводами не занимаюсь.

– Переводить стихи – это одно и то же, что вагоны разгружать, – чуть грустно произнёс Слуцкий и добавил:

– А немецкий учите получше, пригодится.

Потом спросил у меня:

– Кто вам нравится из молодых поэтов?

Я, не раздумывая, ответил: «Волгин и Заурих». В то время их подборки стихов заполнили московские журналы.

Слуцкий промолчал...

– А вы не знакомы со своим земляком Алексеем Прасоловым? – с теплотой и заинтересованностью в голосе произнёс он.

В то время я ещё не был знаком лично с Алексеем Прасоловым. Рассказал, что видел Прасолова всего один раз, когда он вместе с другими воронежскими поэтами, в частности, с Павлом Мелехиным, выступал в кафе «Россиянка», которое находится в центре города.

Борис Слуцкий написал записку Александру Богучарову, работавшему в те годы в отделе поэзии журнала «Смена». Он рекомендовал мои стихи. Богучаров прочитал, кое-что отобрал, обещал напечатать. Но опубликованы в журнале они так и не были.

После первой встречи с Борисом Слуцким прошло четыре года. Я уже закончил университет и работал литсотрудником в районной лискинской газете.

Дорогие товарищи
Зачошкін и Богучаров!
Всячески рекомендую Вам
Анатолия Нейтерова - журналиста
районника и Таштичкова -
поэта.
Борис Слуцкий

Москвы, Люся рассказала, что просьбу мою выполнила. Слуцкий обещал внимательно прочитать стихи и написать мне письмо. Из её рассказов отчётливо помню: на вопрос Слуцкого, кого она любит из современных поэтов, Люся ответила: «Роберта Рождественского». «Я очень уважаю этого поэта», - сказал ей Слуцкий.

Прому передано и передал Люся
мне - она мне дала
и Твердо стоит на страже
Ваших интересов.
Спасибо за номер Газеты.
Ваш.
Борис Слуцкий

Убеждённость,
с которой сын из окопа
Пишет матери:
«Всё хорошо у меня!»
Убеждённость,
срывающая оковы
И пылающая
светлее огня.
Убеждённость
не в бытии,
а в сознании,
в том, что будет,
Как надо,
Как следует быть,
Жизнь до жизни
Предчувствующая заранее,
Смерть до смерти
Готова,
Как рюмку, испить.

Однажды заведующая отделом писем нашей редакции Люся Анцупова, обаятельная и весьма способная журналистка, собралась ехать в Москву. Я вручил ей новые свои стихи и просил зайти домой к Борису Слуцкому.

Через несколько дней, вернувшись из

Из Москвы Люся привезла для нашей газеты новые стихи поэта, которые не были тогда нигде напечатаны.

18 апреля 1970 года в лискинской районной газете «Ленинское Знамя» были опубликованы стихи Бориса Слуцкого «Надо, значит надо», «Убеждённость», «Учебная музыка», «Летний дождик».

И на страницах районной газеты звучал неповторимый голос поэта.

Ровно 27 лет назад
наша 20-я гвардейская дивизия
проездом с Западного фронта на
3-ий Украинский фронт
ночевала в Лисках.
До сих пор помню разбитые
бомбёжкой пути и
руины, которые тогда
окружали станцию.
То, что Лиски
отстроились, выросли
и похорошели -
это радость не только
для лискинцев, но
и для всех советских людей.

журналы «Пионер» и «Знамя», в последнем журнале шансов мало. Будете в Москве - заходите!»

Уважаемый Анатолий Михайлович!
Вы - талантливый человек
и из Ваших стихов это
явствует со всей несомнен-
ностью.
Я думаю, что Вам пора
качественно печататься - и в
Ворожее и гибкий образ,
в Москве!
Ваши стихи я передал в
«Пионер», где кое что, навер-
но, пойдет - они поработи-
лись Главному редактору
Италару Висунимирине Альбиной
и в «Знамя», где также
исключе.
К концу чьих и буду в
Москве. Пишет.

Вместе со стихами Бориса Слуцкого была напечатана и его записка, которую он специально написал для своей подборки. Привожу её полностью:

«Ровно 27 лет назад наша 20-я гвардейская дивизия проездом с Западного фронта на 3-ий Украинский фронт ночевала в Лисках. До сих пор помню разбитые бомбёжкой пути и руины, которые тогда окружали станцию. То, что Лиски отстроились, выросли и похорошели, - это радость не только для лискинцев, но и для всех советских людей.

Борис Слуцкий».

Вскоре из Москвы я получил небольшое тёплое письмо от Бориса Слуцкого. Он, в частности, писал: «Ваши стихи я передал в

В девятом номере журнала «Пионер» за 1970 год была напечатана моя подборка.

Раньше, по молодости лет, мне казалось, что талантливость таких поэтов, как Борис Слуцкий доказывать никому не нужно. Талант - это аксиома. Но в жизни оказывается всё сложнее... И отношение к поэзии Слуцкого никогда не было однозначным. Кого-то притягивали его мудрое видение мира, неброское своеобразие его неспешных строк. Кто-то упрекал поэта в прозаизме, приземлённости, кому-то не хватало внешнего лоска и эффектности. Такова судьба всего, что выходит за рамки привычного, ординарного. И эти оценки уже не столько характеризуют самого поэта, сколько тех, кому они принадлежат.

В связи с этим вспоминается совещание молодых литераторов, которое проходило в конце шестидесятых годов в Воронеже. Среди московских гостей-руководителей семинаров был Марк Соболев.

В заключительный день, на общем заседании, подвыпивший Марк Соболев распространялся перед нами о том, что конкуренции он не боится, что у него есть свои поэтические угодья. Развивая мысль, что не всегда популярность автора и его произведения находятся в прямо пропорциональной зависимости, Марк Соболев, голосом, не терпящим возражений, буквально заявил следующее: «Товарищи! Все мы отлично знаем, что Борис Слуцкий – не поэт!»

Я был ошеломлён. Мне хотелось возразить московскому гостю, но я постеснялся прерывать вдохновенное выступление самодовольного мэтра.

О вкуса спорить глупо. Как говорят в народе: «Кому – офицеры, кому – огурцы». Но всё же своё мнение с многолетним опозданием, в ответ на заявление Марка Соболева хочу высказать. Я не сомневаюсь в том (надеюсь, моих единомышленников немало), что Борис Слуцкий – большой поэт. Его вклад в современную поэзию отрицать нельзя. А для истории совершенно не важно, кто там маленький копошится у подножья глыбы, пытаясь утвердить себя в этой суетной жизни.

И совершенно очевидно, что русская поэзия даже не заметила: был ли в ней Марк Соболев или не был.

Вернёмся к более справедливым воспоминаниям... Только где-то в 1974 году мне удалось вырваться в Москву. Кажется, это было осенью. Позвонил Слуцкому. Он предложил мне:

– Сегодня у меня занятия с молодыми поэтами, приходите Толя, вам будет интересно.

Узнав адрес, куда приходиться, я попрощался. Занятия Слуцкий проводил, если я не ошибаюсь, в каком-то Доме политпросвещения. Собралось человек сорок. Слуцкий представил меня. Я коротко рассказал о себе и прочитал стихотворений десять. Мнения разделились. Пришлось услышать и добрые слова, и столкнуться с резкими нападками в свой адрес. Выступали и другие стихотворцы.

– Кто вам понравился из выступавших? – спросил у меня Слуцкий, когда мы с ним шли по улице после этой литвстречи.

«Честно говоря, никто. То, что я слышал сегодня, это, по-моему, далеко не лучшие отголоски прошлого века. Вам, очевидно, их стихи тоже чужды, в них совсем не чувствуется пульс сегодняшнего дня».

«Мои ученики, с которыми я занимаюсь, нравятся мне тем, что они не похожи на меня», – ответил Слуцкий.

Расстались совершенно неожиданно. Вынув из кармана пять рублей и размахивая ими, он остановил первую попавшуюся легковую машину. Частник любезно открыл дверь. В то время пять рублей ещё что-то значили. Мы попрощались, и Борис Слуцкий уехал.

Примерно спустя год, неожиданно для себя, я получил из Москвы бандероль. Поэт прислал мне свой новый сборник «Продлённый полдень».

Автограф был очень краток: «Анатолию Нестерову – дружески. Борис Слуцкий».

В ответном письме я поблагодарил его за книжку и послал несколько своих новых стихотворений. Вскоре из Москвы пришло письмо.

«Дорогой Толя!

Получил Ваше письмо и сердечные стихи. Мне больше всего показались

стихотворения “В небе туча серая” и “Ах, вино взбудрило кровь”. Впрочем, это песня, хорошая песня. “Рассказ рабочего” – недодуман, неглубок. Единственное в нашей профессии спасение и исцеление – работа. Желательно – ежедневно.

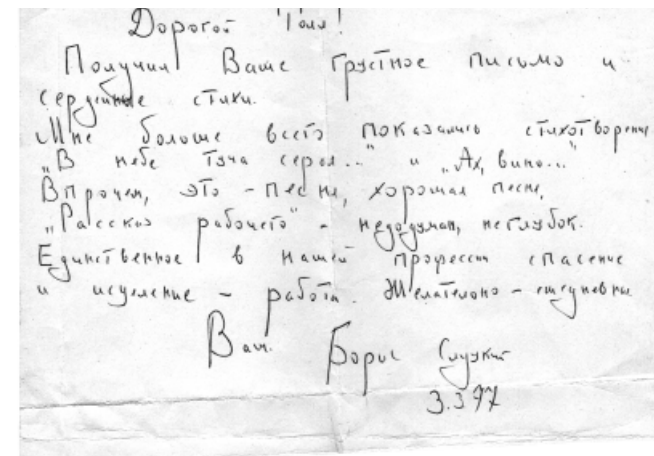
Ваш Борис Слуцкий»

После этого письма я ещё раз три в разные годы был в Москве. Звонил каждый раз Слуцкому домой, но каждый раз, может быть, стечение обстоятельств, телефон не отвечал. Позднее от знакомого столичного литератора узнал, что Слуцкий очень тяжело переживал смерть жены, вскоре серьёзно заболел и сам. Стихи писать перестал, начисто потерял рифму. Детей у Слуцких не было. Одному, больному жить стало, очевидно, нелегко, и он уехал к брату в Тулу, где и скончался 22 февраля 1986 года.

... И теперь, когда я бываю в столице, мне так и хочется набрать знакомый номер 1-55-00-00. Я знаю, сейчас ответит телефонистка. «Дайте пожалуйста, добавочный 2-48» – попрошу я.

Трудно поверить, что на другом конце провода уже больше никогда не услышу немного суровый, но всегда доброжелательный голос поэта Бориса Слуцкого:

– Здравствуйте, Толя.

Цена правды

Осенью 1966 года Литературный институт имени Максима Горького вновь открыл очные отделения. До этого несколько лет, не знаю по чьей инициативе, форма обучения была заочной. Очевидно, считалось, что будущим литераторам негоже отрываться от школы жизни. И ни один институт, если нет таланта, никого никогда не научит хорошо писать.

... Прочитав в «Литературке», что объявлен творческий конкурс, я послал в институт свои стихи. Вскоре пришёл ответ: конкурс я прошёл, рецензент поэт Сергей Смирнов положительно отозвался о моих опусах. Я был на седьмом небе. В то время я уже учился на третьем курсе филфака Воронежского университета.

Декан филологического факультета, неуклюжий как медведь и очень добродушный Яков Иванович Гудошников, повертел в руках письмо из Москвы и вызов на экзамены, немного подумав, сказал:

– Так... я понимаю, вы хотите забрать документы и стать большим поэтом.

– Нет, – возразил я. Я хотел бы, Яков Иванович, взять документы чисто теоретически, а если не поступлю, то остаюсь у вас на факультете.

Гудошников сам вышел из кабинета и позвал секретаря. В то время не было ни кнопок, ни прямых телефонов.

– Маша, – обратился он к секретарю, – отдай этому пииту на небольшое время его аттестат и трудовую книжку. А потом будем решать... кто знает, что из него выйдет.

... К моему удивлению, в приёмной комиссии литинститута я встретил своих земляков-воронежцев: Олега Шевченко, Сашу Голубева и Славу Ситникова. Они тоже успешно прошли творческий конкурс, но поступали на заочное отделение, а я один – на очное.

Перед экзаменами было собеседование. И вот я вхожу в большую комнату, в которой сидят человек пятнадцать. Среди них Евгений Винокуров, Сергей Наровчатов и другие суровые и важные мэтры. И кто-то из них, самый суровый и важный, мне говорит:

– Творческий конкурс вы прошли, и стаж у вас есть, два года работали. Но чем вы занимались последние два года? Почему у вас нет записи в трудовой книжке с 1964 по 1966 годы?

И я, Боже мой (юношеский максимализм, наивное желание говорить правду, зачастую, кроме вреда, ничего принести не могут), сказал правду:

– Учусь на филфаке в Воронежском университете, взял временно документы и приехал к вам поступать.

Самый суровый и важный сразу насупился:

– Мы принимаем в первую очередь тех, кто нигде не учится.

Я всё равно решил сдавать экзамены, надеясь на чудо. Помню, как сдавал немецкий язык вместе с Борисом Примеровым, который в то время очень широко печатался. Что говорить о немецком, Примеров по-русски с трудом связывал слова. Он отвечал впереди меня. Женщина преподаватель посмотрела в какой-то список, сказала Примерову «достаточно» и поставила ему пять.

На его фоне я был корифей: если учесть, что немецкий нам вдалбливали в суворовском училище, где я учился мальчишкой, пять часов в неделю, то упрекнуть меня в нескромности нельзя. Мои познания в иностранном языке равнодушным экзаменатором были оценены тройком.

В те годы (царствование Никиты Сергеевича Хрущёва) был закон: в высшие учебные заведения в основном принимали тех, у кого есть трудовой стаж не менее двух лет. После окончания суворовского училища в 1962 году я сразу же подал документы в Воронежский университет на филфак. Военный из меня не получился, так как был комиссован по состоянию здоровья. На вступительных экзаменах я получил две пятёрки и две четвёрки и не прошёл по конкурсу. Среди школьников был свой конкурс. Из 120 человек приняли всего 8. Они сдали экзамены на все пятёрки.

Через два года, когда я уже приобрёл трудовой стаж и когда почти не осталось знаний, сдал экзамены: две четвёрки и две тройки. Среди «стажников» шёл в первых рядах. Но вернёмся в Москву.

... Секретарь приёмной комиссии литинститута Владимир Ильич Ильин с теплотой в голосе и в то же время с укоризной мне заявил:

– Зачем же ты сказал, что уже учишься в университете. Теперь тебя не примут.

Так, впервые в жизни, тогда я узнал, что бывают такие обстоятельства, когда страшным пороком считается говорить правду. В дальнейшем этот постулат подтверждался неоднократно.

Вадим Козин

С 1962 по 1964 годы по инициативе Никиты Сергеевича Хрущёва я приобретал трудовой стаж, чтобы потом легче было поступить в высшее учебное заведение.

Мой родной дядька Алексей Алексеевич Нестеров – артист Воронежской филармонии как раз уезжал на гастроли в далёкие края. Номер у него был очень зрелищный, интересный – трансформация. Половину концертной программы, где-то минут 45 он выступал со своей женой. На сцене устанавливался занавес. Алексей Алексеевич играл на ксилофоне, пиле, жонглировал, показывал фокусы. Его жена – певица пела песни разных народов. Но соль была в том, что перед каждым номером или очередной песней они по очереди, а иногда и вместе заходили за свой занавес и буквально через 2-3 секунды выходили совершенно в других костюмах и платьях.

... В должности ассистента артистической группы я и начал свою трудовую деятельность. За занавесом, который устанавливался на сцене, находились я и второй ассистент Саша Жихарев. Наша обязанность – быстро снимать и надевать на артистов костюмы, которые были сшиты хитро: крючки, лески.

За 10 месяцев с концертами мы объездили всю Чукотку, Магаданскую область, Южно-Сахалинск и его окрестности. Но речь не о концертах и не о моей трудовой деятельности. Я хочу рассказать о встрече с Вадимом Козиним – некогда популярным и знаменитым певцом, имя которого, думаю, навсегда останется в памяти любителей музыки.

... В 1963 году перед началом концерта в областном магаданском Доме культуры за кулисами появился невысокого роста, очень энергичный и подвижный старичок. Было ему, очевидно, где-то под шестьдесят, но мне, тогда молодому, он казался древним.

Кто-то из местных работников тихо произнёс: «Это Вадим Козин. Он всегда встречает приезжих артистов».

Сашка Жихарев, купивший не так давно по большому благу магнитофон «Астра-2», сразу оживился и обратился ко мне:

– Надо обязательно к нему напроситься в гости и записать его песни.

После этих слов он направился к Козину. Через несколько минут, радостный и сияющий, он сообщил мне: «Всё, договорился. Завтра у нас концертов нет, и вечером идём домой к Вадиму Козину».

... Вадим Козин встретил нас очень приветливо. Комната у него была большая, с высокими потолками. В углу стоял рояль. Жил он один, но в квартире было чисто, уютно.

– Сначала поужинаем, а потом разговоры, – сразу же заявил хозяин и пригласил нас к столу. Откуда-то, то ли с подоконника, то ли из-за фрамуги окна, Козин ловко извлёк бутылку водки, в которой плавали какие-то растения. Спустя несколько минут выяснилось, что это корки от лимона. Впервые в жизни тогда в Магадане, на квартире у знаменитости, я пробовал водку, настоянную на лимонных корках. Понравилось. Хотя в молодости любая водка хороша.

Сашка настроил магнитофон и со старых пластинок переписывал песни в исполнении Козина. Вдруг, ничего не говоря, Вадим Козин подошёл к роялю, сел за него и запел, сам себе аккомпанируя. Комната наполнилась неповторимым серебряным журчанием:

Давай пожмём друг другу руки
И в дальний путь на долгие года...

В том далёком 1963 году в одной из комнат холодного города Магадана звучал поистине волшебнo-серебряный голос...

О начале блистательной карьеры Вадима Козина, о том, как она внезапно оборвалась, и почему он оказался в тюрьме, я был наслышан от артистов ещё до встречи с певцом.

Говорили, что начиная вместе с Лемешевым, Козин был более талантлив, несомненно, добился бы мирового признания, если б не его пагубная страсть: любовь к мальчикам.

Где-то уже в конце восьмидесятых или в самом начале девяностых я прочитал статью в «Неделе» (фамилию автора не помню) о Вадиме Козине. Статья была написана к юбилею певца, который в то время был ещё жив. Рассказывая о его жизни и творчестве, автор, между прочим, заметил, что все слухи о пристрастиях Козина – это выдумки и что срок ему дали лишь за то, что он отказался петь в Кремле, когда его туда пригласили по указанию Сталина.

Можно понять автора той статьи: он хотел как-то защитить честь, подкрасить жизнь и судьбу певца, спасти его репутацию в глазах современников. Хотя большинство современников презрительно плюют на тех, кто ещё живёт с ними рядом. Мы больше почитаем и боготворим ушедших в мир иной.

В отличие от «недельного» автора, я живу, часто себе во вред, по принципу известной пословицы «Платон мне друг, но истина дороже».

А истина прозвучала в тот вечер 1963 года из уст самого Вадима Козина. Слегка подвыпивший, возбуждённый и весёлый, он в течение почти тридцати минут читал Сашке Жихареву и мне небольшую лекцию. Свои взгляды он выражал так категорично и настойчиво, что становилось ясно: спорить с ним бесполезно. И заключались эти взгляды в следующем: женщины – противные создания и лучше с ними не иметь никаких дел.

Анатолий Жигулин

Приехал в Воронеж Анатолий Жигулин. Случайно с ним встретились на проспекте и как-то незаметно оказались в моей комнате студенческого общежития. За распитием вина шёл разговор о жизни, о поэзии.

Жигулин в своё время учился в лесотехническом институте. И, очевидно, ностальгируя по прошлому, в разговоре заметил:

– Если б я пошёл по научной стезе, сейчас бы уже был профессором.

Я ему возразил:

– Ну и что? Профессора Жигулина не знал бы никто, а поэта Жигулина знает вся страна.

Он улыбнулся:

– Это ты правильно подметил.

Читал ему свои стихи. Жигулин говорил добрые слова, подарил мне свой новый сборник «Поле боя» с такой надписью: «Анатолию Нестерову. Ты пишешь очень хорошие стихи, с большим удовольствием я их сегодня слушал».

На следующий день, трезво прочитав его автограф и скептически взглянув на свои опусы, я пришёл к выводу: когда над человеком витает дух блоковской истины, то истины, которые им высказываются, весьма сомнительны.

Неожиданно для себя получил письмо из Москвы от Анатолия Жигулина. Привожу его дословно.

«А. Нестерову 6 февраля 1992 года, четверг.

Дорогой Анатолий!

Я давно получил твои прекрасные стихи о Г. Луткове. Хотел их опубликовать в своей статье «Жертвы и палачи» («Лит.газета», 20 июня 1990 г., с. 11), найди и прочитай её. Там я прямо назвал отца Г. Луткова палачом, а Геннадия стукачом.

Однако твои стихи не взяли. Ты по рассеянности забыл поставить под ними свою подпись.

Пришли экземпляр с подписью. Я опубликую их в «Л.Г.» или в «Комсомолке» в своей статье. Обнимаю! Анатолий Жигулин.

Бываешь ли в Москве. Мои телефоны: 280-34-51 дом. 593-08-35 дача в Переделкино. Я подарил бы тебе книжное издание «Чёрных камней». Оно

А. Нестерову 6 февраля 1992 года, четверг

Дорогой Анатолий!

Я давно получил твои прекрасные стихи о Г. Луткове. Хотел их опубликовать в своей статье «Жертвы и палачи» («Лит.газета», 20 июня 1990 г., с. 11), найди и прочитай её. Там я прямо назвал отца Г. Луткова палачом, а Геннадия стукачом.

Однако твои стихи не взяли. Ты по рассеянности забыл поставить под ними свою подпись.

Пришли экземпляр с подписью. Я опубликую их в «Л.Г.» или в «Комсомолке» в своей статье.

Обнимаю!

Аноатолий Жигулин

А по почте можно заказать книгу «Безнадежно-Воруженные и Чёрные Камни» Ж.И.Ж.

Бываешь ли в Москве? Мои телефоны: 280-34-51 дом. 593-08-35 дача в Переделкино. Я подарил бы тебе книжное издание «Чёрных камней». Оно дороже, полнее и острее журналистики. Не «протокол» Ж.И.Ж.

богаче, полнее и острее журнального. И с фотографиями. А по почте посылать книгу безнадежно – воруют мои «Чёрные камни». Ан. Ж.»

Последний раз я встречался с Анатолием Жигулиным будучи студентом. За бутылкой вина мы с ним были на «ты». С тех пор прошла уйма лет. Он стал известным, и не только известным, но и прекрасным нашим поэтом. В ответном письме я постеснялся ему «тыкать». Возможно, и зря, потому, что во втором письме ко мне, очевидно, учитывая моё обращение к нему, он перешёл на «ВЫ».

А ответ я написал ему такой:

«Дорогой Анатолий Владимирович!

Получил ваше письмо, которое напомнило мне, что, действительно, когда-то, сразу после прочтения «Чёрных камней» одним залпом за считанные минуты, я написал стихотворение о Лутковке.

Сразу же, отпечатав его на машинке, первый экземпляр послал в журнал «Знамя», второй оставил у себя, забыв о нём начисто. И вот сейчас, трижды перебрав все свои папки, стол, не могу найти свой экземпляр. Очевидно, выбросил его с ненужными бумагами. Честно говоря, я не придавал этому стихотворению никакого значения. Мне казалось, что оно – сиюминутный всплеск души, который не имеет ценности.

Твёрдо веря, что это стихотворение никому не нужно, я отнёсся халатно к его сохранению. Если оно у Вас сохранилось, то я готов его подписать, приехав в Москву...

Анатолий Владимирович, очень благодарен Вам (если Вы ещё не передумали) за будущий подарок – книжное издание «Чёрных камней». У меня только – журнальный вариант. Книгу купить не удалось. А она необходима мне ещё и потому, что моя жена – преподаватель литературы в старших классах – проводит уроки по «Чёрным камням».

Всего Вам доброго, здоровья, успехов. А. Нестеров.

P.S. А «Литгазету» я выписываю уже больше 20 лет, поэтому статью «Жертвы и палачи» прочитал внимательно ещё тогда, в июне 1990 года.

А.Н.»

Вместе с этим письмом я послал Анатолию Жигулину и свой сборник стихов «Капля времени». Ответа долго не было. И вдруг получаю письмо.

«А. Нестерову

8 мая 1992 года

Москва

Дорогой Анатолий!

Два с половиной месяца не мог ответить на Ваше письмо – тяжело болел, да и сейчас болезнь меня ещё не оставила.

Спасибо Вам за «Каплю времени»! Это живая, полнокровная книга, творчески и философски зрелая. Очень хорош главный мотив сборника – горьковатое ощущение быстролетящего, неповторимого времени. Этот мотив особенно мне близок. Посылаю для подписи три экземпляра Вашего стихотворения. Вы весьма неправы в его оценке. Оно вовсе не сиюминутное. Оно сильное, оно – важный документ нашей трудной эпохи.

Если будете в Москве, позвоните во второй половине дня. Телефоны: 280-34-51 дом. и 593-08-35 – Переделкино. Книжное издание «Чёрных камней» готово для Вас. Желаю здоровья, творчества и любви!

Анатолий Жигулин»

А. Нестерову
8 мая 1992 года
Москва

Дорогой Анатолий!

Два с половиной месяца не мог ответить на Ваше письмо – тяжело болел, да и сейчас болезнь моя еще не оставила.

Спасибо Вам за «Каплю времени»! Это живая, полнокровная книга, творчески и философски зрелая. Очень хорош главный мотив сборника – горьковатое ощущение быстролетящего, неповторимого времени. Этот мотив особенно мне близок.

Посылаю для подписи три экземпляра Вашего стихотворения. Вы весьма неправы в его оценке. Оно вовсе не сиюминутное. Оно сильное, оно – важный документ нашей трудной эпохи.

Если будете в Москве, позвоните во второй половине дня. Телефоны: 280-34-51 дом. и 593-08-35 – Переделкино. Книжное издание «Чёрных камней» готово для Вас. Желаю здоровья, творчества и любви!

Анатолий Жигулин»

Расписавшись на экземплярах своего стихотворения, которые мне прислал Жигулин, я два экземпляра отослал ему, один оставил себе. До сих пор мне неизвестно, пригодилось ли это стихотворение Анатолию Жигулину, было ли оно напечатано или нет.

Учитывая, что это «важный документ нашей трудной эпохи», по выражению поэта, а на мой взгляд, скорее всего, – документик, считаю необходимым вынести на суд читателей строчки, которые вышли залпом из под моего пера после прочтения в журнале «Знамя» «Чёрных камней».

Открытое письмо Геннадию Луткову

Скажи, Геннадий,

что такое совесть?

Забьл? Совсем не знал?

Что ж, извини...

Мы в твой из юности

ушедший поезд

на час вскопчить сумели

в наши дни.

Ты думал, что поступки

напрочь канут,

не доживут до наших дней,

когда в друзей швырял

такие камни,

что зубы вылетали у друзей.

Всё остается людям:

дело, слово.

Пойми, Геннадий, ты

в конце концов, –

не спрячешься под именем Чижова,

у подлецов всегда одно лицо.

Что совесть для тебя?
 Кусок бы хлеба,
 Да с маслом, да с икрой –
 вот это, да!
 Ты, Гена, никогда поэтом не был.
 Предатель им не будет никогда!
 Когда предатели
 идут в приятели,
 они не ведают про страшный час.
 Запомните, российские предатели,
 Найдутся «Камни чёрные» для вас.

7 сентября 1988 г.

Это стихотворение мною было послано в журнал «Знамя», печатать его не стали, а передали Анатолию Жигулину. Вот так оно попало к нему.

Алексей Прасолов

3 февраля 1972 года в одном из кабинетов Лискинской районной газеты «Ленинское знамя» зазвонил телефон. Вот уже третий год, после окончания университета, я работал в этой редакции.

Я поднял трубку.

– Редакция... Слушаю вас...

На другом конце провода услышал взволнованный голос бывшей сотрудницы нашей газеты Людмилы Анцуповой, которая в то время работала в областной газете города Воронежа «Молодой Коммунар».

– Толя, вчера повесился Прасолов...

– Как? Зачем? – от неожиданности вырвалось у меня.

... Алексей Тимофеевич Прасолов. Хочу сразу же во имя Истины оговориться: к сожалению, я не могу, точнее не имею морально права считать себя близким другом поэта. Неоднократно мы с ним встречались, были хорошо знакомы. Являясь поклонником стихов Алексея Прасолова, на мой взгляд, одного из крупнейших лириков нашего времени, считаю своим долгом не умолчать о наших встречах: в творческом и жизненном пути большого художника важно всё.

... Осенью 1965 года в кафе «Россиянка», что находилось в центре Воронежа, состоялся вечер встречи с местными поэтами. Я вместе с другом зашёл в кафе. В то время студенты, хотя и не часто, но могли позволить себе перекусить с бокалом вина в самом престижном кафе города. Тем более что накануне мы получили деньги за выгрузку вагона. Недалеко от нас за отдельным столиком сидели поэты. Виктора Полякова и Павла Мелехина я знал в лицо, а вот третьего, сидящего с ними, – взгляд сумрачный – видел впервые.

Посетители активно жевали, попивали коньяк, вино и только снисходительно-жиденькие аплодисменты свидетельствовали о том, что здесь выступают поэты. Что читал Поляков, совершенно не помню. Нахальный и постоянно взъерошенный, как петух перед боем, талантливый Павел Мелехин рассыпал звонкие строчки:

Дуралей я, дуралей
 С петушиным гонором.
 Убежал я от полей,
 Прописался в городе.

И вот слово дают Алексею Прасолову. Небольшого роста, взгляд исподлобья, лысый, он начинает читать. Но посетители кафе смачно жуют, пьют, и практически никто, за редким исключением, не слушает выступающих. В тот вечер я понял на всю жизнь: стихи и жующая публика – несовместимы.

Поэзия Прасолова, как я убедился позднее, требует серьёзного, вдумчивого подхода. Его стихи надо читать, а не слушать. Они философичны, мудры, как окружающая нас природа. С налёту, тем более на слух, воспринимаются трудно. В тот вечер, не сумев по достоинству оценить прочитанное им, я всё же унёс с собой две строчки, которые вонзились, вошли в меня навсегда:

Душа, прозрей же в мирозданье,
 Чтоб не ослепнуть на земле.

Под этими строчками, уверен, с удовольствием подписался бы любой классик.

Читал Прасолов как-то отрешённо, создавалось впечатление, что слушатели для него не существовали. Кончив выступление, он, не глядя ни на кого, сел за стол.

Вскоре в Воронеже вышел первый сборник Алексея Прасолова «День и ночь». Купив его, я первым делом стал искать стихотворение, которое кончалось строчками, так поразившими меня.

Здесь – в русском дождике осеннем
 Просёлки, рощи, города.
 А там – пронзительным прозреньем
 Явилась в линзах сверхзвезда.

Это начало. А кончалось оно так:

Что в споре? Истины приметить?
 Столетия временный недуг?
 Иль вечное, как ход планеты,
 Движенье, замкнутое в круг?

В разладе тягостном и давнем
 Скрестились руки на руле...
 Душа, прозрей же в мирозданье,
 Чтоб не ослепнуть на земле.

Любители поэзии, местные литераторы заговорили об Алексее Прасолове, кто с восторгом, кто, не сумев справиться с завистью, прохладно и даже враждебно. Ничего удивительного в этом нет. Так оно было и так будет всегда. Достаточно вспомнить классические строчки: «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, оплёвывать друг друга».

... Встречаю как-то на проспекте Революции Алексея Кочербитова – доброго человека, автора посредственных поэтических сборников. В то время он мне казался старым, ему было где-то под пятьдесят.

Доброжелательно схватив меня за рубашку, дыша в лицо чем-то винным, он громко кричал, потому что был глуховат:

– Ты представляешь, Прасолов подарил свой сборник Павлу Касаткину, а тот порвал его и выбросил на улицу со второго этажа Союза писателей. Выбросил самого Прасолова...

«Самого Прасолова» – это красноречиво говорит о высокой оценке творчества поэта, пусть не самым одарённым из коллег, но человеком, всю жизнь занимавшимся поэзией.

В то время я жил в студенческом общежитии, в комнате с товарищем по факультету Владимиром Сарычевым, с которым довольно близко сошёлся. Володя был на курс старше меня, учился только на «отлично» и очень серьёзно занимался литературоведением. При обсуждении стихов Прасолова у нас с ним было полнейшее взаимопонимание. Как раз он только что закончил курсовую работу с броским названием: «Мирозданье Алексея Прасолова».

С пафосом, хорошо поставленным голосом он читал мне выдержки из своей работы. Помнится, как он восторгался стихотворением Прасолова о лошади и мирозданье.

– Ты только послушай, какая глубина, какие строчки.

И декламировал:

*Мирозданье сжато берегами,
И в него, темна и тяжела,
Погружаясь чуткими ногами,
Лошадь одинокая вошла.
Перед нею двигались светила,
Колыхалось озеро до дна,
И над картой неба наклонила
Многодумно голову она.
Что ей, старой, виделось, казалось?
Не было покоя средь светил:
То луны, то звёздочки касаясь,
Огонёк зелёный там скользил.
Небеса разламывало рёвом,
И ждала – когда же перерыв,
В напряженье кратком и суровом,
Как антенны, уши навострив.
И не мог я видеть равнодушно
Дрожь спины и вытертых боков,
На которых вынесла послушно
Тяжесть человеческих веков.*

– Это лучшее стихотворение о лошади в современной поэзии, – подытожил Володя, – да и не только о ней. А как сказано здорово: «Мирозданье сжато берегами».

Как показало время, Володя (в настоящее время профессор Липецкого педагогического института Владимир Александрович Сарычев) оказался прав. Стихотворение о лошади и мирозданье – одно из самых знаменитых в творчестве поэта.

Спустя два года, в 1968 я лично познакомился с Алексеем Прасоловым. А вышло это так. Возле помещения редакции областной газеты «Коммуна»,

которое находилось в то время на проспекте Революции, я стоял и о чём-то разговаривал с Олегом Шевченко – сотрудником этой газеты. Вдруг мой собеседник, прервав разговор и глядя за мою спину, произнёс:

– Вон идёт Прасолов. Опять выпивший. Ему можно пить, он пишет полу-гениальные стихи.

Я быстро попрощался с Олегом и пошёл вслед за Прасоловым.

– Алексей Тимофеевич, – тронув его за плечо, обратился я к нему.

Он резко обернулся ко мне:

– Что?

Взгляд его был встревоженный.

– Я знаю ваши стихи, они мне... как бы сказать...

– Симпатичны, что ли, – прервал он меня.

– Да, – ответил я.

Минут через двадцать уличного знакомства мы с ним оказались в столовой монтажного техникума, который находился напротив Дома офицеров. По пути, разумеется, я не забыл прихватить пару бутылок портвейна.

Разговор шёл в основном о поэзии. Прасолов читал свои стихи, кое-что из Блока, Ахматовой. Я не припомню, чтобы при наших встречах он цитировал кого-нибудь из современных поэтов. Единственный живой поэт, перед кем он благоговел – это Александр Твардовский. Кстати, Александр Трифонович впервые представил всесоюзному читателю поэта Алексея Прасолова, опубликовав в журнале «Новый мир», редактором которого являлся, большую подборку его стихотворений. О своей встрече с Твардовским в редакции журнала мне коротко тогда поведал Прасолов. Рассказал, что Твардовский лично отобрал его стихи и передал их в издательство «Молодая гвардия». В этом книжном издательстве в 1966 году и вышел сборничек Прасолова, который назывался просто «Лирика».

Тогда, в столовой, Алексей (мы с ним сразу же перешли на «ты») сказал примерно следующее: «Я в своей жизни встречался с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский».

Гораздо позже из литературных кругов, не помню от кого, я узнал, что стихи Прасолова попали к Твардовскому через вторые руки в то время, когда их автор отбывал наказание в известных местах за мелкое хулиганство. Благодаря усилиям Александра Трифоновича, Алексей оказался на свободе раньше срока.

Я долго колебался: стоит ли упоминать о том, что Прасолов когда-то был осуждён, зачем эта ложка дёгтя в бочку мёда? Другое дело, если б по политическим мотивам... Об этом даже и вспомнить с гордостью можно. Но с другой стороны – зачем наводить «хрестоматийный глянец» на талантливых и пусть даже знаменитых людей. Мне ближе позиция Сомерсета Моэма, который в своей автобиографической книге пишет: «Я не согласен с мнением, что нужно закрывать глаза на пороки знаменитых людей; по-моему, лучше, чтобы мы о них знали: тогда, помня, что мы не менее порочны, мы всё же можем верить, что и добродетели их для нас достижимы».

Вторая встреча с Алексеем Прасоловым произошла чисто случайно. Я выходил из центрального книжного магазина, в руках держал только что прекрасно изданный новый сборник Роберта Рождественского. Внизу возле ступенек стоял Алексей. Поздоровались. Он взял у меня из рук сборник, полистал его и немного грустно произнёс:

– Красиво издаются... Но ничего... Пусть нас издают в серых и блёклых обложках, – это не самое главное.

Потом обратился ко мне:

– Ты сейчас занят?

– Нет! Студенты – народ свободный.

– Вот и хорошо. Пошли вместе по городу побродим.

Чувствовалось, что Прасолову было одиноко. Стояла летняя жара. На Алексее была рубашка стального цвета с короткими рукавами.

– Что это у тебя со щекой, – показывая на ссадину, спросил я. Он нахмурился и с обидой произнёс:

– Мелехин толкнул с лодки.

– Как это?

– Вчера пошли мы на речку: я, Поляков и Мелехин. Выпили. И он, здоровый чёрт, ни с того, ни с сего толкнул меня. Дурь свою показал.

Надо сказать, что Алексея Прасолова не только с лодки толкали. На корабле Жизни ему явно было неуютно, литературные и другие чиновники не хотели упорно его пускать в каюту первого класса, может быть, даже и потому, что в глубине своих мелких душ понимали, что они сами занимают не свои места в этих каютах. И боязнь потерять эти уютные местечки заставляла их относиться к другим, кто более талантлив, враждебно. Впрочем, эта мысль стара, как сам мир: так было всегда, так, очевидно, и будет всегда.

В ту нашу встречу Алексей Прасолов уже был членом Союза писателей, у него только что вышел новый сборник «Земля и зенит», но привилегий особых не добился. Квартиры своей не имел, ночевал в Воронеже у знакомых, порою даже случайных людей. Работал литсотрудником в районной газете Хохла, благо этот райцентр находится недалеко от областного города.

– Ну, а квартиру обещают? – спросил я у него.

– Обещают...

– Где? В Воронеже или Хохле?

– Мне всё равно, лишь бы был свой угол, стол, бумага и ручка, – ответил безразличным тоном Прасолов.

Быт, как я понял, его не очень волновал. Позднее Алексею дали квартиру, в которой жил член Союза писателей Георгий Воловик. Квартира эта находилась возле старого аэропорта, двухкомнатная «хрущёвка». А бывший квартирисьёмщик получил новую, более благоустроенную в центре города.

Но даже и тени недовольства по поводу старой квартиры я не заметил на лице Прасолова, хотя он отлично знал, что менее талантливые и даже бездарные члены Союза писателей неоднократно улучшали свои жилищные условия.

Я не встречал более аполитичного человека, чем Прасолов. Как-то попытался заговорить с ним о политике, разумеется, критикуя власть имущих. Он сразу же, чтобы переменить тему, заявил:

– Давай лучше поговорим о Тютчеве.

И тут же процитировал:

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги!
О как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!*

О политике он не хотел говорить не из-за страха, а из-за полнейшего безразличия к ней.

Прасолов как поэт шёл от старой школы. Совершенно ясно, что и Тютчев,

и Блок оказали на его творчество сильное влияние. Ему был совершенно чужд Вознесенский, да и многие современные громкие поэты.

В те шестидесятые годы нередко возникали споры на страницах печати: одни (и таких было большинство) считали, что сейчас не время тихих лириков. Со страниц журналов, газет не сходили стихи Еvtушенко, Рождественского, Вознесенского – поэтов громких и шумных.

Как-то, встретив меня, официально признанный и обласканный властями, поэт Владимир Гордейчев спросил:

– Читал вчера статью в «Правде», как досталось тихим лирикам?

И, не скрывая радости в голосе, добавил:

– Всё! Время Жигулина и ему подобных проходит.

Под «подобными» в первую очередь он, разумеется, имел в виду Прасолова.

Сейчас, оглядываясь назад, в те далёкие годы, я понимаю, насколько несерьёзны и беспредметны были эти споры. Можно писать тихие лирические стихи и быть большим поэтом. Впрочем, как и наоборот. Всё зависит от таланта автора.

Что же касается Гордейчева, то я никогда не был его поклонником. Он хороший техник стиха, но привычное умение делать стихи убивает самое главное – поэзию. Беда Гордейчева в том, что он душу бережёт в процессе создания, отсюда холодность, описательность, сухость строк, которые не вызывают ответного чувства сопереживания своей рациональностью и плохо скрываемой заданностью.

Вспоминаются знаменитые строчки Гордейчева, не раз цитируемые в то время критиками:

*Мы не галстуком броским
Потрясаем умы.
Это мы – Мануковские!
И Гагарины – мы!*

Даже я, уж не говоря о нынешней молодёжи, не помню – кто такой Мануковский. Всё это проходящее, на злобу дня...

А мирозданье всегда, навеки будет сжато берегами.

Я высказываю своё мнение, которое сложилось у меня за эти долгие годы, не претендуя на истину в последней инстанции. Может быть, кому-то покажется, что «потрясать умы не галстуком броским» и есть большая поэзия. Тогда, как говорится, о вкусах не спорят: кому – офицеры, кому – огурцы.

Я часто встречал людей, далёких от поэзии, ничего в ней не смыслящих. В этом нет ничего плохого. Все не могут и не должны любить поэзию и разбираться в ней. Беда в том, что некоторые из таких людей, не желающие признаться в своей некомпетентности, с видом знатока замечают: «Всё это не то. Нет сейчас поэта такого масштаба, как Пушкин! Вот Пушкин писал – это да! Он – гений!»

А если вдруг такого «специалиста» спросишь, какие же конкретно стихи гения ему нравятся, то все его познания, как правило, начинаются и заканчиваются хрестоматийно-школьным, типа «Я помню чудное мгновенье».

Конечно, против Пушкина не попрёшь: гений он и есть гений. Но для настоящих ценителей и любителей поэзии, думается, одного Пушкина явно недостаточно. Необходимо, чтобы тебя окружали книги и просто талантливых современников.

С не меньшим, а порою даже и с большим удовольствием, отложив в сторону Пушкина или Лермонтова, хочется заново перечитать стихи Кирсанова, Сашу Чёрного, Марину Цветаеву, Велимира Хлебникова, Николая Глазкова, Юрия Левитанского, Давида Самойлова, Василия Казанцева, Алексея Прасолова.

У них разная манера письма, об одном и том же каждый из них думает и пишет по-своему. Но у них общее одно – талант!

В 1969 году после окончания Воронежского государственного университета я уехал работать в Лиски, литсотрудником в районную газету. Первое время часто бывал в Воронеже. В один из таких приездов в редакции областной молодёжной газеты «Молодой Коммунар» встретился с Алексеем Прасоловым.

Из редакции мы вышли с ним вместе. Настроение у Прасолова было приподнятое, хорошее. Мне надо было уезжать к себе, в Лиски. Он вызвался меня проводить на электричку. По дороге стал рассказывать, что готовит новый сборник, который будет называться «Во имя твоё» и целиком посвящён жене – Раисе Андреевой.

Я у него спросил:

– А в Москве не собираешься издавать новую книжку?

Он несколько секунд промолчал, потом задумчиво произнёс:

– Собираюсь... Но для этого надо писать, чтобы книжка состояла из новых стихов. В эти годы, как мне показалось, Прасолову писалось трудно. Писать хорошие стихи можно только при определённом состоянии души. У этого состояния есть имя – Вдохновение. В книге «Во имя твоё», которую выпустило Центрально-Чернозёмное издательство, было немало стихотворений из предыдущих сборников поэта.

В вокзальном буфете на закуску мы купили четыре пирожка. Алексей взял себе всего один, остальные подсовывал мне:

– Ешь, ешь, ты молодой, тебе нужно, а мне уже не обязательно.

Тогда я этим словам не придавал особого значения, мне, вчерашнему студенту, и, правда, казалось, что сорокалетний умудрённый опытом Прасолов большую и лучшую часть своей жизни прожил. Но теперь я понимаю, что это совершенно не тот возраст, чтобы говорить «не обязательно».

Последний раз с Алексеем мы встретились в самом начале января 1971 года. Я сидел у себя в редакции и корпел над обработкой писем, которые готовил к печати в районной газете. Вдруг дверь открылась, и на пороге я увидел Алексея Прасолова.

– Вот, еду отдыхать в санаторий, решил зайти, – проговорил он. Санаторий «Дивногорье», куда ехал подлечиться Прасолов, находился недалеко от Лисок. Он протянул мне шесть стихотворений, аккуратно написанных от руки:

– Может быть, опубликуешь...

Я предложил Прасолову задержаться на несколько часов:

– Пообедаем вместе...

– Нет! – категорически заявил он, – поеду сейчас. С этим делом (щёлкнул пальцем по горлу) я завязал. Оно ни к чему мне теперь, я испытал все состояния в жизни, ничего нового не приобрету.

Несколько дней спустя, три стихотворения поэта появились в «районке». Я послал ему в санаторий газету с его публикацией.

Вскоре получил от него ответ, короткую записку:

«Анатолий здравствуй!

Я не думал, что будут опубликованы именно эти стихи. Цикл «Стрелю башенного крана», казалось, больше подходит.

Р.С. Человеческая давилня. В «Литературке» заживо похоронили Мелехина.

Алексей».

Впоследствии, уже после ухода из жизни Прасолова, эту записку я отдал его жене Раисе Андреевой, которая работала в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Я туда часто навещался, готовился к изданию мой первый сборник.

Постскриптум Прасолова требует пояснений. В «Литературной газете» был напечатан небольшой некролог: «Воронежская писательская организация скорбит по поводу смерти члена Союза писателей поэта Павла Мелехина».

Несмотря на этот некролог, живой и невредимый Мелехин разгуливал по улицам Воронежа и при встрече со знакомыми широко улыбался.

Злые языки утверждали, что этот некролог организовал сам Мелехин. Имея доступ к бланкам, печати, он, занимая какую-то должность в Воронежском отделении Союза писателей, сам на себя состряпал некролог и отправил его в «Литературку».

Цель – привлечь к себе внимание. Не берусь утверждать, что это так и было. Но всё это очень похоже на Павла Мелехина. В подтверждении этого мнения приведу и такой случай. Первые дни после смерти Прасолова Мелехин рассказывал всем знакомым, в том числе и мне, что Алексей повесился на шарфе, который он ему привёз в подарок из Москвы. И в его сообщении, как ни печально, чувствовалась нотка гордости.

Народная примета гласит: если человека ошибочно похоронили при жизни, он будет долго жить. Очевидно, из каждого правила есть исключение, всем приметам верить нельзя. В первой половине восьмидесятых годов Павел Мелехин поменял свою воронежскую квартиру где-то на Подмосковье. Ему хотелось быть ближе к столичным журналам, издательствам. Но вскоре его не стало. Рассказывали, что он якобы или выбросился, или пьяный упал из окна своей новой квартиры. Очевидно, за близость к столичным издательствам приходится иногда кое-кому расплачиваться...

На поэтическом небосклоне России давно зажглись и ярко светят две звезды, чья земная жизнь связана с Черноземьем. Имена этих звёзд: Алексей Прасолов и Анатолий Жигулин.

Поэзия Прасолова философична, мудра. Она заставляет думать и об общих законах поэтического искусства, и о законах природы, и о быстротечности бытия.

*Родина? Судьба? Моя ли юность?
Листьями ль забрызганная – ты?
Всё во мне мелькнуло и вернулось
Напряжённым ветром высоты.*

Совершенно ясно, что среди нас, ворвавшихся в новое тысячелетие, будут разные люди. Для большинства, очевидно, «сникерсы», не говоря уже о «мерседесах», станут гораздо ближе и ценнее, чем поэзия. Но я не сомневаюсь

в том, что и среди наших потомков найдутся такие, которые будут зачитываться стихами Алексея Прасолова. Лучшее, что создано этим поэтом, заняло своё достойное место в русской словесности нашего времени. Не только нам, живущим сегодня, но и им, потомкам, предназначаются прасоловские строчки:

*Не утешайся логикою гибкой.
Эпоха жарко дышит у дверей,
Как роженица – с трудною улыбкой
Насмешкой над обидою твоей.*

... И ещё вспоминается из студенческих лет давняя лекция, которую читал нам, любимый студентами всех поколений филфака, известный литературовед, критик Анатолий Михайлович Абрамов. Речь шла о современной поэзии, в частности, о стихах Прасолова, его новой книжке «Земля и зенит».

Анатолий Михайлович снял очки, протёр их и с грустью в голосе выдохнул шёпотом и в притихшую аудиторию:

– Алексей Прасолов – это боль нашей поэзии...

Мечь

Вспоминается такая история...

В шестидесятые-семидесятые годы прошлого века жил в Воронеже поэт Михаил Касаткин. В основном издавал сборники в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Насколько он был талантлив – судить трудно по той причине, что многие стихи за его авторством были написаны другими поэтами. Разумеется, небескорыстно. Иногда писал за него и Павел Мелехин. Очевидно, пожадничав, Касаткин расплатился с Павлом далеко не щедро. И тот (то ли от обиды, то ли ради баловства) продал Касаткину следующее стихотворение:

*Месяц в городе ночью не виден,
Как над сквером – отдельный плафон.
Ах, зачем так безмолвен Никитин,
Словно морем огней напоён.
Автоматы у входа в аллею
Тоже будто бы странники тут.
Как слепцы – ни о чём не жалеют
И даяния медного ждуют.
Нам-то кажется полночь пустою,
Грубоватым – неоновый свет.
Он хоть движется, зреньё – в застое:
Вот чего опасайся, поэт!
Ну а чтоб глубоко, не парадно
Оценить, как мы нынче живём,
Встать на место Никитина надо –
И не в сквере, а в веке былом.*

Когда же сборник Михаила Касаткина вышел из печати, улыбающийся Мелехин всем рассказывал, что это стихотворение – акростих и написал его он. Если читать начальные буквы каждой строки сверху вниз, то получается

следующее:» МКАСАТКИН ГОВНО ВИ». Так как слов, начинающихся на «ы», в русском языке нет, то в начале последней строки поставлена буква «и».

Вот так, Михаил Касаткин, сам того не ведая, опубликовал в сборнике за своим авторством это стихотворение. Высек сам себя, правда, с помощью Павла Мелехина.

«А сейчас Платонов жив?»

В 1970-е годы идеологическим отделом Воронежского обкома партии заведовал некто Сеницын. В то время широко стали печатать Андрея Платонова.

Руководители местного Союза писателей пришли как-то к Сеницыну. Рассказав ему, какой замечательный писатель Платонов, они заметили, что неплохо бы в Воронеже установить памятник известному земляку.

Сеницын отрешённо посмотрел на них и спросил:

– Скажите, а сейчас этот Платонов жив?

... Памятник тогда так и не появился.

Горькие груши

Этот случай я хотел упорно вычеркнуть из своей жизни, хотел о нём навсегда забыть. Но он настёрно, как разъярённый бык, бросается на меня, не вычеркивается, не забывается, хотя прошло уже столько лет, что кажется порою, прошла вся жизнь.

... После окончания третьего курса филфака ВГУ, а это было в 1967 году, мои друзья-студенты технологического института Стас Бабаханов и Рудик Гриднев уговорили меня на летних каникулах присоединиться к ним, к их туристической группе. Маршрут был следующим: на поезде доезжаем до (не помню какой) станции в Краснодарском крае, потом дней 5-6 топаем с рюкзаками и палатками по горам и выходим к Чёрному морю, точнее, спускаемся с гор прямо в Пицунду.

Вместе со мною в этот поход отправился и мой двоюродный брат Борис. Всё было очень интересно и проходило точно по намеченному плану. Впервые в жизни я оказался так высоко в горах, впервые на булавку без всякой наживки ловил форель в горной речке. Лесная чаща в горах, сам климат очень удивил и поразил. И даже прекрасен был тот переход по бревну через журчащую речушку, когда я посередине этого бревна зашатался и чуть не свалился в неё.

Через шесть дней мы спустились в Пицунду. Разбили палатки почти возле самого моря, и началась беззаботная, вольная, весёлая жизнь. Рядом с нами тоже в палатках отдыхали ребята из Москвы, наши сверстники. И вот, спустя неделю, когда все мы уже хорошо перезнакомились, неоднократно поднимали кружки за столь знаменательное событие, подходит ко мне москвич Игорь и говорит: «Смотри, какие хорошие груши и абрикосы мы нарвали в саду».

Я попробовал, правда, вкусные.

– А где вы рвали?

– Да здесь недалеко. Только у нас с собой не было ничего, а в карманы много не положишь.

И мы вчетвером: я, Борис, Игорь и его товарищ Саша – вооружившись пустыми рюкзаками, двинулись в путь.

Вскоре перед нами оказалась вполне приличная дыра в заборе, по краям которой беспомощно болталась толстая проволока.

Сад, точнее это походило на громадную виллу, меня поразил. Ничего подобного никогда в своей жизни я не видел. Теннисный корт, асфальтированные дорожки, яйцеобразными кругами аккуратно рассекающие территорию. Изумрудно с пятнами голубизны поблёскивала вода в бассейне. И вокруг почему-то ни души!

Мы вскоре нашли фруктовые деревья, на которых росли абрикосы, и стали их лихо рвать. Ели и тут же набивали ими рюкзаки. И вдруг, откуда ни возьмись, перед нами появилась, как будто бы выросла из-под земли, старушенция, небольшого роста, слегка сутулая, с пронзительным взглядом.

– Откуда вы взялись, ребятки? – вполне дружелюбно прошепелявила она.

– Да мы здесь рядом отдыхаем. А что, рвать нельзя? – наивно я ей ответил вопросом на вопрос.

– Что вы, рвите, рвите, можно... – и она засеменила довольно-таки бойко по дорожке.

Боже мой, какими мы были доверчивыми и глупыми. Это только сейчас я знаю, что под маской дружелюбия часто прячутся злые и подлые намерения. И далеко не всегда надо верить добрым, на первый взгляд, старушенциям.

– Смотри, – обратился ко мне Борис, – а на той стороне тоже какие-то фруктовые деревья. Кажется, это груши... С кем туда пойдём?

Саша моментально отозвался. Они пошли к этим деревьям, предварительно перейдя одну из асфальтированных дорожек.

Мы с Игорем остались и продолжали рвать абрикосы, их здесь было море. Минут через пять я увидел, как напротив нас, но ещё вдалеке, по кольцу асфальтированной дорожки мчится легковая машина.

«Всё, труба, старуха заложила, прячься в траву!», – прокричал Игорь.

Мы нашли небольшой земляной навес, поросший травой и спрятались там. Но не тут-то было. Легковушка тормознула точно возле нас. Из неё выскочили трое мужчин и быстро направились в нашу сторону. У одного из них угрожающе блеснул в руках ствол ружья, у второго, который с усиками (почему-то в тот момент мне показалось, что он похож на Берию, хотя я толком и его не видел), из портупей торчала рукоятка пистолета.

С пистолетом был явно главный.

– Так, поднимайтесь, суки...

Мы поспешно встали.

– А где ещё двое, – голосом, не терпящим возражений, прокричал он.

– А они пошли туда, – сказал я и показал совершенно в противоположную сторону.

– Иди, ищи их, – обратился усатый к человеку с ружьём, – и стреляй без всякого предупреждения. Понял?

– Так точно! – отчеканил его подчинённый.

– А вы живо садитесь в машину, – обратился усатый к нам.

Вскоре мы оказались у здания, похожего на башню, выложенную из красного кирпича. Нас повели вовнутрь. Шли, как помнится, по винтовой лестнице. И вот оказались в просторном кабинете. Человек с усами важно уселся в кресло, вынул пистолет и положил его на стол. Второй встал возле двери.

Когда нас обнаружили, подняли с колен, мне было как-то безразлично и

даже интересно. А вот здесь, в этом мрачном кабинете, с лежащим на столе пистолетом и стоящим за нашими спинами амбалом, стало по-настоящему страшно.

«Вот сейчас прихлопнет, – подумалось мне, – и никто не узнает, где могила моя. И он будет прав. Скажет, что грабители напали».

– Так, – грозно произнёс человек с усами, – вы знаете, сволочи, куда вы забрались?

– Нет, мы не знаем, – пролепетал Игорь.

– А как вы попали сюда?

– Но мы шли, гуляли, смотрим – дырка в заборе и прошли, – миролюбиво начал я объяснять.

– Дырку немедленно заделать, – обратился усатый к стоявшему у дверей амбалу.

– Фамилия. Имя. Откуда вы? – обратился он к нам.

Игорь сказал правду. Я соврал. Представился Солнцевым (это был мой псевдоним), сказал, что учусь на физмате в Воронежском университете.

– Мы постараемся, чтобы вас исключили из ваших вузов. Пошли вниз.

Нас снова посадили в машину и повезли теперь к парадному входу.

Открыли железные ворота, вытащили нас из машины, дали каждому под зад хорошего пинка и швырнули нам в спины рюкзак с абрикосами, большая часть которых рассыпалась на дороге.

Во время принятия нежелательного пинка я успел заметить, что пляж и часть моря, прилегающая к пляжу, ограждены сеткой-рабицей.

Игорь подхватил полупустой рюкзак, и мы, униженно поднимаясь с земли, отправились восвояси.

Когда пришли в свой палаточный центр, то увидели весёлых и невредимых Бориса и Сашу, которые успешно принесли полный рюкзак прекрасных груш.

Груши, хотя они и были вкусные, я почему-то ел без всякого удовольствия. На всю жизнь я уяснил: у власти имущих всегда найдётся повод дать безнаказанно хороший пинок своему подданному и швырнуть ему презрительно вслед остатки с барского стола.

Как выяснилось позже: мы посетили без всякого приглашения правительственную дачу.

ЦДЛ

Однажды, в годы Брежнева, находясь в Москве, мне удалось попасть в ЦДЛ – Центральный дом литераторов. Не был я здесь никогда. Мечтал. И вот повезло.

Расположился скромно за одним из столиков. Чтобы не испортить общую картину, на столе у меня тоже немного водки, закуска. Глядя на присутствующих, понял, что я безнадежно бездарен. У каждого на лице написано, что он гений, по крайней мере, талант.

Появился Игорь Шкляревский. С достоинством остановился недалеко от моего столика. Тут же к нему подбежала брюнетка:

– Игорь, мне нужна пятёрка, не дашь?

Он слегка улыбнулся, достал из кармана пять рублей и великодушно протянул ей. Она подхватила его под руку, и они не спеша поплыли вдалеке. Смотря им вслед, невольно заметил, что брюнетка на целую голову выше поэта.

Потом проплыл с задумчивым взглядом, не обращая внимания ни на кого, Пётр Вегин. У меня было немало сборников стихов и Шкляревского, и Вегина с их фотографиями. Да и портреты их часто мелькали в журналах, поэтому узнал их легко. Больше знакомых лиц не попадалось.

До меня доносились обрывки отдельных разговоров: «Вчера Женя Евтушенко читал мне свои новые стихи. Некоторые, замечу, даже очень неплохие».

Симпатичный парень (позже кто-то его окликнул по фамилии Шлёнский) рассказывал: «Недавно неплохо врезали мы с Исаевым. Я ему говорю: Егор, что ты всё носишься со своей “памятью”? И название измени. Надо твою поэму назвать не “Суд памяти”, а “Ссут памятью”» – и громко засмеялся.

С каждой минутой моя бездарность прогрессировала: окружающие меня люди причастны к большой литературе. Ушёл из ЦДЛ в расстроенных чувствах. И только, спустя многие годы, до меня дошло, доехало, что ЦДЛ – это фабрика зависти, тщеславия, сплетен, снобизма, высокомерия и т.д.

Не останется и гладильной доски

С одним знакомым московским литератором вспоминали, как в дни нашей молодости шумно, эффектно врывались в литературу новые имена.

– Василий Аксёнов, – говорит он.

– А я помню, как одним залпом прочитал в «Юности» повесть Анатолия Гладилина «Дым в глаза».

– Да, – задумчиво произнёс он, – был Анатолий Гладилин... А теперь от него осталась одна гладильная доска.

– От нас и гладильной доски не останется, – заметил я.

«И я тоже... вожу»

У моей двоюродной тётки муж работал администратором филармонии. Сначала Южно-Сахалинской, потом Воронежской. Возил Яков Давыдович (так его звали) по области одну очень посредственную бригаду артистов. Принимали плохо, сборы никудышные. Он волновался...

Однажды начисто сломался служебный автобус, а надо срочно артистов с реквизитом перевозить в соседний район. Что делать?

Побежал он на трассу в поисках подходящей «попутки». А дело было поздней осенью, темнеет рано, видимость плохая. Встал и голосует. Одна машина, вторая пролетают мимо. Вдруг тормознул какой-то шофёр. Яков Давыдович радостный подбежал к нему:

– Друг, выручай, надо срочно артистов перебросить в соседний район, концерт срывается. Заплачу, сколько скажешь.

Шофёр удивлённо ответил:

– Ты, что не видишь, что я вожу?

– Не вижу, какая разница?

– Да посмотри лучше, это же говновоз, говно я вожу.

– Ну и что здесь такого, – нисколько не удивился Яков Давыдович, – и я тоже говно вожу.

«Советская женщина сама решает...»

Был такой случай со мной во время работы в лискинской газете. Решил опубликовать подборку своих стихов. Ответственный секретарь редакции Мариупольский поставил их в номер. Принесли сигнальный экземпляр из типографии. Редактор газеты Титов мои стихи забраковал, выбросил из номера. По идейным соображениям.

И я – молодость, «половодье чувств» – с этим сигнальным экземпляром бросился жаловаться на несправедливость третьему секретарю райкома партии Терёхиной Анне Григорьевне. Благо, райком партии находился в этом же здании, на третьем этаже. Хотя, как оказалось, это было не благо.

Секретарь по идеологии Терёхина, весьма недалёкое, посредственное существо, водрузило на свой нос очки и с видом маститого критика принялась изучать мои вирши. Особенно досталось стихотворению «Нелюбимая». Только для того, чтобы стал понятен ход её мыслей, привожу его полностью.

*... А в этой жизни опрометчиво
Меж разных судеб, меж людьми,
Несчастно, одиноко женщина
Металась в поисках любви.*

*Ей было так необходимо
Кого-то встретить, с кем-то быть,
Чтоб стать единственной, любимой
И чтоб самой всегда любить.*

*Но мимо шли не те мужчины,
У них – свои, у них – своё,
Хотя и не было причины
За что-то не любить её.*

*То с тихой грустью, то в отчаянье
Идёт от счастья вдаль
По жизни женщина печальная
И не любимая никем.*

Безусловно, особых поэтических достоинств в этом стихотворении нет. Но речь о другом... третий секретарь обрушилась на меня буквально с такой речью: «Как вам не стыдно, молодой человек, писать о советских женщинах такие стихи. В нашей стране нет нелюбимых женщин. Советская женщина сама решает, кого ей любить, а кого нет. Вы унижаете, дискредитируете наших женщин».

Глазковы

На одной из дверей московской квартиры была привинчена табличка: «Здесь живёт гениальный поэт Николай Глазков». У этой таблички есть все основания. Ну, гениальный – не гениальный, а то, что Николай Глазков, действительно, очень талантливый, интересный поэт, внёсший несомненно свою лепту в современную отечественную поэзию – факт.

Его однофамилец тоже поэт Михаил Глазков, кстати, писавший очень приличные пародии, некогда проживал в Ярославле, несколько лет возглавлял местное книжное издательство. Примерно за два года до своей смерти, не знаю, по каким причинам, он вернулся на малую родину – в Елец. В то советское время ему без всяких очередей и проблем, как члену Союза писателей, сразу же дали квартиру. Встречались мы с Михаилом несколько раз. И он мне рассказал, как познакомился с Николаем Глазковым.

Знакомство их произошло в Москве, в Центральном доме литераторов. За столиком в одиночестве сидел более именитый поэт. Михаил подошёл к нему, представился. Николай Глазков посмотрел на него несколько удивлённо, потом достал из кармана незаметно, как ему показалось, десять рублей и неуклюже бросил их под стол, возле себя.

– Смотри, тёзка, – радостно произнёс Николай Глазков, – я нашёл десять рублей. Это знак того, что мы с тобой должны сейчас непременно выпить, отметив наше знакомство... В те годы десять рублей что-то значили...

Позвольте, не согласиться

Включил телевизор. Выступает Евгений Евтушенко – вечер в Политехническом в честь 70-летия поэта.

Одно его высказывание не только спорно, но, на мой взгляд, не совсем верно. Он беспартийно утверждает, что спад в поэзии в настоящее время происходит потому, что нет такой яркой плеяды поэтов, как в шестидесятые годы – Белла, Андрей, Роберт, Булат, разумеется, и себя имел в виду. Мол, только стоит появиться сейчас таким талантливым личностям, и интерес к современной поэзии сразу же возрастёт.

Позвольте не согласиться с вами, уважаемый Евгений Александрович. В шестидесятые годы бум на книги, на стихи случился потому, что сама почва и воздух в нашей стране были пропитаны литературой. Люди всегда, конечно, были меркантильны, но условия для наживы были не так масштабны по сравнению с сегодняшним днём.

В университетах, в частности, в воронежском, ежегодно устраивались «Дни поэзии». Каждый рифмующий более-менее, был в почёте.

А сейчас другое время... Муза – для очень узкого круга, молодёжь, получив невиданную до сих пор возможность разбогатеть, бросилась «скирдовать» валюту. Молодёжь – сердце, глаза и уши поэзии – обратила свои взоры совершенно в противоположную сторону от рифм и ритмов. Безусловно, не все, но большинство. И уже давно сладостный дым поэзии не витает в воздухе.

И никакая поэтическая плеяда в наши дни не заставит молодых углубиться в литературу, жить поэзией, ведь это требует определённого настроения души, культуры чтения. Как теперь принято говорить, спрос определяет предложение. Был спрос – были поэты.

А сейчас, если даже и появятся более талантливые поэты, чем громкие «шестидесятники», их имена не будут на слуху. Спроса нет...

Мнение едино

В 1963-1964 годах я жил в Южно-Сахалинске, работал на стройке монтажником, «добывал» двухгодичный производственный стаж, чтобы поступить в воронежский университет. Дело в том, что в то время преимущество при поступлении имели те абитуриенты, за плечами которых были два года работы. Но речь не об этом...

В Южно-Сахалинске подружился я с отличными ребятами: Евгением Шлионским и Николаем Даниловым, которые также писали стихи. Женя Шлионский, кстати, автор слов очень популярной в своё время песни «Держи меня, соломинка, держи», к сожалению, рано умер от инфаркта, ему едва перевалило за пятьдесят лет.

Коля Данилов, несмотря на то, что был капитаном КГБ, писал приличные стихи. Так вот, речь о Николае, в судьбу которого, сам того не зная, вмешался Евгений Евтушенко.

... После окончания первого курса филфака ВГУ в 1965 году я поехал в гости к Жене Шлионскому в Ленинград. В то время он уже сменил место жительства: вернулся с Сахалина в свой родной город, «пробивал» в печать первый сборник стихов «Тайфун». Возвратился в Ленинград и Николай Данилов вместе с женой Галей и маленькой дочкой, но не по своей воле. В Южно-Сахалинске его выгнали из «органов», где работал, а дочку, которой было где-то лет пять, «отлучили» от детского сада.

Николай Данилов долго мыкался в Питере в поисках работы. Имея высшее юридическое образование, по специальности найти работу не мог. Ему просто отказывали. Еле-еле на какое-то предприятие взяли его сторожем. А случилось вот что...

Стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», опубликованное, кажется, в газете «Правда», вызвало возмущение Никиты Сергеевича Хрущёва. Вслед за генсеком улюлюканье началось на страницах газет.

Николай Данилов за кружкой пива сказал товарищу по «органам», что ему очень нравится стихотворение «Бабий Яр» и что это одно из самых ярких произведений Евтушенко. На следующий день «товарищ» по работе и по пиву об этом разговоре доложил начальству. Срочно собрали партсобрание: отказываться от своих слов Николай не стал.

– Как вы можете хвалить стихотворение, которое подверглось резкой и справедливой критике со стороны уважаемого Никиты Сергеевича Хрущёва? – обратился к Данилову парторг.

– Но... Послушайте, – не растерялся Николай, – у коммуниста Хрущёва может быть свой взгляд на поэзию и, в частности, на стихотворение «Бабий Яр», а у коммуниста Данилова – свой взгляд.

Парторг побагровел и стукнул кулаком по столу:

– У вас должно быть мнение, как у нашей партии и как у нашего генерального секретаря.

... Чем всё это кончилось известно.

Судьба или случай?

Всё это произошло давно, где-то в конце 70-х годов, разумеется, уже прошлого века. Произошло то, что до сих пор я не в силах вычеркнуть из своей памяти.

Мой хороший знакомый Саша, 26-ти лет от роду, по работе поехал на машине из Ельца в Липецк. За рулём сидел его товарищ. Не доезжая километров 10 до Липецка, Александр по нужде остановился и пошёл в посадки. Прошёл метров двадцать вглубь. В то время проезжала большая грузовая машина с прицепом. И надо же, прицеп обрывается и, слетев с дороги, точно мчится по следу моего знакомого. В считанные секунды догоняет его, сильнейший удар в спину и – моментальная смерть.

Если это судьба, то понятно! А если это случайность? Даже не одна, а цепь случайностей? Надо остановить машину именно в этом месте, именно здесь оторвался прицеп от проезжающей машины.

А может быть, судьбы нет никакой? Есть только невероятный клубок случайностей? И мы, не утруждая себя его разматыванием, не хотим верить в хитроумное сплетение случайностей и всё валим на судьбу?

Но и до сих пор, спустя столько лет после того происшествия, я не знаю, что это было: Судьба или Случай?

Брежнев – наш вождь

В шестидесятые годы прошлого века в журнале «Подъём» заведовал отделом поэзии хороший писатель и хороший человек Юрий Воищев. В то время его повесть «Я жду отца» была очень известной, неоднократно издавалась и в Воронеже, и в Москве.

Человеком он был, как и подобает настоящему художнику, от политики далёким. И вот, не знаю, чем это вызвано, он сам решил, или его решили, принять в Коммунистическую партию Советского Союза.

Во время приёма ему задали элементарный вопрос:

– Кем является в нашей стране Леонид Ильич Брежнев?

И Юра Воищев, наивно глядя в лица присутствующих, ответил:

– Леонид Ильич Брежнев – наш вождь.

Так хороший писатель и хороший человек Юрий Воищев не стал коммунистом.

Правильный ответ: генеральный секретарь ЦК КПСС.

ПОЭЗИЯ

Юрий ПЕРМИНОВ

Юрий Петрович Перминов – родился в 1961 г. в Омске. В молодости занимался спортом – фехтованием. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. Горького. Член Союза писателей России. В течение многих лет возглавлял ведущую общественно-политическую и литературно-публицистическую газету Сибири «Омское время». В настоящее время – главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного проекта «Тобольск и вся Сибирь». Автор десяти книг стихотворений и многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях России и Зарубежья. Лауреат всероссийских литературных премий.

Живёт в Омске.

Душевная окраина

Когда б Сибирью мы не прирастали...

1

Тобольск – в зиме, узбек – в тулупе: от
рассвета до музея и обратно
лопатай снег задумчиво скребёт,
за что не будет славы и наград, но
он терпелив – настойчиво сопя,
скребёт... Как много в этом человеке
упорства, мне вот – дворником себя
представить трудно в городе Бишкеке.

Узбек в Тобольске – тоже сибиряк!..

На ссоры люди местные не падки –
здесь, где причалил к берегу Ермак
и положил Кучума на лопатки.
С тех пор идёт всего лишь пятый век...
Вопрос гудит сквозь вековые дали:
куда сейчас подался бы узбек,
когда б Сибирью мы не прирастали?..

Случилось так: прикрыл с устатку веки
и сон мне был (кошмар, виденье ли),
в котором я жалел, что не узбеки –
хотя б они! – Сибирью приросли...

Нынче нет ни сырости, ни злого
ветра... Веет солнышком с небес...

Нынче осень – медленная, словно
бабушка, идущая в собес.

Видно, как бабусе хорошо под
тёплым небом – радостно! Увы,
с каждым днём – всё горше ясный шёпот
медленно желтеющей листвы...

Поселковый блаженный

Рассвет – как друг – нашептывает, дескать,
страхни печаль, о суетном – молчок...

«Христос воскрес!» – солнечно, по-детски
приветствует посёлок дурачок:
в глазах – восторг, щебечет сердце птичкой
непуганой... Воистину воскрес!

Блаженный Ваня – крашеным яичком
любуется, как чудом из чудес.

Никто не знает – кто он и откуда,
но прижилась у нас не с кондачка
примета незатейливая: худа
не будет, если встретить дурачка, –
ни днём, ни ночью горя не случится...

Нет у него ни страха, ни «идей»...
Кого он ищет, всматриваясь в лица
любимых им, затюканных людей?..
И ничего ему не надо, кроме
Любви!..

Раскрыл, блаженствуя, суму,
и, преломив горбушку хлеба, кормит
небесных птиц,
слетающих к нему...

Ну, что – зима? Пока ещё – намётки,
хотя со снегом шапочно знаком
посёлок наш, окраинные тётки
уже в пимах торгуют молоком.

Выходит бомж под скляночку из транса
(пока – легко, что будет – в декабре?),
смакуя ощущение пространства
вселенского
на мёрзлом пустыре.

Душевная окраина! Такая –
всегда, какой зима бы ни была:
живёт, почти полгода привыкая
к зиме,
не отвыкая от тепла.

Кладбищенский бомж

Он знает здесь каждую тропку,
он знает о том, что всегда
найдёт поминальную стопку
и хлебца. И даже орда
ворон – помешать бедолаге
не сможет...

Сквозит веково
вчерашее время в овраге
души горемычной его.

И знает, болезный, что тут он
обрящет и смерть, потому
что кладбище стало приютом
последним – при жизни! – ему.

Живёт он – печальник – не зная,
найдётся ли место в раю
за то, что он жил, поминая
чужую родню, как свою...

Мухи, рождённые гадить, летают, как пули...
Только и слышно:

о ценах, долгах, о погоде...
Где благолепие сущего? – Не во саду ли,
что возле дома? Точнее сказать, в огороде.

Там – в огороде – съедобная зелень на зависть
братьям китайцам, которым – что «сикось», что «накось»,
лишь бы навар...

Алкаши торжествуют, позарясь
на дармовую, по их разумению, закусь.

Ша, куршавели, рублёвские фифы да нищцы! –
Жданки проели мы, вот и живём на полушку,
но и от слёз на клочках огородной землицы –
возле «хрущоб» – зеленеет родная петрушка!

История про носки

От тоски, от холода ли ныне
в сердце – словно стылая вода...

Побывал на рынке, в магазине,
а забрёл – Бог ведает, куда:
не слышны ни карканье, ни крики;
пересуды – слышатся едва...
На капоте старенькой бибики –
скорбная свиная голова.
Дряхлый пёс вылизывает крошку
костяную...

Божьих птичек рать –
гоношится...

Вёдрами картошку
тётеньки пытаются продать.

Вот со мной история какая
происходит: с холода-тоски –
согреваю сердце, покупая
у бабули тёплые носки.

Не сумели в оборот мою
черти душу взять...

Спою
песню – русскую народную –
«Светит месяц...», как свою.

Месяц в небе – словно печево.
Снова песню затяну...
Мне делить с народом нечего –
что со мной делить ему?

Спел, как мог. И – тихо в комнате.
И в посёлке. В общем, тут –
дома...

В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

Не спалось... Вдыхал ночную горечь
на балконе – где-то жгли костёр...
Крылья – еле видимые – горний
свет над нашим домом распростёр.

Жаль, ругался чей-то телеящик
в нашем невысоком терему...
И к звезде – далёкой и дрожащей
прикоснуться сердцу моему
так хотелось,
скудному...

Наверно,
до утра не хватит сигарет...
Целый месяц действовал на нервы
мне своими пьянками сосед!

И была холодной, безответной
та звезда,
а я – не спящий – не
знал о том, что в эту ночь сосед мой
умирал, как праведник, во сне...

Просёлком пыльным, кладбищем, потом
околком, где легко дышать с устатку...
Церквушка. Дом...

Для престарелых – дом,
живущий по скупому распорядку,
где жизнь во веки медленных веков
пьёт белый свет из солнечной кадушки,
где влюблены в забытых стариков
такие же забытые старушки.
В больных глазах – ни страха, ни тщеты:
чем ближе тьма, тем к солнышку – добрее...
И хочется угадывать черты
родных кровинки в здешнем иерее...

Хотя не праздник, в кои веки
гармошку – в руки,
и – пою!
...Квартиросъёмщики-абреки
заводят музыку свою –
они мои соседи снизу.

Играю с чувством, но без нот
так, что ворона по карнизу
царевной-лебедью плывёт!

Без горячительной микстуры
поём. Пока – на первый взгляд –
живут две песенных культуры –
душеспасительные – в лад.

Поём. Становимся добрее.
Алаверды, вечерний звон!

...И целый день по батарее
стучит провизор Шниперсон.

В масле фасованном сыром совковым катаясь,
ладно живём – коротаем безадресный век:
аборигены, а также – местный китаец,
тутошний скинхед и здешний семейный узбек.

Утром просторным – на лавочке бабушки в сборе
все до единой, кто пережил зиму: домком
вечности местной!

И светится в их разговоре
каждое слово, не важно – о чём и о ком.
Ну, например, о моей беззаветной любимой,
мол, хороша! – И поэтому быть начеку
надобно с ней – долгожданной...
Быстрее лети, мой
ангел, к родному, надеюсь, уже очагу.

...Снова под окнами вырастут лук да редиска,
снова придёт понимание сущего: под
прессом тревог и житейского буднего риска
сердцу не надо
дарованных сверху свобод.

Не знаю, сказку или быль я
надясь услышал...
В общем, так,
и в целом – так же: сделал крылья
и полетел – Иван-дурак.

Летал (в каком, не знаю, ухе
звенит) – не ангел, но не чёрт –
пока не вымер с голодухи
столичный город Раппопорт.

Ночую – всё на сердце ладно! –
у мамы,
тихо и отрадно
закончив день – тяжёлый, как
с плеча чужого лапсердак,
душевым – с мамой – разговором.

Мой сон – как вечность – невесом...

Сплю на диване, на котором
заснул отец мой – вечным сном...

А день, как всё родное в мире,
так светел, если я с утра
вот здесь – в родительской квартире –
встаю с отцовского одра...

Замечаю: ночного бабая
во дворе высыхают следы,
распушилась листва молодая.

Вот и солнышко – после воды
в решете беспросветного неба –
всем на радость погода снесла,
на тепло...

Как во здравие треба,
наша местность сегодня светла.

Верю трезво – а как же иначе,
как же может быть наоборот? –
в это утро никто не заплачет
и за водкой никто не пойдёт.

Понять пока не в силах: быть грозе ли
в начале мая, или сухоте...

Пьют бедолаги сумрачное зелье –
по кругу, по стопарику. А те,
что завязали, сшиблись в разговоре
про «шайбу-шайбу», курят дяди зло...

Зато грустит ворона на заборе –
загадочная, словно НЛО...

Шумят в беседке чахлой ребятишки:
похоже, не поверили стишку
А.Л. Барто, по-моему,
и мишке
не лапу оторвали, а башку.

Ах, гражданин в погонах, не косись ты
на них! – Скажи, башку приделать – как?

Облюбовала двор наш неказистый
печальная компания собак,
хотя и ветру негде развернуться...

А женщина – храни, Господь, её! –
удерживает мир от безрассудства,
развешивая детское бельё.

Покидаю свой город – с дорожной сумой, налегке ли,
лишь бы доброй дорога, несуетной, верной была –
неизменно легко: на бездомные дни и недели
без родных сквозняков и родного до боли тепла.

Уезжаю легко – лишь бы думам дорога внимала –
потому что вернусь в свой, натопленный памятью, кров,
потому что тепла мне родного хватает, но мало,
мало русскому сердцу безмерных родных сквозняков.

Марфа Расторгуева

В одном из старых московских дворов можно встретить необычайную старуху. Вообще-то старух в Москве очень много, и с каждым годом их становится всё больше и больше. Куда бы вы ни направились, вы встретите десятки, сотни старух. Но эта старуха совершенно иного рода.

Автору самолично доводилось слышать от одного московского обывателя, будто бы родилась она в тот день и час, когда Наполеон повелел возжечь Москву. И что будто бы вся сила этого пламени, охватившего древний город, вошла в новорожденную и даровала ей мафусаилов век. Ну да мало ли о чём в Москве болтают...

Как бы то ни было, выходит, будто эта московская старуха, зовут которую, кажется, Домна Федосеевна, сродни вечному жиду, с тою лишь разницей, что она не таскается по белу свету, а предпочитает жить в Москве. И не знает наверняка о долготе своих дней.

Зато сколько она знает разных историй! Поистине миру не вместить написанных книг, если записывать всё, что может порассказать Домна Федосеевна. Приведём лишь одну такую историю.

Как обычно в канун Рождества ангелы уже начистили звёзды до блеска. А в тот год звёзды горели так ярко, что смотреть на них не было никакой возможности. Стоило только поднять голову кверху, как глаза тотчас начинали слезиться. Звёзды так плотно, так густо расположились на небе, что даже луна терялась среди них и казалась каким-нибудь звёздным сгустком. И, наверное, только один человек на всей Москве мог смотреть, не мигая, на небо даже в такую необыкновенно яркую ночь.

Фома Фокич слыл человеком странным. Кое-кто даже называл его колдуном, потому что никто не знал, чем живёт Фома Фокич. А кроме того, жил он уединённо и не где-нибудь, а в Лефортово.

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Живёт в Сергиевом Посаде.

Говорил он мало, болтовне с соседом предпочитал беседы с живностью, обильно населявшей его двор. Разномастных кошек было такое множество, что когда иные из них уходили и возвращались вновь, никак нельзя было разобрать, те же самые это кошки или вовсе другие. Два чёрных пса, огромных и лохматых как лешие сторожили двор. И стоило остановиться кому-то на улице рядом с воротами, как псы поднимали такой страшный лай, что замешкавшемуся прохожему хотелось только одного: поскорее убраться восвояси и никогда уже более не оказываться рядом со страшными воротами дома Фомы Фокича Расторгуева.

А уж птиц рядом с домом было и вовсе несметное количество. Зимой к воронам, воробьям и галкам присоединялись снегири и синицы. Снегири скромничали и, нахохлившись, жались друг к дружке на голых, растопыренных от мороза ветках. Синицы, хоть и не такие наглые как воробьи, но всё же оказывались побойчее и, присаживаясь на налечник, заглядывали в окно, как бы напоминая, что пора подсыпать зёрен и вывесить новый кусочек сала, потому что прежний вороны уже третьего дня утащили в неизвестном направлении.

Весной появлялись свистелы, грачи, залетал и жаворонок, во всяком случае, переливчатая песня его порой доносилась до слуха. Рассыпались по веткам дрозды, и откуда-то из зарослей черёмухи и бузины, сплетшихся в непролазную чащу в самом дальнем углу двора, вылетала соловьиная песня – да, да, та самая, с посвистом и прищёлкиванием.

Говорили даже, что видели, как прилетала на двор к Фоме Фокичу сорока, и слышали якобы её глупую трескотню. Но это уже совершенно невозможное измышление, потому что всем известно, что сорока не живёт на Москве после того, как украла у постника просвиру.

Что уж говорить о неугомонных курах, кудахтавших без умолку и разбредавшихся по двору, как блохи по старой, невытой рубахе...

Но в ту Рождественскую ночь тишина по всей земле стояла страшная – мороз всем завязал рты, так что даже собачьего брёха не было слышно окрест. Носа не хотелось высовывать на улицу, и все твари попрятались по своим углам, какой у кого был. Только Фома Фокич стоял на крыльце своего дома, выходящем не на улицу, а во двор. Выставив вперёд свою короткую широкую бороду, похожую на щётку из швейной мастерской в Зарядье, он смотрел на звёзды, блиставшие ярче обыкновенного. Одет он был в белый тулуп с огромным чёрным воротником, скроенным, должно быть, из целого ягнёнка, так что казалось, что в этот воротник без труда можно завернуть младенца.

Небо искрилось, и снег кругом искрился. Искрились в воздухе редкие снежинки, застывшие между небом и землёй и похожие на маленькие звёздочки. Искрились и те снежинки, что опустились на воротник или застряли в бороде Фомы Фокича.

Долго смотрел Фома Фокич ввысь, точно читая небо как раскрытую книгу. И долго ещё в ту ночь горел огонёк в его окошке. Предательский огонёк, готовый рассказать каждому, кому вздумалось бы пройти мимо расторгуевского дома, что хозяин не спит, а занят каким-то важным и неотложным делом

Младший брат Фомы Фокича, Фока Фокич, купечествовал. А жил он у церкви Рождества Богородицы, что на Кулишках. Человек это был весёлый

и разговорчивый, но легкомысленный и податливый сверх всякой меры. Так что сманить его на любое почти дело не составляло никакого труда. Стоило только расписать красноречиво новое предприятие, как Фока Фокич уже загорался и готов был следовать чуть не за первым встречным. Разбираться и вникать в разные мелочи было не в его натуре. Но Бог, должно быть, хранил его, и он не успел в молодые годы надеть много глупостей. Тем более и отец, приметив в младшем сыне известную черту, не давал ей развития, держа Фоку под неусыпным контролем и находя занятия тут же.

Долго Фока Фокич оставался холостым, так что родители уж забеспокоились и принялись искать ему невесту. Сорока лет Фоку Фокича женили, но скоро он овдовел. К тому времени один за другим ушли и родители.

Жена оставила Фоке Фокичу сына, которого, правда, по настоянию второй жены, пришлось отправить в Вологду к родственникам покойной. Второй брак оказался бездетным, к тому же суждено было Фоке Фокичу и второй раз овдоветь. Он стал подумывать, чтобы вызвать к себе повзрослевшего сына, но тут пришла сваха Анфиса Мокиевна со Вшивой горки и, земно поклонившись, сказала зычным голосом:

– Здравствуй. Здравствуй, батюшка. Не всё тебе куковать, горе мыкать. Ты человек небедный, молодой ещё. Да ведь не век же таким останешься...

И шестидесятилетний Фока Фокич женился в третий раз на девице двадцати лет отроду. Девица, именем Марфа, была из бойких красавиц, и за Фоку Фокича пошла с удовольствием, предвидя, что из молодых в хороший дом едва ли кто возьмёт бесприданницу – уж так свет устроен. А возьмут в бедный, чтобы извести работой и поправками. Теперь же ей решительно всё нравилось. И, войдя хозяйкой под кров Фоки Фокича, она тут же освоилась, бегала по двору и дому, отдавала распоряжения, а в комнатах скоро завела новые, небывалые прежде порядки. Не было такого в расторгуевском доме, чтобы жена с мужем по разным углам ночь ночевали. А Марфа, сославшись на шумный сон Фоки Фокича, повелела очистить от хлама дальнюю комнату, что выходила окнами на цветник, и устроила там собственную отдельную от мужа опочивальню. В комнату свою Марфа никого не допускала, кроме разве каких-то подруг, изредка навещавших её. Да ещё девицы Феодоры, неуклюжей и рослой, появившейся в доме недавно и неизвестно откуда. Девица Феодора вела себя тихо и была почти незаметна, несмотря на свои внушительные формы. В дом она являлась, чтобы помогать хозяйке, а время от времени оставалась на ночь в её комнате.

Фока Фокич только покрывал, глядя, как вьётся Марфа над его опустелым было гнездом, как ворошит старый сор и тащит новые веточки и пушинки, обустроивая всё по-новому.

А уж как бывало любовался Фока Фокич молодой женой вечерами, когда девица Феодора вносила в столовую самовар и ставила его на край стола. Следом в столовую входила Марфа и присаживалась к самовару, возвышаясь над подносом с чашками, над пирогами и прочей снедью, как наследка над только что вылупившимися птенцами.

Очень был доволен Фока Фокич новой своей женитьбой и щедро отблагодарил он Анфису Мокиевну, отослав на Вшивую горку фунт чаю и красного ситцу с набивными цветами. Наверное, отсылал он и деньги. Но об этом нам ничего не известно.

Филипповки уж подходили к концу, когда Фома Фокич вдруг получил из Вологды письмо:

«Добрый дядюшка!

Не имея возможности лично поздравить Вас с Рождеством Христовым и Новым Годом, радуюсь возможности в письме пожелать Вам всяческого благополучия. Праздник не стал бы праздником для меня, если бы не смог я засвидетельствовать моё к Вам почтение и безграничную благодарность. Ибо и до сего дня памятно мне, как приезжали Вы попроведать меня в Вологду, как баловали сироту московским гостинцем.

Спешу, дядюшка, сообщить Вам добрую весть. Не так давно получил я письмо от батюшки, в котором призывает меня к себе батюшка. Так что к Пасхе, должно, прибуду в Москву и уж тогда, наконец, смогу обнять Вас, добренький дядюшка. А пишет мне батюшка, что новая матушка хочет меня видеть и хочет, чтобы жил я с ними, то есть в батюшкином доме. Чтобы стал батюшке помощником, потому он стар уже.

А я уже по девятнадцатому году, а в батюшкином доме десять лет не бывал. Спасибо новой матушке – счастье такое.

Молю Бога о сохранении благоденствия батюшки и новой матушки, а наипаче о Вашем, дядюшка, спокойствии и благоденствии. Ваше расположение ко мне, милый дядюшка, превыше и дороже для меня всего на свете. И не могу пожаловаться на худое обращение, а всё же ласку за всю жизнь от Вас только и видел. И в дальнейшем, смею надеяться, не утрачу Ваше благорасположение.

Берегите себя и своё здоровье ради любящих Вас.

Жду, когда смогу обнять Вас, дядюшка, и прижать к самому сердцу.

Почитающий Вас и покорный племянник Ваш Данила».

В самом деле, Данила, высланный родным отцом из Москвы, был, пожалуй, единственным существом, кого Фома Фокич искренне жалел и к кому питал подлинную привязанность. Мальчишка был болезненный, робкий и, казалось, появился на свет для того только, чтобы мешать всем и всех раздражать. Как ни старался Фома Фокич оставить у себя Данилу, но уж очень хотелось мачехе отослать подальше пасынка, и Даниле суждено было уехать в Вологду. Однако письмо племянника, возвращавшегося спустя столько лет домой, не вызвало в Фоме Фокиче радости. Напротив, прочитав письмо дважды, он помрачнел и впал в напряжённые раздумья. А уже через два дня, в ночь, описанную нами в начале повести, Фома Фокич составил ответ племяннику. О чём он писал, достоверно не известно, поскольку само письмо не сохранилось. Вероятнее всего, письмо было порвано Данилой, потому что в шкатулке его много позже нашли два клочка бумаги с неровными краями. На одном клочке мелким, почти без наклона почерком было написано: *«...только о том никому не рассказывай, даже и отцу. А в том, так оно или нет, не сомневайся, а исполни всё по-моему, в том греха нет и труда тебе тоже. А я жизнь знаю и человека знаю и много чего...»* На другом же сохранились только две строчки в несколько слов: *«Любящий тебя дядя. 25 декабря 18...»* Почерк, бумага словно кричали о том, что клочки принадлежат одному письму. Дата отметала всякие сомнения, что это именно *т о* письмо, имеющее отношение к *т о м у* делу.

Достоверно известно, что Данила пообещал дядюшке во всём его слушаться и всё исполнять в точности. А кроме того, посетовал в письме на виденный им дурной сон. Будто бы змея заползла на дуб, под сенью которого отдыхал сам Данила, и что будто бы капли змеиного яда падали на грудь Данилы и прожигали её. Отчего сердце сжалось и спёрло дыхание.

Уже потом, когда всё раскрылось, многие только находили в этой истории подтверждение слухам, ходившим о Фоме Фокиче. Но были люди, утверждавшие, что не колдовская сила двигала Фомой Фокичом в его суждениях и делах, а жизненная опытность и знание человеческой природы, до скуки, до оскомины однообразной и неизменной.

Когда на Святой неделе Данила появился в доме Фоки Фокича на Кулишках, радость встречи отца с сыном оказалась омрачена. Фока Фокич вдруг с ужасом и удивлением обнаружил, что сын его нем и что на этом основании добиться от него хоть слова решительно невозможно. О чём бы ни заговаривал Фока Фокич с сыном, тот только молчал да кланялся как деревянный троичный медведь.

Пять лет назад по приезде Фоки Фокича в Вологду, сын его был совершенно здоров и разговаривал куда как бойко. А кроме того, пел чудным голосом на клиросе в церкви Николы на Глинках. И вот надо же такому случиться!

Фока Фокич совсем было растерялся, но тут, как, впрочем, и всегда в последнее время, вмешалась Марфа и сказала:

– Ты, Фока Фокич, раньше-то времени не пугайся, потому мало ли, что с ним в пути могло приключиться, – тут она кивнула на Данилу, который в ответ отвесил лёгкий поклон. – Вологда, чай, не ближний свет. Столько вёрст отмахать!.. Да тут не то, что языка – ума лишишься! Дай ты ему отдохнуть, после поговоришь!..

Фока Фокич уже собрался умилиться душой и в который раз порадоваться уму и сноровке молодой жены, как вдруг случившийся тут же дворник Яков, бывший всегда там, где происходили хоть самые незначительные события и которому Марфа предрекала смерть от любопытства, не утерпел и вмешался в разговор:

– Во, во! – сказал он, тыча кривым пальцем в Марфу, как бы в подтверждение сказанного ею. – У нас вот тоже было – в деревне, онемел один. Денисом звать... Поспорил он, значит, что на кладбище заночует, а его возьми спорщики да и разыграй. Лёг, значит, один на могилу, ветками его присыпали, а в полночь он и встал. Дуракам-то смех, а из Дениски чуть не душа вон. И не то, что онемел...

– А что же? – заволновался Фока Фокич.

– Одурел совсем!..

Воцарилось тягостное молчание. С какой-то даже опаской покосился Фока Фокич на сына, словно пытаясь и в нём высмотреть черты безумия, сопровождающего немоту. Но взгляд Данилы был ясен, и ничто не выдавало в нём «одурения». Напротив того, рассказ Якова вызвал у него улыбку. Он даже похлопал по плечу дворника, точно говоря: «Ну, брат... Славно ты врешь! А впрочем, всё может быть...»

– Ты, Яков, ступай. Ступай!.. – сказал, наконец, Фока Фокич. – А ты, сынок, и то правда, отдыхай с дороги.

Все разошлись. А Фока Фокич долго ещё сидел в столовой, предаваясь неясным размышлениям. Что было делать, Фока Фокич не знал и весьма тяготился своим незнанием. Хорошо бы посоветоваться, но с кем? Случай-то небывалый. Он бы посоветовался с Марфой, да ведь Марфа своё слово сказала и нового ничего не добавит. Хорошо бы посоветоваться с братом, но брат человек суровый и молчать не станет – припомнит, что Фока Фокич сына сам от себя отослал. Сходить бы к бабушке, попросить помолиться. А то и подалее куда съездить – вот хоть бы к Троице-Сергию...

– Пусть, пусть отдыхает, – прервала Марфа благочестивые мысли Фоки Фокича, входя в комнату и останавливаясь в недоумении при виде написанных на лице у мужа раздумий. – Что ты... Фока Фокич? Будет тебе думать-то, утро вечера мудренее. Отправляйся спать. И я пойду. А завтра сынок твой разговорится, с Божьей помощью. Да я и сама с ним поговорю. Я слово такое знаю...

Марфа подмигнула, подхватила Фоку Фокича под локоток, и Фока Фокич, несколько даже успокоенный уверенностью и спокойствием жены, покорно отправился спать.

Долго ещё не тушилась свеча в комнате Данилы в ту ночь. В доме всё стихло и давно, казалось, всё спит, а Данила всё сидел на разостланной постели и неотрывно наблюдал за пламенем свечи, установленной на невысоком комодке рядом с дверью. Свеча отчего-то трещала, а пламя то и дело принималось биться, как поднятый на ветру флаг.

Мысли Данилы были заняты тем удивительным положением, в котором он оказался не по своей воле и не вполне осознавая, зачем. Никогда ещё Данила не лгал и не притворялся. Роль мнимого немого тяготила его, но он вынужден был покориться дядюшкиной воле. Пообещав исполнять все указания Фомы Фокича, Данила и помыслить не мог, что указания эти будут так странны и необычны. Уже и крамольная мысль – «а не затеяли ли дядюшка игру?» – промелькнула в голове у Данилы. Уже и раскаяние последовало вслед за крамоллой, а Данила всё думал, колеблясь, и томился неясным предчувствием.

Как вдруг в дверь кто-то царапнулся, а в следующее мгновение в комнату проскользнула Марфа.

Данила видел, как она заложилась дверь на щеколду, как приблизилась плавно и неслышно, как остановилась посреди комнаты и – простоволосая, в длинной рубахе, в шали, небрежно накинутой поверх, с огарком в руке – заковылялась от беззвучного смеха.

От неожиданности Данила чуть было не заговорил, но вовремя опомнился. Позабыв закрыть рот, он смотрел, как под рубашкой Марфы подпрыгивает тяжёлая, мясистая грудь, как соски буравят ткань, как вздрагивает округлый живот, и ему было страшно. А Марфа всё смеялась, так что даже рубашка сползла с её левого плеча. Но Марфа как будто ничего не замечала. Вдруг она перестала смеяться и тихим, глухим голосом спросила:

– Нравлюсь тебе?

Данила вздрогнул. А в следующее мгновение Марфа уже сидела рядом и, обжигая, шептала ему в самое ухо:

– Отец твой старый, слышишь?.. А я молодая, я хозяйка всему здесь... Кого захочу – выгоню, кого захочу – позову...

Она снова засмеялась бесшумно и прижалась к нему, так что Даниле показалось, что Марфа обняла его своей грудью.

– Это я, я всё устроила, – шептала Марфа, и от слов её у Данилы горело ухо. – Жалю моё сердечное... Нарочно тебя вызвала... Ты взгляни на меня... Плохо тебе не будет, уж я обещаю...

И она обнажила грудь, от одного взгляда на которую Даниле стало нехорошо. Новое, незнакомое прежде чувство боролось в нём с ужасом и отвращением. Ему вдруг показалось, что всюду, куда бы он ни пошёл теперь, эта огромная грудь настигнет и накроет его.

Данила вскочил и отошёл на несколько шагов. А Марфа снова заколыхалась, растянувшись на его постели, и заговорила уже громче, бесстрашнее и бесстыднее:

– Чего боишься? Разве видит кто? Ты, я да постель...

Выйти из комнаты Данила боялся: а ну, кто увидит Марфу, как потом оправдаешься? Но и Марфы он тоже боялся.

Тут взгляд его упал на комод, куда сам он не так давно выложил россыпь разных мелких вещей. Среди прочего Данила увидел огрызок карандаша и небольшой – в осьмушку – листок бумаги.

Как за спасением бросился к ним Данила, и спустя минуту Марфа уже читала:

«Не губи меня, матушка. Избавь обоих от греха, срама и беззакония. Не заставляй меня сделаться еллином, чтобы познать мне матушку да ещё при живом батюшке. Не играй со мной, сирым, как с мышью».

Эту записку Данила запомнил на всю жизнь, утверждая впоследствии, что никогда после ничего подобного писать ему уже не доводилось.

Но Марфу записка привела в бешенство. Бросившись к комоду, она запылила на свече бумагу и, дождавшись, когда листок обуглится, бросила пепел под ноги.

– Какая я тебе матушка! – зашипела она на Данилу. – Будет уже невинностью-то прикидываться!.. Посмотри вон на себя... жеребец... Чего молчишь-то?.. Ляжешь, что ли?

Но Данила, не успев даже подумать ни о чём, замотал головой. И тут Марфа с силой рванула ворот своей рубахи, отчего ткань с треском разошлась, и Данила, не понимавший пока, что произойдёт следом, с ужасом уставился на грудь Марфы, вывалившуюся наружу, как комья подошедшего теста. Но пока Данила зачарованно рассматривал тело своей «матушки», сама она тем временем мгновенным движением расцарапала себе обе щеки, смела с комода всю мелочёвку, так что Данила невольно отпрянул в сторону, опрокинула на пол стул, метнулась к двери и, отбросив щеколду, завизжала так, что если бы в доме был мертвец, он непременно бы поднялся с одра.

Дом пришёл в движение. Послышались торопливые шаги, голоса, где-то стукнула дверь, огни заметались в темноте. А в комнате Данилы постель была смята, повсюду валялись вещи, и Марфа в разодранной одежде, с исцарапанным лицом кричала, что было сил.

Сбежался, казалось, весь дом. Не было разве девицы Феодоры. Все шумели – вскрикивали, ахали, переговаривались. Но разобрать что-либо было невозможно. Марфа металась среди толпы, кричала, обвиняла, старалась, чтобы каждый увидел её окровавленные щёки и разодранную рубашку. Яков, следуя своему всечасному любопытству, предпринял даже и не одну попытку ощупать разрыв ткани. Но не имел в том успеха. По несколько человек все

заглядывали в комнату Данилы, пожирали глазами беспорядок и выходили весьма удовлетворённые увиденным, бросая тайком любопытные и злорадные взгляды на хозяина. И в полумраке посреди всей этой сумятицы стоял Фока Фокич, растерянный и немолчаливый. А перед ним на коленях – Данила, так и не проронивший ни слова и всем своим видом выражавший совершенную покорность судьбе и отцовской воле.

Продолжение ночная история получила на утро. В самый разгар ночной суматохи Фока Фокич вдруг повернулся спиной к суетящемуся люду и побрёл прочь, оставив сына стоящим на коленях, жену растерзанной и метущейся, всех же прочих недоумевающими в смысле дальнейших действий и отношения к произошедшему. Все ожидали от хозяина крепкого словца, а если посчастливится увидеть, то и кулака. Но хозяин повёл себя так, что остальным вдруг стало стыдно чего-то. И, притихшие, все разошлись. Вот если бы Фока Фокич поднял руку на жену или сына, вокруг бы все закричали, заохали, стали бы умолять Фоку Фокича о пощаде. Потом осудили бы и Марфу, и Данилу, и самого хозяина. Сложились бы разом или постепенно целые партии обвинителей и оправдателей. Начались бы перекрёстные разговоры и даже ссоры на почве того, кто же всё-таки виновен в расторгуевском деле, а кого и пожалеть следует. Тут же бы всплыли и вековые противоречия полов. И тем, кому особенно недосуг ломать голову над загадками и перипетиями судьбы, в одночасье объяснили бы все провалы мировой истории, включая, конечно, и расторгуевскую, замыслом Создателя о слабом поле.

Но продолжать шуметь и вообще проявлять какой-то интерес к событиям уходящей ночи, более было нельзя. Это значило бы не просто идти против воли Фоки Фокича, но и проявлять откровенное непонимание этой воли. А стало быть, и откровенное несоответствие своему положению в доме. И пусть Фока Фокич ничего такого не говорил. Все и так понимали, что к чему. К тому же Марфа была здесь и была пока в силе. Бунтовать же никто не собирался, а потому все поспешили в свои комнаты и каморы. Один Данила так и стоял на коленях, пока не разошлись все участники и свидетели ночного происшествия.

Когда же наутро Марфа вошла в комнату Фоки Фокича, тот сидел на сундуке, сложив по-стариковски на коленях руки, согнувшись и вперив глаза в пустоту. Перед Марфой сидел старик. Казалось, он так и менял положения с самых тех пор, как вошёл ночью в комнату, что так и просидел всё это время на сундуке, распластав на коленях руки, словно они были ни на что не годны и бесполезны.

Марфа, одетая, причёсанная, с напудренными щеками, подошла к нему и погладила по голове, как гладят больных детей. Фока Фокич шевельнулся под Марфиной рукой, и тогда Марфа, не давая ему опомниться, заговорила:

– Что же, Фока Фокич, вот так оно и бывает: позвали сынка на потеху, а он и сам распотешиться рад. Зашла было справиться, всё ли ладно его устроили, а он... Вишь ты...

Тут Марфа, немало за ночь передумавшая о произошедшем, выстроившая линию защиты и почти убедившая себя в собственной невиновности, в невинно принимаемых страданиях, вполне искренно всхлипнула:

– Вишь ты, сквернавец какой!..

Фока Фокич сидел недвижим и таращил глаза, точно силясь увидеть правду, невидимую и недоступную суетному глазу. Слова Марфы не произвели на Фоку Фокича никакого впечатления. Марфа, однако, не сдавалась.

– Нельзя, Фока Фокич. Нельзя так оставлять такое преступление. Скажут, мол, «сирота». Так что с того, что сирота? Я вон тоже отца не знала, грех меня обижать.

Фока Фокич молчал, не меняя ни позы, ни выражения лица. Тогда Марфа под села к мужу на сундук и по примеру Фоки Фокича сложила на коленях руки.

– Вот ты, Фока Фокич, всё молчишь, – сказала она. – А надо бы решить. Так этого не оставишь. Я с ним под одной крышей жить не стану, да и что люди скажут? Скажут: вон, у Фоки-то Фокича в доме прям содом – сын с матушкой на отцовых глазах забавляется, а отцу-то и сраму нет. Позору-то сколько!..

Марфа замолчала, выжидая. Но поскольку молчал и Фока Фокич, Марфа решила действовать решительнее.

– Выгони ты его! – вдруг выдохнула она. – Выгони совсем и наследства лиши. Так, чтобы ни-ни!..

Она погрозила кому-то пальцем, а потом ласковым, елейным голосом прибавила, обращаясь к Фоке Фокичу:

– А у нас ещё детки будут!..

Фока Фокич шевельнулся, и Марфе показалось, что слова её стали доходить до мужа. Марфа ободрилась.

– А то знаешь, – заговорила она веселее, – знаешь, как рассказывают: у купца одного росла в саду яблоня. Кто ни скушает от неё яблока, тот от всякой хвори излечивается. И как-то возле старой яблони стала молодая расти. Купец заметил и ну старой-то яблоне ветки остригать – чтобы молодой расти не мешала. А молодая вдруг почала сохнуть. Купец решил, что ей старая мешает, и велел старую срубить. А как старую срубили, молодая и вовсе высохла... Ты, Фока Фокич, старая яблоня, от твоих щедрот голодные сыты, хворые здоровы. И негоже тебе умалиться из-за сына такого... нечестивого!

Но Фока Фокич всё молчал и смотрел куда-то перед собой. На лице его появилось выражение довольства, он улыбался едва заметно, адресуя эту улыбку не вовне, а внутрь себя. Марфа, заметившая перемены в муже, невольно вспомнила рассказ Якова, последние слова которого отозвались у неё в душе: «Одурел совсем...»

– Ты посиди, Фока Фокич, – сказала она, поднимаясь с сундука и чуть касаясь пальцами мужниного плеча. – Посиди... Авось и... справишься...

Не прошло и четверти часа, как на смену Марфе в комнате Фоки Фокича появился Фома Фокич. С утра уже был он в доме и первым делом отправился к Даниле, не покидавшему своей комнаты. С появлением же Фомы Фокича Данила таинственным образом обрёл дар речи – снаружи слышали, как в комнате говорили на два голоса, как Данила плакал и уверял дядюшку, что «совету во всём следовал». На что дядюшка отвечал, что Данила человек молодой, потому мог стгоряча лишнее сказать, а «в таких делах – лишнее скажешь, потом не отмоешься. А щелкатухе этой того только и надо, чтобы языком зацепиться».

После чего Фома Фокич отправился к Фоке Фокичу. И по всему дому слышали, как решительно и грозно стучала по половицам его палка.

Фома Фокич появился вовремя, потому как Марфа уже ушла, а Фока Фокич в полном одиночестве улыбался и легонько раскачивался на своём сундуке. Но Фома Фокич не сразу приметил произошедшие с братом перемены.

– Вот что, брат, – сурово сказал он, входя в комнату. – Что в доме своём развёл ты грязь и содом, про то мне известно. Видел я то давно, но мешаться не хотел. А вот мальчишку втягивать не позволю!..

И Фома Фокич пристукнул по полу палкой.

– И помни, брат, притчу, как по слову жены, князь убил любимого пса, спасшего сына его от змеи. А там, где змея бессильна, там женщина...

Но тут он прервался, заметив, наконец, что с братом происходит что-то неладное. Фома Фокич пробовал звать брата, пробовал потрясти его за плечо, но Фока Фокич, бесстрастный с недавних пор к внешнему миру, только улыбался да покачивался, не обращая ни малейшего внимания на то, что происходит вокруг.

Фома Фокич тотчас всё понял. Выйдя во двор, он кликнул Якова и объявил ему:

– Ступай-ка, собери всех, и чтобы через четверть часа – слышишь ли? – все были в гостиной.

Яков отправился созывать домочадцев и, действительно, скоро все обитатели расторгувского дома собрались в гостиной и столпились при входе. При этом мужчины большей частью изображали безразличие, нетерпеливо переминались и смотрели, кто в пол, а кто в сторону. Женщины, напротив, не скрывали своего любопытства и впились глазами в Фому Фокича, ожидая чего-то нового, а может быть, даже и страшного.

– Все ли собрались? – сурово спросил Фома Фокич.

– Да все вроде.., – раздались голоса.

– Все тут...

– Все...

– Федоры нет, – вдруг сказал кто-то из мужчин. – Давеча её видел...

– Я её звал, сказывала – придёт, – вмешался Яков.

– Так я и знал, – пробормотал Фома Фокич.

И, обращаясь к Якову, прибавил:

– Веди её сюда, хоть бы и силой. А драться будет – зови, все придём.

Здесь он бросил недобрый взгляд на Марфу, которая, вооружившись какой-то метёлкой, смахивала пыль с широких как тарелки листов фикуса и всем своим видом выражала полнейшее безразличие к происходящему.

Девицу Феодору не пришлось тащить силой. Вскоре она появилась, а следом за ней вошёл и Яков. Она, казалось, была напугана скоплением народа и недоверчиво озиралась, напоминая связанного зверя, которого охотники поймали и для забавы привели в комнаты.

– А ну, матушка, – сказал, хмурясь, Фома Фокич, – сними-ка ты платочек.

– Это зачем ещё? – прогнусавила девица Феодора, отступая на шаг и оглядываясь на Марфу.

– Ты делай, что велят, – прикрикнул Фома Фокич и пристукнул для убедительности палкой. – Платок сними, пока всю тебя не велел разоблачить.

Девица Феодора криво ухмыльнулась, бросила ещё один взгляд на Марфу и распустила платок, затянутый узлом на загривке. И тут все, кто

был в комнате, как по команде, ахнули – девица Феодора оказалась Фёдором.

А в следующую секунду новоявленный Фёдор, не дожидаясь, пока толпа опомнится, оттолкнул Якова и выскочил вон из комнаты. За ним тотчас бросились, потому что нельзя не броситься за беглецом. Но Фома Фокич закричал:

– Пусть его!.. Пусть его!..

И погоня вернулась.

Гнев Фомы Фокича обратился на Марфу. Вопреки протестам и проклятиям, Марфу закрыли в её же комнате, заперев и ставни снаружи.

В тот же вечер Фома Фокич сделал распоряжения в доме брата, объявив хозяином дома Данилу, а ослабевшего умом Фоку Фокича снарядив с собой в Лефортово.

С тех самых пор Фока Фокич поселился у брата, избрав излюбленным занятием своим общение с птицами. В летнее время он рассыпает по двору зёрна и обращается к птицам со словом. И птицы небесные слетаются, чтобы послушать его.

– Дети, – говорит Фока Фокич птицам, – знайте: злая жена есть огневица неутолимая и трясовица неоставляющая, копьё сердечное и змеиное покоище...

Птицы безбоязненно клюют зёрна рядом с Фокой Фокичем и, кажется, с радостью внимают ему.

Что же до Марфы, сначала хотели изгнать её. Но поскольку с исчезновением девицы Феодоры обнаружили исчезновение столового серебра, бумажных денег из шкатулки в комнате хозяина, то Марфу, как сообщницу, обвинили в краже. И Марфа предстала перед Фемидой. Чаши весов качнулись в руке слепой, и больше Марфу никто уже не видел. Только однажды, спустя время, дошёл до Москвы слух, что будто бы скончалась Марфа Расторгуева от тифа в пересыльной тюрьме.

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Албена Декова-Атанасова – родилась в Плевене, в Болгарии 21 октября 1967 г. Окончила Софийский университет «Св. Кирилла и Мефодия». Работала журналистом. Член управления совета Сдружения плевенских писателей. Издала сборники стихов: «Солнечная книга» и «Душа без дома».

Живёт в Плевене.

Албена ДЕКОВА-АТАНАСОВА

Виденья кружат шальные...

Хризантемы

Хризантемы жёлтые
Осенью увяли.
Плакали несчастные
В потускневшей шали.
Им о снеге белом,
Ледяной метели
Листья запоздалые
Новость нашумели –
Из-за моря ветер
Ищет с ними встречи,
Хрусталём украсит
Долгожданный вечер.
И вино в бокале
Теплотой согреет,
Хризантемы жёлтой
Грусть-печаль развеет.

Вечером по воду вышла к колодцу.
Ветер бушует, дождь предвещая.
Гнутя кустарники, словно колосья.
Молча бреду, свою мать вспоминая.
Помню глаза её – звездочки ясные,
Бусы янтарные мамины помню.
В жизни большой было всё не напрасно,
Я твоя дочь, повзрослевшая, скромная.

АЛБЕНА ДЕКОВА-АТАНАСОВА

Бусы янтарные зайчиком солнечным
Память мою будоражат дочернюю.
И не напрасно ночами бессонными
Пела мне песню свою колыбельную.

Сон

Вечер спустился шальный,
Запах миндальный разносит.
Ночь всё покроет шалью,
Сон судьбу напророчит.
Снова прискачет всадник,
Встанет опять у постели –
Мне бы его обнять бы,
Да ветер развеял тени...

А где-то сирены морские
Поют свои серенады.
Виденья кружат шальные,
Всадник сверлит меня взглядом...

Утро нежно ступило –
Хрупкою балериной.
Миндальный вкус ощутила
С горчинкой неповторимой.
Один лишь вопрос тревожит:
Где наяву тот всадник,
Что так на сон мой похожий?
Где он? Мне только б узнать бы?

Перевела с болгарского Галина МАМОНТОВА

Галина Викторовна Мамонтова – поэт, прозаик. Член Союза писателей России, член Академии Российской литературы. Награждена Почётным Дипломом «Золотое перо Московии», Золотой Есенинской медалью, юбилейной медалью в честь 70-летия основания Союза писателей СССР. Автор книги стихов для детей «Солнечный зайчик». Живёт в Лобне.

В начале лета

В саду под высокой сучковатой яблоней приютилась коляска. Совсем новенькая, весело сверкающая никелированными колёсными спицами. Пора стоит чудесная, самое начало лета. Густые облака, несколько дней застилавшие небосклон, наконец-то расступаются и открывают нежное, акварельно-прозрачное небо. Выглядывает солнце, и его лучи, будто шутя, в один миг проникают сквозь тёмные корявые ветви, блестящим фонтаном сыплутся на новую, ещё не запылённую листву, на петляющие грунтовые дорожки, на шелковистую траву. Хорошо становится в саду, празднично. А вокруг всё такое молодое, свежее. Солнечные блики – непоседливые озорники и проказники, никак не желают уgomониться. Они резвятся и играют, щедро разбрасывая зыбкие, ослепительно яркие пятна. Ах, не доведут эти игры до добра! Так и есть. Под яблоней слышится лёгкий шорох, а за ним и странное урчание. Ведь коляска-то не пуста. В ней лежит человек.

Человека зовут Никита, что означает «победитель». Но какой уж там победитель! Козявочка малая, да и только. Слабое беспомощное тельце кажется бледным, словно мелованная бумага. Загар ещё не лёг на тонкую сморщенную кожу. Руки и ноги не слушаются своего хозяина. Тяжёлая, обрамлённая светлым пухом голова смешно запрокинута назад. Тонкие жилки вьются по вытянутому черепу голубыми ручейками. Приоткрытый слюнявый рот оголяет рыхлые беззубые дёсны. Разбуженный Никита несколько раз моргает и пытливо пялится на окружающий мир сонным, ничего не понимающим взглядом. Сладкая дрёма неспешно слетает с припухших век. Во влажных, слезящихся глазах, словно в двух зеркальных осколках, отражается всё многоцветие летнего дня. Никита в изумлении. И ведь действительно есть чему удивляться! Ещё недавно тёмный, унылый сад вмиг сказочно преображается и становится подобен волшебной пещере, наполненной

Ирина Владимировна Щербина – художник, поэт, прозаик. Член Московской городской организации Союза писателей России. Член клуба профессиональных писателей «Московитянка» при ЦДЛ, участник литературно-поэтического объединения «Складень» при Общественном Международном Фонде славянской письменности и культуры. Автор нескольких поэтических циклов и сборника рассказов «Бинокль». В 2012 г. награждена литературной премией с вручением медали А.С. Грибоедова, а также удостоена Почётного Диплома имени А.Т. Твардовского.

Живёт в Москве.

грудами золота и драгоценных камней. Вот бы собрать всю эту роскошь, сгresti жадными ладонями, распахать по карманам! Но Никита ничего не знает о земных сокровищах, манящих кладах, несметных богатствах. Он просто нежится на солнышке. Окружающая красота так естественна, но полна неожиданностей, может быть, даже опасностей. Вот что-то лёгкое, сахарно-белоснежное срывается с ветвистого орешника и порхает, мельтешит перед глазами. На секунду замирает и снова оживляется, подкрадывается совсем близко. Никита волнуется, морщит безбровое лицо и уже хочет заплакать. Невесомое существо пролетает мимо и скрывается за густым кустарником. Никита переводит дух. К сожалению, он ничего не знает о бабочках-капустницах, да и о бабочках вообще. Ещё миг, и снова сюрприз. Яблонея ветка, та, что ближе всех наклонилась к коляске, вдруг вздрагивает от внезапного порыва ветра и шелестит охалкой кудряво закрученных листьев. Никита пугливо жмурится, потом приоткрывает один глаз. Постепенно любопытство вытесняет страх. Очень хочется сорвать ближайший листок, но неумелые пальцы хватают воздух. Ещё одна попытка, ещё и ещё. Наморщенный лоб покрывается потом. Наконец заветный лист крепко зажат в руке. Он оказывается прохладным. С одной стороны – гладким, с другой – мягким, ворсистым, покрытым выпуклыми прожилками. Никита удивлённо округляет глаза. Куда ни глянь, всюду сплошные странности. А уж, сколько тайн, сколько загадок вокруг! Вот громкие незнакомые звуки наполняют весь сад:

– Кви-кви, – несётся откуда-то сверху.

Чей это голос? Никита вжимает голову в плечи, съёживается. Невидимый певец старается на славу. Ему вторит другой, не менее одарённый.

– Тью-тью, кви-кви-тью!

Вдруг тишина, безмолвие. Никита тревожно вслушивается. Многоголосый гомон взрывает тенистые дебри. Это птицы. Но кто они такие – эти птицы?

Восьминогий скалолаз спускается с самой вершины яблони. Едва заметная паутинка натянута как струна... Мохнатая закорючка ползёт по тёмной растрескавшейся коре... Шустрая букашка тащит неподъёмную соломинку... Никита ошеломлён. Зрачки расширены, ноздри раздуваются от волнения. Сонный разум не поспевает за бурной действительностью. А шальной ветер гудит в древесных кронах, тревожит зыбкую листву. И каждое дерево трепещет и дрожит по-своему. Соседская девочка хохочет, играя в мяч. Вдалеке рычит газонокосилка. Разнообразные звуки переплетаются между собой, сливаются и бурлят. Хочется ворваться в эту шумную вакханалию. Так хочется, что шея раздувается от натуги, неумелые губы корчатся в безмолвной судороге, несколько раз примеряются и снова отступают. Наконец язык занимает нужное положение.

– Гу-гу-гу, – несётся из коляски.

– У-у-у, – одобряюще вторит ветер.

Он уже облетел всю округу и собрал дивные запахи, гуляющие без всякого присмотра. Это ароматы скошенной травы, листвы и полевых цветов, дыхание сочного лета и ещё чего-то неведомого, но такого притягательного и влекущего. Никита счастлив, он смеётся. Солнце искрится на мокром подбородке. Взгляд скользит по бархатной щетине газона. У самого забора расцветает душистый шиповник. За изгородью – поле, лес, река, соседние сёла, родной город. А ещё дальше – другие города, другие реки, леса, поля. Целый мир! Но для Никиты существует только то, что видится сейчас, в настоящий момент. Этот сад, эта яблоня и ещё женщина с тёплыми ласковыми руками.

Кстати, где она? А, вот, совсем рядом. Стройная фигурка присела у клумбы, возится с рассадой.

– Мы-мы, – выводит Никита. Облизывает губы, смешно вытягивает и снова складывает их бантиком.

– Мы-ма, ма-ма, ма-ма!

Светловолосая женщина поворачивает голову, быстро подходит к коляске. Она понимает Никиту без слов и ещё – умеет улыбаться одними глазами.

– Ну вот, Никита Романович проснулся! Сейчас обедать будем. И погода сегодня отличная, и пюре наше давно готово...

Ловкие руки умело обтирают слюнявый рот, глядят по плечу. Погода великолепная. Никита лукаво щурится от удовольствия, он счастлив. Через весь сад несётся протяжное «ма-ма-ма-ма».

Нет, это не его мама. Никите Романовичу девяносто шесть лет. Он герой Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, участник штурма Берлина. Он живой свидетель разных исторических эпох, потомок древних фамилий, автор многочисленных мемуаров, интереснейшая личность и кумир нескольких поколений. А ещё... А ещё – Никита ничего этого не знает. Инсульт разбил его тело, склероз отнял память. Этот щуплый старик пережил двух жён, бесчисленное количество переездов и ремонтов. Его дети выросли, отпрыски размножились и разлетелись по всему земному шару. Ухаживает за Никитой внучка Мария, по-домашнему Маруся или просто Мара. Ей сорок пять, и она совсем одна. Такой уж характер. Как говорится, одинока по жизни. И всё вроде бы давно устоялось, но пару лет назад свалился на неё, как снег на голову, парализованный Никита Романович. Заботиться о нём некому, все родственники заняты. Ну, не сдавать же благородного предка в дом для престарелых. Такой почётный человек, да и семья приличная.

– Присосалась к инвалиду, как пиявка, – судачат злые языки. – Знаем мы таких бессребрениц! А персональная пенсия? Подарки ко дню Победы? А квартира на Пречистенке? Загородная дача? Племянник из Америки деньги присылает, двоюродная сестра медикаменты бесплатные достаёт. Это всё не в счёт?

«Пустые сплетни», – думает Мара. Тонкие морщинки, словно солнечные лучики, искрятся в уголках глаз.

Когда-то в детстве Маруся ужасно боялась своего заслуженного деда. Его парадный мундир, многочисленные орденские колодки и строгий голос вызывали первобытный, почти животный страх. Сейчас беззащитный Никита Романович – единственное близкое и дорогое существо на свете. Как хорошо, что закончилась зима и ветреная весна миновала. Начало лета – это ведь какое-то чудо! В начале лета никто не умирает, и одиноких людей в начале лета просто не бывает.

Мара стоит рядом с блестящей новенькой коляской. Волнующее, донны не неведомое чувство бесконечной материнской нежности подобно тёплому южному ветру наполняет женскую душу любовью и покоем. Вдруг кажется, что время поворачивает вспять. Ещё чуть-чуть, и у подросткового Никитки прорежется первый зубик, отрастут волосики. Он встанет на шаткие неокрепшие ножки, сделает неуверенный шаг и побежит по извилистой садовой тропинке. Как жаль, что нельзя изменить неумолимые законы природы! Но маленькому человеку в инвалидной коляске это неведомо. Словно тонкий росток, тянет он чахлае тело к небесному свету и широко улыбается беззубым ртом. Никита знает, каждой клеточкой своего организма чувствует: всё только начинается.

Впереди много тёплых ясных дней, впереди целое лето и целая жизнь. Жизнь долгая, бесконечная.

А ветвистая яблоня, давным-давно посаженная его заботливыми руками, радостно шумит над головой. Она уже сбросила свой подвенечный цвет. Молодая завязь робко выглядывает из мягкой листвы. Каждый год эта яблоня родит прекрасные наливные яблоки. Они терпеливо ждут своего часа – крепнут, краснеют, наполняются медовым соком, наконец созревают и падают на рыхлую, согретую солнцем землю.

ПОЭЗИЯ

Валентин СУХОВСКИЙ

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в крестьянской семье в старинном селе Пежма (Богоявленское) на границе Архангельской области и Вологодчины. Стихи начал писать ещё в юности. Впервые опубликовал их в газете «Ленинский путь» осенью 1966 г. После окончания Литературного института им. А.М. Горького (1988) работал заведующим отделом публицистики журнала «Наши современники», был корреспондентом «Охотничьей газеты» и газеты «Гудок», обозревателем журнала «Встреча». Член Союза писателей России, Лауреат премии Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов имени А. Фадеева, награждён Патриаршей Грамотой и грамотами Правительства Москвы.

Живёт в Москве.

Горючими плачу слезами...

Вячеславу Дуликову

Стихи о России, о русском народе
Настолько близки мне, грустны.
В них отсвет веков и дыханье природы,
И боль от крушенья страны,
И боль от упадка в искусстве, культуре;
Поэзия, как сирота;
Едва выживает литература,
А без неё – пустота.
Как без романса дичает эстрада,
Газеты пусты без стихов.
Остановить деградацию надо
Благородством талантов, умов.
Всё меньше людей, восхищённых прекрасным,
И светлых, и чистых душой,
Что в веке серебряном было так ясно,
Был Пушкинский век золотой.
Теперь не найти по центральным газетам,
Как было два века подряд,
Поэзии. Нет гонораров поэтам,
От общества, власти наград.
И меньше всё песен, что хочется слушать,
И хочется петь от души.

С тобою, мой друг, словом лечим мы души,
Но как же нам надо спешить!
Лишь мы замечаем, как Русь оскудела,
А как же богата была!
Сегодня – лишь деньги, лишь деньги да дело,
А мысль не деньгами светла...
Не грех изводить нищетою поэтов,
В газетах стихи запретить?!
Чем могут прекрасным похвастать газеты?
Но кто-то же должен светить!
Не стало поэзии ныне в эфире,
Мол, есть для стихов Интернет.
И скучно, удушливо стало вдруг в мире.
И я не читаю газет.

Золото песен

Золото песен, золото слова
Оставлю в наследство навек.
Оно драгоценно, духовно здорово,
В нём русский велик человек.

Лишь в нём заповедная Русь и святая,
Светла и чиста испокон,
И величава от края до края,
По совести в нём лишь закон.

Во всём остальном нету права в России
И справедливости нет.
Мне горько и больно. Нет, я не Мессия.
Откуда божественный свет
В душе? Эта истина божья
И вера, иной не дано...
В двадцатилетье бесправия и бездорожья
Мне праведным быть суждено.

Трудно увидеть и справа, и слева
Светлых бессмертной душой.
Страшнее, чем хамом развёрстого зева
Нет чудища над страной.

Страшнее предавшей жены, извращённой,
Ограбившей подло и зло,
Представить не мог. Помолюсь пред иконой,
Лишь было бы детям светло.

Горючими плачу слезами
Над чьей-то печальной судьбой,
Как будто своя – за лесами,
И горе своё – за рекой.

Надежда

В летний зной и в осеннем ненастье
Вновь влечёт меня вдаль среди полей.
Но ведь только надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Нас терзают тревоги да страсти,
Мы становимся к подлости злей.
Потому-то надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Верю я, что когда-то удастся
Мне лучом просиять и во мгле.
Потому что надежда на счастье
Всё же держит на отчей земле.

Дело нет ни богатым, ни власти
До добра, что всё гибнет во зле.
Но ведь только надежда на счастье
Нас и держит на отчей земле.

Одолею любые напасти,
Удержусь силой воли в седле
Потому, что надежда на счастье
Всё же держит на отчей земле.

Крик отчаянья и боли

Кого любил, те предали меня,
Кого не знал, те стали вдруг друзьями.
О, Господи, что происходит с нами?
И как живыми выйти из огня?!

Как подло грабит бывшая жена,
От тёщи злой – немереная ругань.
О, где же вы, спасите меня, други!
Куда ни ткнись – бесчувствия стена.

Куда ни ткнись – всё ложь да клевета,
Как мало правды на Руси да права,
И в женщине той кротости и нрава;
И верность вся как будто изжита.

Что делать мне, где правду мне искать,
Узду на тех, кто ущемил поэта?!
И есть ли наказание за это?
Или в России правды не видать?!

Жизнь, прожитая в метро

В метро было, как всегда, полно народа. Люди с папками, маленькими сумочками, барсетками, полиэтиленовыми пакетами или просто налегке практически бежали. Да и другие, нагруженные огромными сумками, чемоданами, тележками и рюкзаками, тоже старались не отставать. Торопились и тихие, беззаботные, степенные. Всех их объединяло одно: им срочно нужно было куда-то попасть и, озадаченные этой целью, они ничего не замечали.

На одной из станций метро, положив перед собой ридикюль, сидела на лавочке маленькая аккуратно причёсанная сухонькая старушка в очках с толстыми линзами и в старомодном чистом платье с брошью. Она, видимо, присела отдохнуть, устав от суеты большого города, и отрешённо глядела в одну точку, будто вспоминая всю свою жизнь.

Родилась она задолго до войны. Её родители, крестьяне Новгородской области, были малограмотными, но работающими людьми. Имея лошадь и корову, они считались богатеями, и потому были раскулачены и сосланы в предгорье Хибинских гор вместе с четырьмя другими семьями: двумя зажиточными и двумя семьями иностранцев – латышей и эстонцев. Жили они на берегу реки в палатках. Сашенька родилась уже там и в течение трёх лет спала в корыте. Но этого она, конечно, не помнила. Её воспоминания связаны уже с городом Хибиногорском, переименованным позже в Кировск. Во время войны она девочкой помогала медсёстрам в госпитале: промывала и перевязывала раны бойцов. Вот тогда и приняла решение стать врачом.

С будущим мужем Сашенька познакомилась на танцах. После войны в их городе стоял полк. Молодые офицеры, конечно, ходили по выходным на танцы в Дом культуры, потому у местных барышень кавалеров было хоть отбавляй. Во время одного танца Сашеньку пригласил высокий красивый лейтенант. Она сразу покорила его не только своей красотой и умением отлично танцевать, но и

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. Автор четырёх сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009) и «Жизнь – река» (2010) и двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

прямолинейностью. На вопрос: «Что Вы ищете в моём нагрудном кармане?» последовал ответ: «А что там искать-то? Денег-то у вашего брата всё равно нет!» Этот ответ и решил Сашенькину судьбу. Приглянулась она молодому офицеру, да вот незадача – ему нужно было уезжать на службу в Германию на три года. Когда он объявил Сашенькиным родителям о намерении жениться на их дочери, Сашин отец был категорически против: «Ты уедешь, а она останется? Ни девка – ни баба? Если любишь, вернёшься и женишься!»

И Георгий уехал. В течение всех трёх лет он писал ей письма каждый день и, когда вернулся, сделал официальное предложение. Сыграли свадьбу. Но недолго молодым удалось пожить с родителями – мужа отправили в Ленинград на учёбу. Сашенька приняла решение всегда быть рядом с мужем, поэтому тоже поехала в славный город на Неве, поставив перед собой цель – поступить в университет на медицинский факультет – и цели добилась.

Годы учёбы пролетели быстро. На последнем курсе у Саши и Георгия родилась дочь Тамара. Первые два года, пока молодые служили в Брянске, дочка жила у мамы, но потом они всегда брали её с собой, как бы далеко ни забрасывала их судьба. А уж она-то постаралась! Едва они обустроивались на одном месте, как приходил приказ о перемещении в другую часть. Георгий, как правило, ехал туда первый, а потом вызывал к себе семью.

Интереснее всего произошло это на Кушке. Не прошло и месяца с момента его отъезда, как в бывшую часть пришла информация о том, что семья может переезжать к нему, так как ему дали жильё. Но когда Саша с Тамарой приехали в часть, выяснилось, что общежития для семейных нет и не предвидится. Однако для Георгия это было вопросом проверки на зрелость: он считал себя ответственным за свою семью и не хотел ни на кого эту ответственность перекладывать. Дело было зимой. На дворе стоял тридцатиградусный мороз. Саша и Георгий укутались, как могли и провели ночь в ...коровнике, положив маленькую Тому между собой, чтобы всю ночь согреть её своим теплом.

Наутро Георгий отправился на службу, а Сашенька, усадив дочку на сапожки, поехала по заранее известному маршруту – на рынок, чтобы поспрашивать, нельзя ли к кому попроситься на постой. Вот так они и нашли тётю Машу. Муж у неё умер, дети разъехались по разным городам, и она была рада приютить молодую семью у себя.

Долгих четыре года прожили они у тётки Маши, да так с ней сроднились, что обе женщины не могли сдержать слёз при расставании – Георгий вновь получил назначение, теперь уже в Венгрию. И только после этой командировки смогли они забыть, что такое съёмное жильё, купив пусть небольшую, но свою квартиру в кооперативном доме в Новгороде.

Выросла, получила образование и устроила свою личную жизнь дочь. Георгий много работал: высококвалифицированные военные инженеры были востребованы и на гражданке. У Саши тоже была интересная работа: она служила врачом на санэпидемстанции. Любовь к танцам сохранилась у обоих, потому они всегда ходили на вечера, регулярно организуемые на работе то у него, то у неё. А каждый отпуск Саша и Георгий проводили в санаториях, где на танцах можно было отрываться все двадцать четыре дня.

Беда грянула вскоре после ухода Гоши на пенсию. У него обнаружилось какое-то редкое неврологическое заболевание, и госпитализация в Ленинград к специалистам этого профиля была единственным выходом. Но даже медицинским светилам не удалось предотвратить страшного последствия этой болезни – у него начала гнить нога, и её нужно было срочно ампутировать. Не

помня себя и надев белый халат, она прорвалась в операционную. Георгию ампутировали ногу выше колена, но во время операции он умер – не выдержало сердце.

Сначала Саша беззвучно рыдала. Но характер не спрячешь: когда ей выдали безногое тело мужа, она заставила санитаров найти Гошину ногу и, получив «полный комплект», отвезла его в Новгород, чтобы похоронить там.

В течение двадцати лет вдовьей жизни она часто ездила в Ленинград к своим воспоминаниям и друзьям юности. Вот и сейчас её позвали на 55-летие их выпуска. Она ехала на встречу, боясь, что, приехав, вновь не увидит кого-нибудь из сокурсников: время – очень безжалостный палач.

Сашенька сидела на лавочке в метро. На станции было, как всегда, полно народа. Люди бежали по своим делам, не замечая того, что происходит вокруг, и им было невдомёк, что на лавочке, в двух шагах от них, умерла аккуратно причёсанная маленькая сухонькая старушка в старомодном чистом платье с брошью – умерла, вспомнив всю свою жизнь.

ПРОЗА

Алексей СЕЛИЧКИН

Алексей Прокофьевич Селичкин – по окончании средней школы в 1969 г. жил и работал в закрытом городе Озёрске Челябинской области. Атомщик. К значительному литературному творчеству приступил на Урале. Участие в работе литературного клуба «Светунец» при Челябинской писательской организации сформировало литературные ориентиры и позволило поступить на заочное отделение Литературного института в 1982 г. Автор шести сборников, член Союза писателей-переводчиков, член творческого клуба Независимого альманаха «Московский Парнас». В июне 2008 г. Международной ассоциацией писателей баталлистов и маринистов удостоен диплома и Золотой медали им. К. Симонова за книги и циклы стихотворений светлой патриотической лирики.

Живёт в Калуге.

Ожог

Подгнивший угол

Нижние подгнившие венцы.
Их бы заменить – и нет печали.
Выросли вчерашние мальцы,
жизни ход на город поменяли.

День и век постигла злая мгла.
День и ночь покоя не приносят.
Сыплет из подгнившего угла
жизнь вопросы, жёсткие вопросы.

Ожог

Пекло а ля Сахара.
– Дышите?
– Нечем дышать...
Пекло а ля пропали.
Кто нас придёт спасать?

Пекло... «Алё, пожарный!..
Где вы? В каком краю?»
– Петя, ты жив, негодник?..
Муж – разъети твою!..

Красный петух гуляет..
 Господи, упаси!..
 – Дышит он?
 – Я не знаю..
 Господи, воскреси!..

Чужие небеса

*Я сам, раздавленный
 чужими небесами...*
Ф.Г. Лорка

Чужие небеса.
 Чужая непогода.
 Чужие голоса
 и рядом, и вокруг.

И, кажется, не я
 живу здесь, слава Бога,
 за ЗЕМЛЮ, что послал
 родителям Господь.

Навязчиво твердят,
 что я не толерантен.
 И рот мне всякий раз
 стараются закрыть.
 Мне на моей ЗЕМЛЕ,
 дарованной мне Богом,
 хотят чтоб я любил
 чужие небеса.

Чужие голоса..
 От них мороз по коже.
 Чужие небеса..
 А мне мои милей.

Возвращение

Шипели, будто умерла.
 Но непонятной смерть была –
 стучало сердце.

Её как будто низвели,
 в костёр, что быстро разожгли,
 чтоб всем погреться.

Спешили, чтобы обладать,
 богатством руки согревать,
 зреть с пьедестала.

Когда ж сказали про погост,
 она вдруг встала во весь рост
 и – воссияла.

Александр АЛИЕВ

Древнейший «музей» отечественной живописи

Нынешний материал многим покажется абсолютно необычным. Ведь говорится в нём вовсе не о каких-либо архитектурных сооружениях, связанных с великими именами прошлого. Мы предлагаем читателям совершить небольшое путешествие в самые дальние дали истории нашей страны. Правда, такого понятия как «Россия» тогда ещё не существовало. На земле тогда вообще не существовало никаких стран. Впрочем, давайте всё по порядку...

Каких-нибудь сто лет назад всеобщее искусствоведение открывалось разделами, посвящёнными Шумеру, Вавилону и Древнему Египту, то есть хронологически не выходило за рамки IV–III тысячелетий до н. э. Но вот почти одновременно с изобретением телефона и кино человечество открыло для себя искусство каменного века – палеолитическую живопись и скульптуру, и сразу же временные рамки истории искусств раздвинулись до сорока тысячелетий. Одно из высочайших достижений первобытного искусства – пещерная живопись – чётко локализована на юго-западе Франции и Пиренейском полуострове, а также (фрагментарно) на крайнем юге Италии. Положение данной живописи в столь ограниченном небольшом районе наводило археологов на мысль о какой-то оригинальной замкнутой культуре. Испанскую пещеру Альтамира часто именуют столицей первобытной живописи, а французскую Ласко – её Версалием и Сикстинской капеллой...

В 1959 году случилось потрясающее открытие на Южном Урале, в Башкирии. Это Капова пещера или Шульган-Таш. Правда, про сей природный памятник как таковой известно было давно. Русский исследователь П.И. Рычков в ежемесячном журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих» (1760) поместил «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии

Александр Газанфарович Алиев – родился в Москве в 1964 г. в семье учёных-филологов, сотрудников Академии наук СССР. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работал в Радиокomitee на Пятницкой (радиостанция «Надежда»), с 1991-го и по настоящее время занимает должность редактора отдела истории и культуры в одном из специализированных изданий МЧС России. Сотрудничает с рядом столичных и областных газет и журналов. Член Союза журналистов Москвы (с 1993 г.), МГО СПР Союза писателей России (с 2008 г.) Живёт в Москве.

Голубое озеро и вход в Капову пещеру

находящихся, за славную и наибольшую почитается». Помимо яркого описания и эмоциональных характеристик мы найдём у Рычкова упоминание о том, что в одном из ходов он нашёл «сухую человеческую голову». Через десять лет Капову пещеру посетил известный натуралист, путешественник, этнограф, академик Петербургской Академии Наук И.И. Лепёхин. Ему удалось в сопровождении местных башкир пробраться на второй этаж пещеры. Это описание не соответствует современному. Можно предположить, что Лепёхин видел какие-то другие подземные лабиринты данного яруса, куда ход сейчас невозможен. Главной заслугой Ивана Ивановича является то, что он правильно связал образование пещеры с деятельностью подземных вод.

С той поры сюда зачастили научные экспедиции, из них самые примечательные – профессора-геолога Г.В. Вахрушева, организованные летом 1923 и 1935 годов. Он впервые дал полное описание всех четырёх этажей пещеры, подземных лазов, разнообразных натёчных форм. Вахрушев выделил самые характерные участки, дал названия наиболее примечательным залам и переходам: Купольный, Сталагмитовый, Бриллиантовый, Радужный, Рисунков, Знаков, Хаоса... Было, кроме того, окончательно установлено, что формирование Каповой пещеры началось порядка 3–5 миллионов лет назад.

Всемирную же известность пещера получила, как уже говорилось, в 1959-м, когда сотрудник Башкирского Государственного заповедника зоолог А.В. Рюмин обнаружил на её стенах древние рисунки. Он давно интересовался начальной историей человечества и пришёл к выводу, что культура первобытности развивалась не только в районе Пиренеев, но и на других территориях. Южный Урал, по его мнению, как нельзя лучше подходил для поисков. Впоследствии Александр Владимирович вспоминал: «...Но вот предстали

пещеры. В их неизведанную тьму не проникало моё воображение – я ещё никогда не был в настоящих пещерах... Южный Урал был тёплым заповедником, где мир жизни мог укрыться от наступающих холодов и пережить ледниковое время. Такими же, даже ещё более тёплыми, очагами переживания ледникового периода был на Западе Пиренейский полуостров и на Востоке – Дальневосточный край... Здесь надо искать и первобытного пещерного человека.

В январе 1959 года мы с группой товарищей посетили первую пещеру. Это была известная Капова пещера... Мы ринулись в пещеру искать рисунки и скульптуру первобытного человека... После долгих поисков, устав и отчаявшись найти рисунки, решено было возвращаться. У меня остались надежда и последние полчаса поиска... Искал только по лучшим местам. Ура! Со стены смотрят звери, нарисованные первобытным человеком. Рисунки найдены – замечательные рисунки позднего периода древнекаменного века...»

Рюмин увидел здесь нанесённые красной и чёрной красками изображения мамонтов, лошадей, медведей, волков, пещерного льва, саблезубого тигра, верблюда, оленя, а также животных, чьи фигуры были получены путём доработки естественных выступов каменных стен и отдельных валунов.

Справедливости ради отметим, что рюминская публикация «Капова пещера ждёт археологов» в журнале «Вокруг света» (апрель 1960 года) хотя и произвела эффект разорвавшейся бомбы, однако вызвала

Наскальные рисунки

скептические отзывы специалистов, в частности, видного археолога О.Н. Бадера. Действительно ли эти изображения подлинные и относятся к палеолиту? Рюмин именовался «любителем спелеологии», «дилетантом», делающим необоснованные выводы: ведь в эпоху верхнего палеолита на Урале уже не обитали ни пещерные львы, ни саблезубые тигры.

В начале шестидесятых Бадер сам возглавил экспедицию Института археологии АН СССР, Рюмину даже не предложили войти в её состав. Более того, на протяжении нескольких лет Александр Владимирович вынужден был проводить работу в пещере как «любитель», параллельно с археологами. Несмотря на сложности во взаимоотношениях учёных, правота Рюмина в конце концов была признана, а Бадеру принадлежит заслуга зачинателя комплексных научных исследований Каповой пещеры, сохранения этого уникального памятника.

Итак, нынешний Бурзянский район республики Башкортостан, семь километров к северу от деревни Иргизлы. Невдалеке от берега реки Белой (Агидель) раскинулся заповедник Шульган-Таш, главной достопримечательностью коего и является Капова пещера. Кстати, о названии. Никто в точности не знает, откуда оно появилось. И.И. Лепёхин отмечал, что «капающая вода делала особливый тихий и жалостливый звук»; звук падающих на камни капель до сих пор слышит каждый посетитель пещеры. Исследователь XIX века Ф. Симон полагал, будто название «Капова» пещера получила «от капообразных наплывов по стенам, придающим ей особенную прелесть». Наконец, ещё одна версия – связь названия со словом «капище», языческое святилище. Якобы в каменном веке здесь существовал своего рода храм, и для той же цели сделаны были наскальные рисунки.

Сейчас всё больше используется исконное башкирское название – «Шульган-Таш». Первое слово переводится как «опустилась», «провалилась», «исчезла», второе – как «камень» (гора). Действительно, в паре километров от пещеры речка Шульган (приток Белой) исчезает в карстовой воронке и, растворяя древнейшие известняки, проделывает под землёй все те пещерные коридоры и залы. Перед самым входом в пещеру она вновь появляется из необычайно красивого и «бездонного» Голубого озера.

С пещерой связано множество легенд и преданий, в своё время это был настоящий мифологический центр башкирского народа. Считалось, например, что здесь обитает дух Урал-Батыра в облике огромного всадника на крылатом коне Акбузате. Тому, кто его увидит, будет сопутствовать удача. Также говорили, что в пещере когда-то жил подземный народ во главе с Хозяином – Дивом. У народа сего хранилось великое множество золота, их мельницы приводились в действие подземными реками, а также они делали отличное оружие. Если кто оказывал какую-либо услугу Хозяину пещеры, в благодарность получал от него счастье на всю жизнь.

Вход в Капову пещеру именуют сейчас Порталом – из-за его впечатляющих размеров: около сорока метров в ширину и около двадцати в высоту. Голубое озеро прозвали так из-за необычайного феномена: когда на поверхность воды падают солнечные лучи (примерно в одиннадцать утра), она действительно окрашивается в ярко-голубой цвет. Спелеоводолазы смогли опуститься на глубину девяносто метров, но дна озера так и не обнаружили.

Главные пещерные сокровища – палеолитические рисунки – расположены довольно далеко от входа. Экспедиция Отто Николаевича Бадера провела в 60-х годах огромную работу по выявлению и консервации этих древнейших образцов живописи. Конечно, стало ясно, что при интерпретации многих фигур их первооткрыватель А.В. Рюмин ошибался: ведь он пытался разглядеть рисунки сквозь слой грязи, копоти и надписей, оставленных туристами. Но, главное, рисунки были, и в значительном количестве! *«Все рисунки нанесены на гладкую, желтоватую или коричневатую-серую поверхность стен или покато потолка пещеры (на нижнем этаже) однородной красной краской. Химический анализ образцов краски с обеих этажей... показал, что краска состоит из красной земли (охры) с добавлением животного клея. Краска красных рисунков прочно слилась с поверхностью скалы. Уничтожая надписи туристов, покрывавшие рисунки, мы убедились, что краска древних рисунков не смывается».*

За прошедшее с тех пор время к сорока «классическим» изображениям прибавилось ещё почти сто семьдесят. Наиболее полно представлены они на восточной и западной стенах Зала Рисунков: несколько мамонтов, носорог, бык, маленькая лошадь, геометрическая фигура, напоминающая трапецию. Крупная центральная фигура восточной половины известна как «Лошадь Рюмина» – впервые данное изображение было опубликовано А.В. Рюминым в виде прорисованной фотографии. Все животные представлены весьма реалистично и словно идут по кругу, только фигура одного мамонта обращена в противоположную сторону, сегодня он известен под названием «Диссидент».

В дальнейшем эти группы пополнились фигурами «Бледного мамонта», антропоморфного существа, маленького красного носорога. И как новая сенсация: фигуры «Чёрного мамонта» и чёрной лошади. Ведь факт существования в Каповой пещере изображений в чёрном цвете долго отвергался археологами.

Древние рисунки, правда, уже схематического плана, есть также в Купольном Зале и Зале Знаков. И, наконец, отсюда путь лежит в самую дальнюю часть комплекса – Зал Хаоса. Тут посетитель может увидеть великолепную композицию «Лошади и знаки Зала Хаоса», открытую и расчищенную от мощных натёков реставраторами из экспедиции О.Н. Бадера. Одну из вертикальных стен украшает фигура «Дальнего мамонта» – помещённый на высоте около четырёх метров рисунок частично скрыт под натёками.

...История всех пещер с наскальными рисунками развивается примерно одинаково: находят изображения, в пещеры начинают пускать туристов, затем выясняется, что туристы имеют обыкновение дышать, изменяя тем самым пещерный микроклимат. Рисунки начинают разрушаться, доступ посторонних сначала ограничивают, а после и вовсе закрывают пещеры для посещения, выставляя копии рисунков где-нибудь рядом.

Так было и с Альтамирой, и с Ласко, и с Фон де Гом, и с Каповой пещерой – правда, башкирская пещера продержалась дольше других: ещё недавно туристы могли попасть в несколько её залов. От желающих увидеть при свете фонариков творчество первобытных художников не было отбоя.

С 2002 года галерея доисторической живописи практически полностью закрыта для туристов. Установлено лишь минимально допустимое количество посетителей – археологи, спелеологи, фотографы и... особо важные персоны; всем требуется специальное разрешение. Обычного, так сказать, смертного в

заветные помещения тоже пропустят, но если он готов будет заплатить четыре тысячи рублей против обычных двухсот. А за двести туристу покажут лишь привходовую часть: там выставлены копии основных изображений, выполненные петербургским анималистом В. Черноглазовым.

Кстати, копии Каповской живописи представлены также в Саблинских пещерах под Санкт-Петербургом. Они, как и оригиналы, писались натуральными красками. Для детей здесь проводят мастер-классы, ребёнок может нарисовать своего мамонта или носорога – правда, на бумаге, но под сводами пещеры.

А.В. Рюмин

Александр Владимирович Рюмин – потомок дворянского рода Рюминых-Марлинских – прожил долгую и очень интересную жизнь, и, несмотря на то, что образ неисправимого романтика помешал ему занять достойное место среди учёных мужей, он навсегда вошёл в историю науки не только как первооткрыватель палеолитической живописи вне Западной Европы, но и как человек, отдавший все силы её целенаправленным поискам и изучению. Недавно пещера Шульган-Таш (Капова) предложена российским правительством для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Фото из архива автора

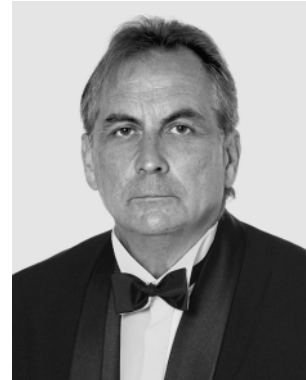
ПОЭЗИЯ

Александр ГАНИН

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – кандидат экономических наук, доцент по кафедре «Иностранные языки» Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» / Университет машиностроения. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (англо-немецкое отделение факультета иностранных языков) и Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (экономический факультет). Автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

Сожму обиду как перчатку в кулаке...

Вот пробил час, и маятник качнулся,
И мир другою гранью повернулся,
Стучится в дверь, пора пришла
Рубить вчерашних дней хвосты
И строить новые мосты,
И сжечь потом их все дотла,
Чтоб не болела голова,
Чтоб не тревожилась душа,
Не говорить ненужные слова,
Стереть из памяти своей
Всех телефонов номера,
Чтоб не сумели хироманты
Увидеть линии судьбы моей,
И обнулить скорей сим-карты,
Не потянулась чтоб рука
Набрать твой номер невзначай,
Услышать вздох издалека:
«Прощай моя любовь, прощай...»

Засохла вдруг заморская и беглая берёза,
На ветке как на шее веет шарфик на ветру,
Развеялся туман британский словно грёза,
И превратились деньги в прах, душа – в золу.

Как лист осинový трепещет, хочет каяться,
Но кто поверит покаянному письму.
Висит на шарфике, размеренно качается,
Клянёт и странную, и незавидную судьбу.

Не впрок пошли ему страдания слепой России,
Не смог отмыть купюры на крови и на слезах,
Не получилась роль заморского мессии,
Но стал краплёной картой в шулерских руках.

В твоих глазах я вижу перемену,
В твоих глазах я – пьяница и скандалист,
И просишь ты меня найти тебе замену,
И что в душе твоей осенний кружит лист.

Я, по твоим словам, безденежный мечтатель,
Безбедный быт нам не устроить никогда,
Я сам судьбе своей писатель и читатель,
Но пролетают в трудностях все лучшие года.

Ну что ж, перечить я тебе не стану,
Сожму обиду как перчатку в кулаке,
Прильну к другому чувственному стану,
С другой меня увидишь в модном кабаке.

Нет, нет, конечно, это невозможно,
Наивно сказаны в отчаянии слова,
Обида к сердцу прикоснётся осторожно,
Склонится с грустью лёгкой голова.

Другой не полюбить, и неужели это правда,
Что надо жить без сожалений и тоски,
И сдуть тебя пушинкой лёгкой надо,
Прилипшей к пиджаку на рукаве.

Но жизнь мне подарила эту встречу,
Твой синий взгляд из шёлковых ресниц.
Но вот зачем? Себя спрошу и не отвечу,
В раздумье опущу глаза свои я ниц.

Ну, что ж, просить, держать не стану,
Лети как птичка и порхай, ищи судьбу,
Увы, я знаю, что любить тебя не перестану,
И позабыть тебя, наверно, не смогу.

Расставанье – это маленькая смерть,
Как из памяти моей тебя стереть?
На зелёный холмик над моей мечтой
Я поставлю свечку за любовь, за упокой.

Расставанье – ожиданье новых встреч,
Не забыть тебя, не зачеркнуть, но не сберечь,
Как в гробу хрустальном в памяти моей
Спишь принцессой, ждёшь счастливых дней.

Пусть навеет сон твой снежная метель,
Как стелила ты нам белую постель,
Обнимала жарко, приоткрыв уста,
Нас касалось вечной жизни простота.

Заложник всех своих страстей
И пленник всех своих желаний,
Я сам себе – библейский змей,
Источник всех своих страданий...

Вот, кажется, и всё, и впереди – тупик,
Упёрся лбом я в край своей вселенной,
Сомнений холодок безжалостно проник,
Что оказалась жизнь монетою разменной.

Всё, что лелеял в мыслях и своих делах,
Всё то, о чём просил и признавался Богу,
Погрязло в вольных и невольных всех грехах,
И надо вновь во мгле искать свою дорогу.

Безжалостна моя далёкая, но яркая звезда,
И ночью лунной я пойду своей дорогой,
Искать другой вселенной края или дна
Душой, охваченной сомненьем и тревогой...

Иду аллеей как по замкнутому кругу,
И белки смотрят: что за дивный зверь?
Недолюбил и потерял свою подругу,
Бредёт один в осенний листопад теперь.

Иду и дня вчерашнего ищу приметы,
Не нахожу, так много новых перемен,
Растрочены любви последние монеты,
Как белка в клетке угодил я в плен.

Иду осенним парком, как по кругу,
На круги возвращаюсь я своя,
И белочка протянет лапку словно другу,
Как будто скажет: не забудь меня,

А скоро ветры зимние поднимут вьюгу,
И снег с дождём накроет тихий парк,
Найдёшь себе другую ты подругу,
И сменил свет любви осенний полумрак.

Как хочется быть вечно сладко полупьяным,
Но не пьянеть, быть мудрым, молодым и не стареть,
И наслаждаться запахом осенним нежно-пряным,
И не грустить, и вдаль с надеждою смотреть.

ПАМЯТЬ

Зинаида КЕРБАБАЕВА

От Ашхабада до Берлина

Фронтвые дороги агронома, солдата, сына известного писателя

Я самая старшая из ныне живущих в роду Кербабаевых – из него вышел основоположник туркменской советской литературы Берды Мурадович Кербабаев, со старшим сыном которого Баки Бердыевичем связала меня судьба. Я самая старшая из ныне живущих и по семейной линии моих родителей.

Не зная своего будущего и что жизнь моя будет связана с его семьёй, мне до замужества довелось видеть Берды Мурадовича Кербабаева дважды. Первый раз во время зимних студенческих каникул, когда я приехала к родителям в Мары.

Моя школьная подруга Тамара Аванесова училась в Марыйском педагогическом институте. Как-то она прибежала ко мне домой и пригласила на встречу с писателями. К ним в институт приехала писательская бригада, возглавляемая председателем Союза писателей Туркменистана Берды Кербабаевым. Вместе с ним нас посетили известные поэты из Москвы – Константин Симонов и Евгений Долматовский.

Вечер проходил интересно, студенты были взволнованы – в какие это времена в областной город Туркмении приедут ещё такие именитые гости?!

Симонов и Долматовский читали много стихов. Все, конечно, просили прочитать легендарное «Жди меня». И Симонов удовлетворил желание молодёжи. Студенты бурно аплодировали стоя, благодарили за прекрасную встречу.

В конце выступления Берды Мурадович открыл маленький секрет: мол, скоро мы «встретимся» с Симоновым уже не как с поэтом, а как с прозаиком. Он рассказал, что Константин Михайлович пишет роман о войне.

Зинаида Александровна Кербабаева (Дзагания) – родилась 5 сентября 1935 г. в Сухуми. Окончила Туркменский государственный сельскохозяйственный институт имени М.И. Калинина. Работала в институте ботаники Академии Наук Туркменистана, преподавала на биологическом факультете Туркменского государственного университета имени Махтумкули. Доктор биологических наук. Живёт в Москве.

Второй раз я встретила Берды Мурадовича на берегу Куртлинского озера под Ашхабадом. Озеро, словно мираж, привольно растеклось на многие километры среди песков. Чудо да и только! Но не мираж, а воля и дело человеческие.

Пески там холмистые. Ранней весной здесь росли светло-голубые ирисы и маки. Нас было несколько человек. Я с подругами приехала после работы купаться. Купались мы на левой стороне озера – там, где его, словно мать грудью ребёнка, питала рукотворная Кара-Кум-река. Недалеко от нашего пляжа был небольшой холм. Вдруг кто-то воскликнул:

– Смотрите, да это же Берды Кербабаев! Вон там, на холме стоит...

Конечно, мы все повернулись к холму, на котором стоял наш знаменитый писатель. Взор его был устремлён вдаль, где плескалась Аму-Дарьинская вода. Его поэма «Аму-Дарья», роман «Капля воды – крупичка золота» посвящены осуществлению многовековой мечты туркмен, в том числе и древнего рода Кербабаевых: увидеть воды Аму-Дарьи на просторной, но обезвоженной земле, которую так любил и воспевал в своих произведениях классик туркменской литературы!

Что таил его задумчивый взор?! Не сокровенную ли беседу с самим собой! Тому, каким я увидела тогда Берды Кербабаева, очень созвучны его строки из поэмы «Весна на земле Туркменской» (1961):

*Ещё горело солнце вполнакала,
И не сходил термометр с ума,
Я вдаль глядел с высокого холма
Над жёлтою стремниною канала.*

*На стыке новых и минувших дней,
Добры, вольнолюбивы, не угрюмы,
К покою неприученные думы
Пришпоривали преданных коней.*

*А небо было цвета бирюзы
И падало к земле по воле взора,
Сливался звук летящей стрекозы
И авиационного мотора.*

*И с прозвищем давно минувших лет
Поодаль Волчья впадина лежала,
Впечатан был в неё не волчий след,
А рубчатый, двойной от самосвала.*

Б.Б. Кербабаев с боевыми наградами.
Ашхабад. 1970-е гг.

*Я был с самим собой наедине,
К свободным мыслям сердце приобщалось.
И слышалось и чувствовалось мне,
Как колесо истории вращалось <...>*

(Перевод с туркменского Я. Козловского)

Да, время – неумолимо. Мне уже почти 80... Дети, внуки и правнуки давно уже просят меня написать воспоминания. Долго не могла решиться. Но, думаю, то, о чём вспомнила, будет интересно не только родным и близким.

Память, как и капля воды, – крупица золота. Её нужно передать следующим поколениям как самое главное богатство, которое успевает скопить во время своей мимолётной земной жизни человек. Память – духовное завещание потомкам. Память – золотая нить, которая связывает жизнь земную и жизнь вечную.

В предлагаемом вниманию читателей отрывке из будущей книги – речь идёт о фронтовых страницах биографии моего покойного супруга Баки Бердыевича Кербабаева, кандидата биологических наук, директора Центрального Ботанического сада Академии Наук Туркменистана.

С 2003 года наша семья жила в Москве. Баки Бердыевич болел. Но желание написать книгу у нас с ним уже было.

Один из друзей семьи записал для радио большое интервью с Баки Бердыевичем, которое так пригодились для работы над будущей книгой. Старый туркменский солдат, защитник Родины вспоминал в нём и о том, как во время Великой Отечественной освобождал от фашистов Россию, Украину, Польшу, Германию, дошёл до Берлина.

Когда началась Великая Отечественная, Баки Кербабаев учился на третьем курсе агрономического факультета Ашхабадского сельскохозяйственного института. По всему Советскому Союзу объявлена мобилизация. Патриотический порыв защитить свою Родину, который затронул все слои общества, людей разного возраста, был настолько высок, что на пунктах записи на фронт с первых же дней выстраивались огромные очереди добровольцев. Некоторые юноши и девушки подделывали свои документы: очень уж хотелось им, чтобы их возраст «соответствовал» и, если уж не в действующую армию, то пусть в ополчение запишут.

Мобилизация, мобилизация... Туркмения – далеко от фронта, но и здесь такой же горячий порыв, как по всей стране. Пришли в военкомат и все студенты Ашхабадского сельскохозяйственного института. Наконец очередь дошла до Баки.

– Кербабаев?

– Да!

– Отец сидел?

– Да, но после освобождения он вернулся в Ашхабад, сейчас работает на ответственной должности – председателем Союза писателей Туркмении...

Резкий ответ как внезапный удар в челюсть:

– Мы сыновей врагов народа в армию не берём. Идите, вы свободны...

В военкомат их пришло около 50 человек. Записали всех. Кроме Баки Кербабаева.

В связи с началом войны курс обучения в институте был сокращён с пяти до трёх с половиной лет. По окончании обучения Баки Кербабаев направили на работу младшим научным сотрудником в земледельческую опытно-экспериментальную станцию в Багире.

Здесь, вблизи Ашхабада, в древности располагалась легендарная Ниса – столица Парфянского царства. Эта плодородная долина у подножия Копет-Дага тогда уже славилась своими виноградниками. Из собранного винограда изготавливали великолепные вина, которые парфяне, отмечая свои праздники и победы, пили из длинных изогнутых ритуальных кубков – ритонов, вырезанных местными умельцами из рогов горных козлов.

Ныне ритоны из Нисы, которые были найдены археологами после войны, в конце 1940-х, хранятся в Ашхабаде в Главном национальном музее и в Москве в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

В воскресенье Баки обычно приезжал в Ашхабад, в дом отца – уже известного в то время поэта, прозаика, драматурга, публициста, переводчика Берды Кербабаева. Баки радовался каждой такой возможности повидать отца, близких, хоть немного отдохнуть. Шёл второй год войны. Баки, как тогда говорили, ударно работал на трудовом фронте – в Багире.

Вести с фронтов, где сражались и земляки Баки, – сообщения по радио, в газетах, фронтовые письма, – были нерадостными. Незаметно пролетело лето, наступила осень – пора сбора урожая, урожай, который и на фронте, и в тылу столь необходим для грядущей Победы.

Однажды, когда Баки в очередной раз приехал домой, он вдруг услышал, как стучат в калитку. Он вышел. Возле их дома остановилась грузовая машина, у калитки – капитан и солдат.

– Баки Кербабаев?

– Да, это я.

– Садитесь в машину.

– Как это, садитесь?

– Мобилизация...

– Нет, не могу: я работаю. Даже если мобилизация, мне нужно сначала уволиться, трудовую книжку взять.

– Ничего не знаем, садитесь в машину, пока силу не применили.

– Одежду какую-нибудь взять?

– Да, идите, собирайтесь, но побыстрее.

У двоюродного брата Рахимкули, который как раз после тяжёлого ранения вернулся с фронта, Баки взял шинель – старую, рваную, но что же делать, если другой не было. Хотя времени на сборы были считанные минуты, он нашёл также в доме телогрейку, какую-то шапку, ботинки...

– Всё! – размышлял Баки. – Теперь в дорогу. Вот и он понадобился Родине, ему всё-таки доверили её защищать...

Баки забрался в кузов грузовика, помахал на прощание рукой близким, провожавшим у калитки.

– До свидания дом наш, семья, близкие, друзья! До свидания, отчий край!

Их отвезли на стадион, где был сборный пункт. Продержали здесь целый день. Только под вечер посадили в товарный вагон с трёхслойными нарами – помещайся, как знаешь. Баки впервые ехал далеко-далеко от родного очага. Вот жаль только, что с отцом не попрощался. Кербабаяев старший, который часто выезжал в командировки по республике, вновь был в отъезде.

Поэтому при мобилизации Баки он не напутствовал его в дорогу – на войну, Родину защищать.

– Свидимся ли с отцом? – с тревогой думал Баки.

Вот их воинский эшелон, который, то убыстряя, то замедляя ход, остановился в Чарджоу (ныне Туркменабат) – областном центре на востоке Туркмении.

Берды Кербабаяев, который в составе правительственной комиссии по заготовке хлопка ездил по хлопкосеющим районам республики, – так уж, видно, было угодно судьбе! – именно в эти дни находился в Чарджоу.

Из дома Берды Мурадовичу сообщили, что Баки взяли в армию, и он едет с воинским эшелоном в Россию на формирование части. Кербабаяев старший встретил эшелон вместе со своим другом – видным советским партийным деятелем Шаджа Батыровым, в то время секретарём ЦК КП(б) Туркмении по пропаганде и агитации. Поздоровались, повели Баки в свой вагон, который стоял на запасных путях. Только вошли, стали беседовать – тронулся эшелон Баки.

Отец так напутствовал сына:

– Баки, будь мужественным, постарайся не позорить имя туркмен. Родина дорожит жизнью...

Он дал ему в дорогу плов, масло, буханку хлеба, пачку «Казбека»... Баки, наскоро прощаясь и благодаря, побежал. Еле догнал эшелон.

Так закончилась мирная жизнь, и началась суровая жизнь солдата.

Эшелон был в пути месяц. И вот их высадили в Люберцах Московской области. Всех прибывших разместили в пятиэтажном доме, где не было ни окон, ни дверей, только крыша. 6 ноября, накануне праздника, их пропустили через «жарилку», одежду прожарили: вши у всех были не только на бровях, но и на ресницах. Потом они в бане помылись.

Утром 7 ноября, в двадцать пятую годовщину Октябрьской революции, будущих солдат выстроили.

– С праздником, товарищи! – обратился к ним генерал.

По дороге к их эшелону цепляли и цепляли вагоны. Прибывших было очень много. Строй состоял из призывников Средней Азии: туркмен, узбеков, киргизов, таджиков, казахов...

Генерал спрашивает:

– Кто хорошо знает русский язык?

Баки откликнулся первым:

– Я, Кербабаяев из Туркмении. Я знаю.

Генерал приказал выйти из строя и подойти к нему:

– Хорошо. Я буду говорить, а вы переводите.

Баки перевёл его выступление – большую часть по-туркменски, добавляя какие-то знакомые слова из узбекского, казахского ...

Потом генерал ему говорит:

– Вы будете моим адъютантом. Вы зачислены в парашютно-десантный полк.

Вот письмо домой, которое Баки написал в тот праздничный день:

«Шлю свой горячий привет отцу, матери, старшим и младшим братьям и сёстрам и другим родственникам!

Мы 26 октября прибыли в город Люберцы Московской области. Москва – в 20-ти километрах от нас. Отправил вам телеграмму о том, что прибыл сюда. И вот сейчас нахожусь здесь, жив и здоров. Прошли комиссию. Не попал в парашютно-десантную команду. Теперь ждём прохождения остальных комиссий, после чего нас отправят по местам. Сегодня праздник 7-го ноября. Мы от холода сидим в помещениях. Сейчас на улице идёт снег. Здесь очень холодно. Температура: мороз – 10-20 градусов. Не переживайте за меня. Здоровье нормальное, настроение отличное, жив-здоров. Недостатков не испытываю.

Как вы провели праздник? Дети живы и здоровы?

Я и сейчас не могу дать вам свой адрес. Так как скоро будем переселяться. Как поселимся в определённом месте, напишу.

Всем привет, кто спросит меня. Больше и нечего писать.

Целую всех. Баки.

Гор. Люберцы, Московская область, село Дзержинское, п/я 54 (этот адрес временный и то не полный... и номер части не знаю)».

Всех, кто не прошёл комиссию, отправили эшелоном в Горький, затем строем в Гороховецкие лагеря. Из них должны были готовить маршевые роты. Поселили в землянке. Сразу же начались занятия – по стрельбе, тактике... Продержали до Нового года. Потом всех знакомых, кто был из их эшелона, на фронт отправили, а Баки оставили.

– Будете готовить маршевые роты.

Баки обучал группы по 60-80 человек. Каждые 10 дней готовые маршевые роты отправляли на фронт. Вот отправили одну, вторую, третью маршевые роты... Перед тем, как отправить очередную маршевую роту, солдатам говорили:

– Вы всё своё гражданское соберите в узел, адрес напишите, а мы отправим домой вашу одежду.

Каждый старается, аккуратно завязывает, адрес пишет. Когда они уезжали, сержанты, старшины, которые готовили маршевые роты, вспарывали узлы ножом, начинали перебирать содержимое: это – пойдёт, а это – не пойдёт...

И вот то, что «пойдёт», они грузили в машину и ехали в Горький. Продав, покупали колбасы, мяса, выпивку... Один-два дня между прибытием новобранцев для подготовки маршевых рот землянки в лагере пустовали. И вот в одной из них начиналась беспорядочная пьянка. О пьянках Баки знал, но не участвовал в них. А вот узлы... Когда кто-то спяну сболтнул ему, на какие

деньги пьют сержанты и старшины, это Баки возмутило: война, гибнут люди, а тут такое безобразие...

Он отправился к капитану, заместителю командира полка по политчасти, чтобы рассказать ему, что делают его подчинённые. Встретил его по дороге в штабную землянку:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Разрешите обратиться!

– Слушаю. В чём дело?

Баки рассказал ему про мародёрство, обманутых людей, одежду которых не отправили домой, постоянные пьянки в лагере.

Капитан выслушал рассеянно, потом говорит:

– А вам разве не дают ничего?

– А что мне должны дать?

– Я скажу, чтоб вас не обделяли.

– Мне ничего этого не надо.

Знал, оказывается, он обо всём, прекрасно знал, потакал мародёрам. Не возмутимо посмотрев на Баки, капитан спросил:

– В училище хотите?

– Да.

В этот же вечер Баки отправили с эшелонам в Суздаль, где находилось Винницкое военно-пехотное училище.

25 апреля 1943 года он писал домой в Ашхабад:

«Шлю свой горячий привет!

Я здесь жив и здоров, учусь. Вчера завершили первую часть обучения. Все зачёты сдал с оценками «отлично» и «хорошо». Ещё осталась вторая часть учёбы. Наверное, учёбу завершим в августе месяце.

Сегодня перешли на летнюю форму одежды. Выдали новые мундиры. Погода потеплела, деревья начали почковать, но часто погода дождливая бывает.

Отец! Если есть возможность, отправьте мне небольшую посылку. Так как во время учёбы в классе приходится записывать даваемые уроки, а тетрадей нет. И ещё 5-6 штук носовых платков, воротнички, пару пачек сигарет. Если посылку не примут, то отправьте небольшую сумму денег. Здесь вещи дорогие, но найти можно. Больше никаких недостатков не испытываю. Жив и здоров.

<...> Каждое воскресенье нам дают день отдыха. Сегодня прошли трёх-часовую строевую подготовку в рамках подготовки к празднику 1-го мая. Теперь до вечера свободен.

Как дети, все живы и здоровы? Кто из них учится хорошо? Детям напишу. А пока до свидания.

Мой адрес пишите так: Ивановская область, г. Суздаль, ВВПУ (часть), подразделение 116/е.

Пока. До скорой встречи. Передайте привет всем. Целую всех. Ваш Баки».

Среди военных писем Баки домой сохранилось и такое письмо от 10 июня 1943 года:

«Привет из города Суздаля!

Я здесь жив и здоров. Вчера 9.06 получил вашу телеграмму с текстом о том, что отправили мне посылку. Также получил квитанцию о переводе денежных средств. Завтра или послезавтра, наверное, получу эти деньги.

Подписался на 600 руб. в первый оборонный заем, всего из нашего взвода 30 человек подписались на 18.000 руб.

Учёба идёт хорошо. Погода здесь не жаркая, каждые 3-4 дня идут дожди, так что можно учиться с вдохновением.

С начала июня нас стали кормить ещё лучше. Каждый день дают по 30 гр. сливочного масла, 50 гр. сахара, недостатков не испытываю.

Как вы живёте? Как дети проводят каникулы? Все живы-здоровы?

Больше и нечего писать. Всем знакомым привет от меня.

Пока. Целую всех. Ваш Баки.

Суздаль часть 111 ж/др. и/в.

Папа! Только что поступила квитанция Вашей посылки. Завтра получу. Будьте здоровы. Баки».

И вот выпускников училища отправляют на фронт. А Баки снова нет в списке. Он спрашивает:

– В чём дело?

– Узнайте у командира.

Смотрит, как раз идёт полковник, начальник училища.

Баки браво вытянулся, отдал честь:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться!

– Слушаю вас.

– Почему-то меня в списке нет?!

– Мы оставляем вас в училище, будете готовить курсантов.

– Я хочу со своими товарищами на фронт.

– Вы нужны нам здесь, но... Раз вы сами рвётесь в бой – отправим, сегодня же отправим.

23 августа 1943 года советские войска разгромили гитлеровцев на Курской дуге. Но потери наши были немалыми. Командование, поддерживая контрнаступление, подтягивало новые и новые резервы.

Вот в это время и попал на фронт, на 1-й Украинский фронт Баки Кербабаев. Его направили служить в 6-ю роту 272-го Гвардейского миномётного полка 3-ей танковой армии маршала Рыбалко. В их полку были тяжёлые 120-ти мм миномёты.

Тактика была такой. Ночью полк выдвигался на огневую позицию. На следующий день или через день в 6 часов утра артподготовка. Каждый ствол должен выпустить огромное количество снарядов, чтобы на каждый квадратный метр противника упал снаряд. Это километров 5-6 длиной и в глубину, наверное, километров 5-6. Иногда даже стволы накалялись докрасна после такой артподготовки. Солдаты думали, что там, у немцев, и живых-то не остаётся. А когда уже наступали, то видели – живые там всё-таки остаются и фанатично сопротивляются.

В сентябре 1943-го им предстояло форсировать Днепр.

– Быстрее, быстрее! – звучали команды.
– Но как? – думал, как и его товарищи, Баки.

Проявляй смекалку, солдат: плавсредств-то никаких. Бойцы и сами находили лодки, и партизаны доставляли лодки, плоты. В общем, кто что найдёт.

Переправлялись с правого на левый, всхолмлённый берег под непрерывной бомбёжкой и стрельбой. В каждую лодку при норме 10 человек по 30 садилось. Лодки еле плывут, от воды отделяет тонкая кромка, примерно в два пальца. Некоторые лодки тонут. Много погибших. Среди форсировавших Днепр был и Баки.

Фашисты стреляли и стреляли с крутого берега из автоматов. Но наши бойцы наступали и всё же заняли село Григоровку, что недалеко от города Канева. В домах убитые немцы. Село пустовало. Жителей фашисты, видимо, всех расстреляли.

28 сентября 1943 года Баки писал домой:

«Шлю свой горячий привет всем. Я жив и здоров. С 20-го числа месяца расположились около реки Днепр. Немцы находятся на нижней (западной) части реки. Потихоньку наши войска переходят реку, уже заняли три селения на том берегу. Я тоже был три дня на западном берегу реки. Реку переходить очень трудно, всего 5-6 лодок в наличии. Я в составе миномётного полка. Сейчас идут перестрелки с обеих сторон реки.

Я жив-здоров. Недостатков не испытываю. Не ругайте меня за то, что не пишу письма, так как времени даже нет на это. Когда будет свободное время – напишу.

Привет от меня всем.

Мой адрес: полевая почта 77644, литер “Л”».

В селе Григоровка Баки первый раз увидел фашиста. Открывает дверь в один из домов – выстрел. Трассирующий. Пуля чуть не попала в Баки. Заходит он в дом – видит раненый немец лежит с винтовкой. Видимо, ему её дал кто-то из отступающих фашистов, чтобы он мог ещё одного врага убить. Устроено всё было так – только нажать осталось. Вот он и нажал.

Баки подходит к нему.

– Фриц, скажи: «Гитлер капут!»

– Сталин капут!

Лежит раненый и видит, что на него пистолет направлен, но всё равно говорит:

– Сталин капут!

Баки ему:

– Сюда (и показывает на висок).

А он отрицательно мотает головой, показывает рукой на сердце.

Баки в последний раз ему:

– Гитлер капут!

Тот:

– Сталин капут!

Баки выстрелил ему в сердце.

Наши части закрепились на левом берегу, а вот походную кухню отправить через Днепр не получается – топят немцы. Они, наверное, неделю голодали.

Однажды кто-то сказал:

– Братцы! Вон там, на холме сверху, – картошка...

Ночью пошли с вещмешком и сапёрной лопатой – накопили. Принесли картошку, а воды-то нет. Вызывались команды по три добровольца на Днепр идти за водой – двое возвращались, одного убьют. В общем, набрали воды, сварили картошку немытую, без соли. На двоих ведро. А воду после варки товарищи просили себе:

– Не выливайте, мы тоже сварим...

Уже в мирное время Баки Кербабаев рассказывал близким:

– Это самое трудное время было в войну.

– Но ведь выжили?!

– Да, выжили, но вот картошки, – улыбался Баки Бердыевич, – я на всю жизнь наелся.

И после некоторой паузы добавлял:

– Такая непростая ситуация, как на Днепре, у нас случилась единожды, а в дальнейшем всё время снабжение армии было очень хорошее. Кормили обязательно два раза в день – хорошо, сытно.

Днепр форсировали – их корпусу дали почётное звание «Киевского»: 6-й Гвардейский Киевский танковый корпус 3-ей армии.

Однажды, когда их корпус обошёл Киев и двигался в сторону города Фастова, последовала команда:

– Все орудия в лес.

Б.Б. Кербаев с однополчанами. 1944.

С востока огромная пыль, шум. Минут через 30 – 8 немецких танков вдоль леса на запад идут. 7 танков прошли. Экипаж восьмого увидел, видимо, машину полка, в котором служил Баки. Выстрелил, сжёг её. Но немцы испугались, что их танк один остаётся – дали дёру.

А с востока – пылица ещё больше.

Командир полка говорит:

– Не шевелиться, не двигаться! По команде «В атаку!» – ура, вперёд!

Смотрят бойцы: идут лошади, тащат что-то. Впереди – тяжёлая артиллерия: специальные пушки для разрушения городов. Причём каждую пушку тащат шесть лошадей орловской породы, шею не обхватишь. За пушками – обоз. Около ста повозок. И везде немцы сидят с ружьями, автоматами.

Командир полка командует:

– В атаку! Ура!

И все:

– Ура!

Немцы были ошарашены. Полк разбил их полностью. Командиру за этот бой дали Героя Советского Союза.

Фастов 3-я Гвардейская танковая армия брала три дня – пока пехота не подросла. Пехота этой армии – 22-я моторизованная бригада – всегда должна была быть впереди. Но, когда брали город, пехота отстала где-то.

В Фастове стрельба то с запада, то с востока, то с юга... Ох, как не просто было Баки и его товарищам поворачивать свои тяжёлые миномёты, подносить снаряды, каждый из которых весил 50 килограммов.

После Фастова были Бердичев, Казатин...

17 января 1944 года Баки пишет домой:

«Здравствуйте, родные!

Шлю свой горячий привет из гор. Бердичева. Вчера получил ваше письмо от 6.12.43 г. Очень рад узнать, что все живы и здоровы.

Папа! С 10.1. мы ушли с передовой на некоторое время для отдыха. Через два дня расположились в одном селе вблизи города Бердичева.

Я жив и здоров, живу хорошо, всего хватает.

Папа! опишу Вам эпизод, из которого вы узнаете о ходе войны.

24 декабря мы начали общее наступление. Гитлеровские сволочи бегут, оставляя за собой многочисленную технику, убитых и раненых солдат. Гнали врага, не давая ему покоя нигде. Отодвинули их, по меньшей мере, на 120-150 км на запад. Сейчас

Б.Б. Кербабаев на фронте. 1944.

враг пытается крепко удерживать каждое селение. Например, селение Бураки они атаковали 5 раз, с 30-40 танками. Но они не смогли сломить сопротивление наших войск. И все пять раз они убежали назад, неся большие потери, после чего немцы начали наступление с 60 самолётами. И в этот раз они не смогли добиться успеха и вечером удрали из села. В этом сражении наша батарея нанесла крупные потери врагу. Уничтожили, по меньшей мере, 250-300 немецких сволочей. После этого сражения 15 человек из нашей батареи представили к награде орденами. Среди этих 15-ти и я. Это моя третья награда. Орден «Красной звезды» получил 11 декабря. Уже вышел приказ о награждении медалью «За отвагу» – получу его, как привезут медали. Так что, после небольшой передышки опять пойдём бить гитлеровских ублютков. С новыми силами будем бить их ещё крепче.

<...> Итак, наш славный путь продлился из Сумской области, с форсированием Днепра, взятием Киева, городов Фастова, Бердичева, Житомира – до Винницкой области. После передышки нам предстоит ещё большой славный путь от Винницы до Берлина. Эти строки просили написать Вам мои друзья.

Да! Ещё Вы спрашиваете, вступил ли я в ряды партии, меня приняли в кандидаты <...>».

В районе Казатина миномётчикам пришлось первый раз отступить.

Командир дивизиона говорит:

– Отбой на колёсах!

Это значит: сматывайся быстро.

Только они прицепили орудия к машине – приезжает в дрезину пьяный начальник штаба. После нецензурной брани последовала его команда:

– Занять оборону!

Миномётчики укрылись за сараем. Баки говорит своим:

– Вырыйте быстро траншею, а я – на разведку.

Он нашёл укромное место у дороги, стал наблюдать. Вдруг в дымке вечера Баки увидел три танка. Они остановились прямо перед ним. Он выскочил на дорогу, кулаком по среднему танку стучит.

– Сволочи! Немцы наступают, а вы отступаете...

Из заднего танка – ракетница. Баки на мгновение окаменел. Только сейчас увидел, что стучал по танку с крестом. Он сразу опрокинулся в кювет, затих как убитый. Потом, когда опасность вроде бы миновала, Баки пополз туда, где оставил своих за сараем, но там никого уже нет. Баки снова назад, к дороге. И тут никого нет. Немецкие танки ушли, теперь они стреляли где-то далеко отсюда. Баки увидел, что рядом с ним кто-то лежит. Это был наш офицер из какой-то соседней части. Он сказал:

– Нужно пробираться к своим. Поднимайтесь, побежали.

Они побежали. Раз 5-6 падали. Бежали и вновь падали... И вдруг офицер не встаёт. Баки увидел, что он убит.

Баки один выбежал на шоссе. «Катюша» идёт. Он догнал её, ухватился, но услышал окрик солдата:

– Немедленно отойдите, а то стрелять буду! Без разговоров.

Он подчинился. Следовал за «Катюшей» на расстоянии. Ночью он прилёг передохнуть. Утром открывает глаза, смотрит – наша походная кухня.

С особым волнением Баки Кербабаев вспоминал несколько последних дней войны, когда их полк участвовал в штурме Берлина. У него есть медаль «За взятие Берлина».

24 апреля 1945 года после артподготовки они двинулись в направлении Берлина по автостраде Бреславль – Берлин. Автострада очень широкая: в шесть рядов танки шли. В Берлин они зашли с западной стороны и на восток прошли по городу.

Бои в Берлине были особенные. Наши танки там фаустпатронами жгли. И кто жёт – оголтелый молодняк, который призвали в армию в самом конце войны. С таких пленных парней бойцы из полка Баки снимали ремни, потом по заднице ремнём раза два их огревали и отпускали. Ничего не делали с ними.

29 апреля под вечер Баки ранило, он попал под миномётный обстрел. Первое, что он почувствовал: его лицо заливается кровью. Ощупал лицо – там маленький осколочек, вытянул его – кровотечение прекратилось. Баки хотел встать, но обе ноги, как оказалось, были ранены. Особенно сильные боли были в левой ноге, мучившие его затем на протяжении нескольких месяцев. Баки заполз в какую-то землянку. Там же очутились два солдата. Он попросил их перевязать его. У них был один пакет и у Баки один. В общем, перевязали они ему ноги. Потом говорят:

– Извините, мы должны идти.

Баки остался один в землянке. Думает, что же делать?! Вдруг слышит голос лейтенанта пятой батареи, который искал разрыв связи.

Баки позвал на помощь:

– Помогите, здесь я, Кербабаев, из шестой батареи, ранен.

Лейтенант заглянул в землянку:

– Вы сильно ранены? Идти не можете? Потерпите немного: сейчас найдём обрыв связи, соединимся и сообщим вашим.

Через минут двадцать-тридцать пришли санитары с носилками. Они перенесли Баки на огневую позицию – туда, где батареи стояли. Утром на машине его отвезли в полевой госпиталь. Товарищи навещали его, спрашивали, чем помочь.

Всех раненых из полевого госпиталя вскоре отправили специальным эшеленом на Родину.

Однажды на какой-то станции в вагон, где находился Баки, забежала медсестра.

– Товарищи! Война кончилась! Поздравляю!

Но раненые не поверили этой девушке со срывающимся от волнения голосом и слезами на глазах. Стрельбу за окнами вагона по случаю Победы они приняли за оборону от вновь напавших врагов. В мыслях все раненые уже видели себя дома. И вдруг – снова стрельба... Им было страшно, они нервничали: ведь в вагоне находились только лежащие раненые, прикованные к постели.

Конечная остановка – Львов.

В госпитале к постели Баки подошла медсестра.

– Куда и кому телеграмму отправлять?

– Запишите адрес и текст: «Ашхабад, Кербабаеву. Легко ранен обе ноги».

И добавил:

– Только напишите обязательно номер госпиталя.

Медсестра возразила:

– Не надо писать номер госпиталя, потому что он внизу, в телеграмме, будет.

Баки настаивал:

– Нет, обязательно надо писать.

А боли в левой ноге тревожили Баки постоянно. Однажды при обходе палат он попросил профессора:

– Ампутируйте мне ногу: сильнейшие боли, не могу больше терпеть, измучился.

Но хирург только улыбнулся.

– Успокойтесь и потерпите ещё немного: вы же солдат! Прошло то время, когда для спасения человека мы ампутировали конечности. Теперь мы будем вас лечить и поставим на ноги.

Когда Баки лежал на операционном столе, ему сделали укол в ногу, но от боли он стонал. Тогда ему ещё сделали уколы какие-то. Через полчаса или час Баки всё равно не мог вытерпеть боли, крикнул.

– Профессор! Я не могу больше терпеть.

Видимо, был поражён и нерв на берцовой кости.

Профессор вновь успокаивает:

– Потерпите ещё минуту, и всё закончим.

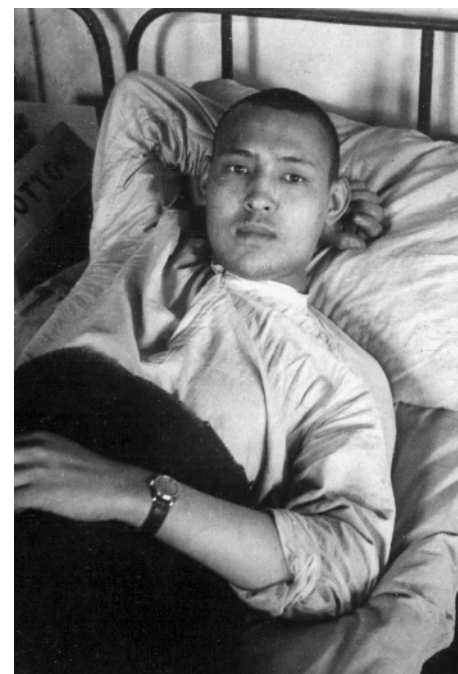
Сколько же длилась эта «минута»! Но Баки вытерпел.

Во время операции он всё время сестру держал за большой палец. А уж под конец она крикнула:

– Вы мне палец совсем поломали!

Операция прошла успешно.

Родные в Ашхабаде получили телеграмму Баки, из которой узнали, что он в госпитале. Берды Мурадович Кербабаев был в это время Москве. Ему сообщили, и он прилетел во Львов. Искал Баки сутки по разным госпиталям:

Б.Б. Кербабаев в госпитале. Львов. 1945.

номер его госпиталя медсестра так и не написала. Кербабаев старший даже подумал, что и с названием города на телеграфе напутали: может, не Львов, а Льгов... Начал звонить туда. В общем, на утро нашёл всё-таки нужный госпиталь во Львове.

Когда Берды Мурадович вошёл в палату, сын не поверил своим глазам: принял это за наваждение. Но вот Баки увидел стекающие по щекам гостя слёзы. И он окончательно поверил в чудо: да, перед ним был отец...

– Здравствуй, папа! Не плачь! Ты же видишь: целый, здоровый. Ранение... лёгкое.

Вдруг отец увидел у сына бутылки с водкой. Брови его нахмурились, на шею запульсировал нерв.

– А это что?! Пьёшь...

Баки, смуглый Баки покраснел. Он понял состояние отца.

– Папа! Из-за сильных болей профессор разрешил мне такой метод ухода от проблем: частое употребление морфия, мол, приводит к привыканию, делает человека морфинистом. А водка... я её по чуть-чуть. Мне уже операцию сделали, сказали, что обязательно поставят меня на ноги.

– Деньги-то на водку откуда?

– Когда меня доставили после ранения в полевой госпиталь в Германии, однополчане дали мне часов штук пять-шесть. Говорят, пригодятся. Они и пригодились теперь. Часы мне меняют или продают, а на эти деньги покупают водку.

Он серьёзно посмотрел на отца.

– Папа, даю слово, что никогда не опозорю тебя, став пьяницей или наркоманом.

И слово своё Баки сдержал. Спустя годы, как и многие фронтовики, и он поднимал рюмку со всеми за праздничным столом. Но никогда не переусердствовал. У Баки Бердыевича была норма, после чего он переходил к чаю.

Отец и сын всегда были очень близки между собой. Очень любили друг друга. Выносить свои чувства на показ было не свойственно мужчинам их рода. Но теперь, после долгой разлуки, отец и сын тепло попрощались.

*Б.М. Кербабаев в госпитале у сына.
Львов. 1945.*

На следующий день после приезда отца Баки навестила в госпитале украинская поэтесса, публицист Агата Турчинская. В 1942 году она приехала в Ашхабад в эвакуацию с группой писателей из Москвы, Ленинграда, городов Украины... Агата Турчинская с благодарностью вспоминала внимание и заботу, которыми тогда, в войну, окружил их, литераторов из разных республик Советского Союза, председатель Союза писателей Туркмении Берды Мурадович Кербабаев. В её большой, подвальной статье, которая была

опубликована вскоре в одной из львовских газет, она рассказала, что в госпитале здесь лежит после ранения активный участник освобождения Львова, сын известного туркменского писателя Берды Кербабаева.

Баки даже и не помнил, как они брали Львов. Их армия танковая, поэтому она в города редко заходила, применяла обходной маневр. Окружали какой-то город, а потом уже брали его. Вот таким образом они и Львов брали.

Баки очень обрадовался, когда появилась статья Агаты Турчинской. Так она поддержала его в госпитале.

Через 10-12 дней после первой операции Баки снова положили на операционный стол, сняли швы. Профессор, а он был в звании полковника, командовал:

– Вокруг стола три круга, шагом марш!

А Баки не только три круга, шагать ещё не мог: левая нога у него была на 14 сантиметров короче правой. Но с огромным трудом Баки всё же прошагал один круг вокруг стола.

После этого профессор осмотрел ногу и сказал:

– Это – одна из лучших моих операций. Через шесть месяцев вы будете ходить не только без костылей, но и без клюшки.

Так и случилось. Через полгода Баки действительно уже ходил нормально.

Фото из семейного архива З.А. Кербабаевой.

ПОЭЗИЯ

Ине́сса Яши́новна Ильи́на – поэт, актриса, режиссёр. Родилась в Москве. Член МГО СПР. Окончила ГИТИС им. Луначарского. Дипломант конкурсов МГО СПР. Печаталась в журналах: «Москва», «Московский вестник»; альманахах: «Поэтическая Республика», «Московский Парнас»; в газетах: «Московский Литератор», «Поэтоград», «Литературные известия». Награждена дипломами имени С.А. Есенина, М.И. Цветаевой, медалями А.С. Грибоедова и «55 лет Московской городской организации Союза писателей России». Дипломант литературного конкурса «Неопалимая купина» в номинации «Поэзия» за подборку стихотворений «Неотвратимо падает звезда». Член СП XXI века, член творческого клуба «Московский Парнас».

Живёт в Москве.

Ине́сса ИЛЬИ́НА

Верую, Господи, верую!..

Мы убегаем в сказку
От бед и неурядиц,
Мы убегаем в сказку
От быта и от слёз,

Как маленькие гномы,
Как эльфы-скалолазы,
Мы убегаем в сказку,
Уходим в море грёз.

Когда наступит утро,
И с ним звезда погаснет,
И призрачные платья
С заблудших душ спадут,

Растает это Чудо –
Придуманное счастье,
Оставив лишь надежду,
Что вновь его вернут.

...И женщина ликующая шла.
У ног её, щенком послушным,
Играло море. Зеленела мгла.
Остаток дня был призрачным и душным.

Кончался август. Лето на исходе.
Чуть трепетали листья, словно тень.
Казалось, в засыпающей природе
Вдруг разлилась предгрозовая лень.

Она прошла – превыше всех желаний,
Превыше слов пустых и суеты,
Чудесной радугой воспоминаний,
Ожившим воплощением мечты.

Манит грибами последними осень,
Птицы в лесу не поют.
Стелется неба унылая просинь,
Лета прощальный приют.

Пахнет костёр можжевелевой стружкой,
Жарко поленья горят.
Вот бы сейчас сговориться с кукушкой –
Время отправить назад.

В тёплый июль, в вересковую чашу,
В блёстки медовой росы..
Но завершается день настоящий
Дождиком редким, косым.

Верую, Господи, верую!
В ясное солнце лучистое,
В вишню цветущую, белую,
В Деву Марию пречистую!

Верую в море лазурное,
В небо бездонное, синее,
В маково поле пурпурное,
В звёздные искорки иная,

Верую в жизнь бесконечную,
Верую в счастье безмерное,
Боже, в Любовь твою вечную
Верую! Верую! Верую!

Оккупанты

Старик ещё с утра чувствовал себя плохо. Глухо болело сердце. Прыгало давление. Бросало в испарину. Но он надеялся, что стоит пойти на улицу – подышать свежим воздухом – и станет легче. Так было неоднократно...

...Хотя, какой там свежий воздух! В лихие 90-е соседнюю небольшую тихую и незаметную столярную фабричку, по её банкротству, купила пивная фирма. Реконструировав и значительно расширив здание, она возвела высокий офис и написала на нём огромными буквами «Бочкарёв».

Русский бренд был прикрыт, т.к. фирма принадлежала к пивному спуту – пивоваренной нидерландской компании «Хейнекен» и руководствовалась только своим барышом. В Нидерландах экологические законы были строгие, и надо было строить мощные очистные сооружения, чтобы пивное производство разрешили. В России же и центральному правительству, и чиновникам на местах не было никакого дела до экологии и здоровья сограждан. Для этих мздоимцев было важно только одно – приток инвесторов в их регион. Любой ценой. Потому что в стране, забывшей, что такое производство, и жившей только на нефтяной игле, наполнять бюджет было всё труднее. Поэтому всем вредным производствам в Россию была открыта широкая дорога. Это сознавали владельцы таких производств, и они алчущим потоком хлынули в Россию.

Естественно, владельцам упомянутого пивного концерна было начхать и на законы России и на отравление воздуха всего микрорайона, где обосновалось щупальце этого пивного спута. В моменты выбросов этого завода в атмосферу, жители задыхались от приторно-сладковатого запаха разложения, которое издавало перебродившее пивное сусло. Этот вездесущий гнилостный запах проникал даже через оконные стеклопакеты, и от него нельзя было ни спрятаться, ни скрыться. Выручал только ветер. Он, периодически меняясь, накрывал этим отравляющим запахом

Матвей Игоревич Тукалевский – родился в 1941 г. Окончил три курса Бакинского высшего общевоинского командного училища. Учился на факультете журналистики. Ещё в армии стал сотрудничать с редакцией газеты Закавказского военного округа «Красное знамя». С тех пор – внештатный сотрудник ряда газет разного уровня от районной газеты, до газеты «Правда». Окончил Ленинградский финансовый техникум, потом Сыктывкарский университет... В 1992 г. в Москве тиражом в 10 000 экземпляров вышел первый сборник стихов и песен «Вуктыльские кедры». С 2007 г. пишет прозу. Готовится к изданию сборник прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

поочередно, то одну то другую сторону микрорайона, давая возможность его жителям дышать хоть поочередно.

Старик воевал с этой фирмой более 7-ми лет. По первому его заявлению Роспотребнадзор, сделав замеры, обнаружил, что очистные сооружения на пивзаводе древние, видимо, доставшиеся в наследство от предшественников – столяров и, практически, выбросы никак не очищают. Что содержание вредных веществ в выбросах этого монстра – их в ответе перечислялось с десяток – превышали допустимые Законом концентрации в сотни раз. Роспотребнадзор тогда оштрафовал пивзавод на 50 тысяч рублей и обязал администрацию ввести в строй нормальные очистные сооружения. Сумма штрафа, колоссальная для обыкновенного смертного, для пивзавода была блошиным укусом и вполне входила в накладные расходы.

Никакие очистные сооружения, естественно, завод вводить в строй и не собирался. Его владельцы хорошо были осведомлены о том, что для губернатора города их взносы в бюджет были гораздо важнее жизни каких-то там десятков тысяч жителей и не собирался тратить свои средства. Мало того, он сломал старые очистные, как бы в насмешку над правами человека в России и в качестве демонстрации своей силы и неуязвимости. После очередного заявления Старика в прокуратуру города, завод был вновь оштрафован. Тогда администрация его пошла в наступление на Старика.

Сын Старика здесь же в микрорайоне работал милицейским участковым. Друзья сына позвонили Старика и рассказали, что на сына оказывает давление его начальник из районного управления, подвергает его работу придирчивым проверкам и создаёт ему невыносимую обстановку, при этом намекает, что это связано с активной борьбой отца с пивзаводом.

Старик призвал сына и спросил у него, так ли это? Сын неохотно подтвердил сообщение и сказал, чтобы отец, дескать, не обращал внимания на всё это, чтобы делал то, что считает нужным. Сын был уважительным и любящим...

...Старик всю жизнь сражался с неправдой и несправедливостью. Он 25 лет отработал на Всесоюзной ударной стройке газопровода на Крайнем Севере. В период его работы там, секретарь райкома КПСС – царь и бог таёжного района – выведенный из себя критическими выступлениями Старика на партсобраниях и в прессе, желая выжить его из района, выдал «возмутителю спокойствия» «волчий билет» – в те времена распространённый способ борьбы номенклатуры с инакомыслящими. Иначе говоря, было дано строжайшее негласное указание всем руководителям района «ни в коем случае не брать критикана на работу». Ни его, ни его жену. Их моментально сократили со старой работы, а новую найти было немислимо.

Старик помнил, как он сидел в кабинете старого товарища, который вырос до руководителя предприятия и слушал его переговоры с инструктором райкома в отношении его трудоустройства. Товарищ специально включил громкую связь... Руководитель апеллировал, что ему надо выполнять план, а людей не хватает. Инструктор ответил: «За невыполнение плана – поругаем. За неуважение к мнению райкома – выгоним!»

Тогда Старика выручила газета «Правда»...

...Теперь, при капитализме, у рядового гражданина не осталось средств защиты своих прав. Всё покупалось и продавалось. Коррупция достигла таких высот, что перед нею пасовал даже Президент страны. Да и ухватили нынче Старика по сильнее. Одно дело самому получать «шишки», другое дело – подставлять под удар дорогих детей...

...Старик решил встретиться с подонком в мундире полковника милиции, от которого исходила угроза для сына и поговорить с ним «глаза в глаза». Встреча состоялась. Старый идеалист попытался пристыдить полковника. С одинаковым успехом он мог стыдить памятник! Подонки, сытый и довольный жизнью, раскормленный до того, что его тело вылезало из мундира, как квашня из кадки, нимало не смущаясь, доверительно сообщил Старику, что его попросил «уладить дело» его друг – полковник КГБ в отставке, возглавляющий службу безопасности на пивзаводе. И что Старик «должен понимать, что скоро и ему, полковнику, на пенсию и он тоже где-то будет работать»...

Время было такое, что оборотни в погонах и не скрывали своего второго лица...

Однако Старик всё-таки, продолжал свою борьбу, опираясь на содействие Роспотребнадзора. Тогда пивной спрут сделал «ход конём» – принял на баланс лабораторию Роспотребнадзора...

...После этого демарша все анализы Роспотребнадзорской лаборатории перестали показывать наличие отравляющих веществ в выбросах завода. Оно и понятно: «Кто за девочку платит, тот её и вальсирует!»

Всё! Возможности защиты своих прав, отпущенные ему буржуинскими законами, были Стариком исчерпаны.

Конечно, оставался суд. Прокуратура, в которую он обращался за содействием, регулярно адресовала его в суд, наподобие Пилата, «умывая руки» от его просьб о применении прокурорского реагирования. Не хотели прокурорские связываться со спрутом! Или уже получили за невмешательство свою мзду...

Старик прекрасно понимал, что ныне рядовому гражданину страны, тем паче, пенсионеру, обращаться в суд стало невозможно. Даже если бы какой-то старик Хоттабыч увеличил его пенсию десятикратно, то и тогда её вряд ли бы хватило на осатаневших от вседозволенности адвокатов, которые заламывали ныне немыслимые гонорары за своё участие в процессе, при этом, не давая никаких гарантий и не отвечая ни в малой степени за исход процесса.

Подстать адвокатам были и судейские. Суд, даже при благоприятном для заявителя исходе дела, возлагал на ответчика, в лучшем случае, только часть судебных издержек заявителя.

Старик представлял, что для убеждения судьи ему надо провести исследование выбросов завода независимой лабораторией. Но неподкупных лабораторий, очевидно, не осталось в России, да и сумасшедших деньжищ, за которые эти лаборатории могли сделать замеры, у него не было. Тех средств, что ему бросало «с барского плеча» чуждое ему капиталистическое государство, едва хватало на жизнь и не хватало даже на лечение и лекарства.

Тогда он дошёл до депутата Государственной думы, члена КПРФ, известной актрисы, прославившейся исполнением трагической роли героической девушки-солдата в популярном фильме. Эта кинематографическая героиня года полтора переписывалась со Стариком, обещая ему своё, депутатское, содействие. А через полтора года сообщила, что она помочь ему не может, т.к. она член другого Комитета, что ему надо обратиться в соответствующий Комитет Думы. При этом пожелала ему здоровья, даже не думая, как издевательски двусмысленно звучит её пожелание...

Что же касается «партийности» этой престарелой актрисы, выжавшей максимальную пользу из своей популярной трагической роли девочки-воина, то она вскоре сменила свою партийность, перейдя в другую фракцию... Как раньше меняла роли...

Старик принял всё это стойко. Он понимал, что при капиталистическом строе, который навязали его Стране, законы защищают только капиталистов. Понимал и то, что играть героиню в кино гораздо легче, чем быть героиней в жизни и реально защищать интересы и права народа этой страны от захватчиков, которые теперь были не в мышинных мундирах фашистов, а в дорогих костюмах. И захватывали его страну не при помощи танков и самолётов, а при помощи своей тугой мощны. И назывались они не нацистами, а инвесторами, хоть при этом и повадки, и психология, и их принципы мало чем отличали их от гитлеровских молодчиков.

Старик стал искать другие способы борьбы с пивным спрутом. Перед предстоящими выборами он обратил внимание на политическую активность и предвыборное красноречие другой политической актрисы, которая месяц разъезжала в Питере по всем митингам и встречам, грозила всем негодьям и обещала народу питерскому, что ежели её изберут в Думу опять, то она ещё активнее будет защищать интересы и права питерских своих земляков...

Он был неисправимым романтиком, этот Старик! И воспитан был при строе, который питал романтизм и питался от романтизма. И он написал этой политической актрисе. Она запросила у него все документы и ответы.

Он отослал.

Отвечать она перестала сразу после выборов...

...Открыв дверь на лоджию, Старик принюхался. То ли ветер гнал отравляющее облако в другую сторону, и другим старикам приходил черёд маяться и задыхаться, то ли клятый пивзавод сейчас не выбрасывал в воздух свои отравляющие испарения – воздух был чист. Старик засобирался на улицу...

...Во дворе дома Старика был когда-то огромный пустырь. Даже с футбольной площадкой, которую зимой дворники заливали водой, превращая в каток. Он любил гулять во дворе. Но сейчас вместо пустыря возвышались две 18-ти этажных жилых башни – губернатор города благоволила к строителям, разрешая им «уплотнительную застройку». Поощрённые одобрением губернатора, эти захватчики неумолимо поедали детские площадки, зелёные скверы и гаражные кооперативы. Остаток свободного места в городских дворах заплотнили автомашины новосёллов, да и владельцы, у которых отнял гаражи город, тоже ставили свои авто здесь же...

Поэтому Старик ходил прогуливаться дальше от дома на бывший пустырь напротив его дома, где стояла нововыстроенная церквушка. Сам пустырь огородили и разбили на аллеи, обещая здесь создать со временем парк. Вдоль аллеек стояли чахлые и засохшие саженцы, которые насадили строители новых домов как слабую компенсацию за срубленные ими тридцати – пятидесятилетние деревья. И всё же прогуливаться в этом парке было одно удовольствие!

Ежели бы не собаководы.

Владельцы собак тоже облюбовали этот молодой парк для выгула своих любимцев. В любое время дня и ночи там можно было застать собаколюбов. И Бог бы с ними, с собаками! Против них Старик, собственно, ничего не имел. Он даже, порой, сочувственно наблюдал за маленьким другом прогуливавшейся его хозяйки. Этот предмет генетических издевательств учёных, с тщедушным дрожащим от питерского холода тельцем, одетым в «человеческие» одежды, с перебирающими от холода лапками и с бусинками глаз, глядящих на огромных людей печально и испуганно, вызывал у Старика приступы

острой жалости. И чувство вины за эгоизм людей, которые безжалостно и грубо кромсая генетику своего первого друга – собаки под свои удобства и прихоти, превращали некоторые её особи из защитника человека и помощника в охоте в страдающее от своей незащитности и беспомощности существо.

Старик любил собак. Правда, ему больше всего нравились лайки. Эти преданные человеку существа, охотники по своему назначению, отлично приспособленные для жизни на суровом Севере, отважно идущие даже на медведя, вызывали его симпатию. Там, на Севере, и у него были четвероногие друзья. Сначала у него была лайка, а потом ему из питомника привезли щенка немецкой овчарки, и у него появился в доме великолепный преданный и надёжный Друг. И лайка, и овчарка нравились ему умом, безоглядной храбростью, самоотверженной преданностью и, в не меньшей мере, своим незлобивым характером и доброжелательством к людям. Вернувшись домой из своих Северов, Старик тосковал без Собаки, но считал, что в таком мегаполисе, как Питер, держать нормальную собаку, это обрекать её на мучения, и только поэтому не заводил.

Но Старик не любил собак, выведенных для агрессии и драк. Собак-убийц. Он считал, что эти собаки вовсе не друзья человека, а злобные, ненавидящие человека звери, которые только до поры до времени терпят человеческое верховодство. И тому находились подтверждения. Довольно часто СМИ приносили известия о том, что где-то бульдог загрыз ребёнка хозяев, или мастифф изувечил соседку, а питбультерьер загрыз самого хозяина. Ещё Старик считал, что характер собаки со временем приобретает схожесть с характером хозяина. Весьма распространённая гипотеза...

...В парке встречались и собаки этих пород. Некоторые хозяева таких псов вели себя прилично, думая об окружающих, их собаки были в намордниках и на крепких поводках. Но встречались и хозяева собак, как считал старик, психологические вампиры. Они специально отпускали своих ужасающего вида воспитанников свободно бегать по парку без поводка и без намордника. А когда прохожий испуганно столбенел от приближающейся огромной жуткого вида собаки, хозяин явно испытывал наслаждение и удовольствие. Которое можно сравнить только с удовольствием маньяка, расчленяющего свою жертву.

В доме Старика в соседнем подъезде жил такой «вампир» – хозяин огромного коричневого питбультерьера.

Этот хозяин пса был «лицом кавказской национальности», приехавшим из бывшей союзной республики Кавказа в Питер торговать. Он владел несколькими торговыми павильонами на близлежащем рынке. Был он самоуверен, нагл и пренебрежителен ко всем окружающим, но льстиво услужлив перед теми, от кого зависел сам. Выходя во двор, он сразу же отпускал своего четвероногого убийцу, и тот, тяжело косолапя и поигрывая стальными мускулами, нёсся как живая и злобная торпеда к ближайшим кустам.

Это существо справляло нужду, где попало: то прямо на асфальте дорожки, то на газоне у двери, то на детской площадке. Завидев рыскающего монстра, матери вполношенно подхватывали своих детей на руки и спешили с ними скрыться в подъезде, а старушки, сидящие на лавочках, испуганно поджимали под себя ноги и замолкали, настороженно наблюдая за собакой и, чувствуя как от испуга бешено колотятся их старые и больные сердца. Никто не осмеливался крикнуть хозяину, чтобы он убрал собаку, боясь своим криком и реакцией хозяина спровоцировать ужасную собаку на агрессию. Собака, к счастью для окружающих, вовсе не обращала внимания на них. Она

оббегала двор по своим собачьим делам, то и дело приносиваясь к каким-то привлекательным для неё запашным меткам.

Иногда Кавказец водил своего пса гулять в парк. Всё так же без поводка и намордника. В парке хозяин стоял и надменно поглядывал, как от его пса шарахаются люди, и это ему явно приносило удовлетворение. Возможно, у себя на родине он бы так не поступал. «Лица кавказской национальности», вообще-то, весьма уважительны к старикам. Но... у себя на Кавказе. Здесь же, в России, эти горцы все как на подбор наглы и хамоваты и усиленно демонстрируют окружающим своё презрение. Ведут они себя в Питере, да и во всей России, не как гости, уважающие хозяев, а как оккупанты. Из-за этого даже русские, в менталитете которых навечно записано доброе и радушное отношение к иноземцам, стали испытывать в последнее десятилетие к этим оккупантам всё большую неприязнь, порой выливающуюся в ненависть...

...Хозяин пса-убийцы тоже не относил питерцев к личностям, достойным его уважения. Он всех русских поголовно считал пьяницами и придурками, не умеющими жить, а их женщин – шлюхами. На него работало с десятков русских женщин, и он обращался с ними хуже, чем со скотом. Потому что ему не надо было думать о здравии этого двуногого скота, о его сытости и отдыхе. В любой момент он мог набрать новых взамен заболевших или просто не угодивших. Набрать из «резервной армии труда», которую, в точном соответствии с учением К. Маркса, первым делом создал Капитал в городе, который семь десятилетий не знал, что такое безработица...

Своих работниц он мордовал, как хотел, и тем некуда было идти за защитой. Он требовал от них не только рабского труда, но и, если ему взбрело в голову такая прихоть, их тела. Отказать ему в улажении его похотливости – означало быть уволенной.

И, если какая-то женщина, сохраняя своё человеческое достоинство, отказывала этому насильнику или другим каким манером заявляла о своих человеческих правах, он с руганью выкидывал её с работы. А за два десятилетия, прошедшие с похорон Советской народной власти, уже даже самые оголтелые оптимисты поняли, что окружающий их мир изменился и бедняку бороться за свои права с богачом, это, как метко сказал Солженицын, – «бодаться телёнку с дубом». Богатый откупится всегда и от всего, а бедный нигде и ни у кого не найдёт защиты. Мало того, останется виноватым...

...Старик с горечью наблюдал нынешнюю «справедливость», когда даже схваченный за руку высокопоставленный вор, почётно, с реверансами самого Президента, отправлялся на отдых и его следователи вызывали на допрос в качестве всего лишь свидетеля. Старик с горечью наблюдал по телевизору, как этот потерявший всякую совесть чиновник, въезжает на своём баснословной стоимости лимузине прямо на закрытую для простых смертных территорию Генпрокуратуры, а охранники, открывая ему шлагбаум, даже отдают честь.

Не обижена таким вниманием и многочисленная его воровская свита. Вроде на неё завели уйму уголовных дел и сообщили, что ими разворовано несколько миллиардов, да главную воровку, прикрываясь презумпцией невиновности, оставили дома, в шикарном её апартаментах, «под домашним арестом». И она, потерявшая чувство реальности и осторожности от многолетней своей неуязвимости, ещё требовала возмущённо прямо в камеру на всю страну, чтобы к ней не ограничивали доступ её челяди: персонального повара, парикмахера, массажиста, маникюрши...

Старик, слушая её возмущение по телевизору, тоскливо думал, что тот мир, на который он всю свою жизнь честно и самоотверженно трудился, умер. Что на смену ему пришёл мир жестокий, волчий, иноземный. Что всё поставлено с ног на голову. Что все добрые чувства обесценены, а недостойные позорные чувства возведены на престол. Что его страну захватили оккупанты и наводят в ней свой «новый порядок» – жестокий беспредел и безграничную власть денег.

Он с горечью вспоминал, что его соседа – инженера «оборонки», умнейшего и интеллигентнейшего человека, к сожалению, ныне вконец спившегося от сознания своей беспомощности и ненужности стране, моментально приезжие милиционеры заковали в наручники, и больше его во дворе так и не видели. Сын участковый рассказал Старика, что инженер пытался стащить в супермаркете бутылку водки на опохмелье, и ему дали два года тюрьмы. И хотя водка стоила 87 рублей, а не миллиард, у судьбы и мысли не возникло отпустить пьяницу до суда под домашний арест...

От этой безысходной несправедливости начинало болеть сердце, и Старик, от греха подальше, выключал телевизор и принимался пить свои лекарства, растирая левую часть груди, чтобы унять сердечную боль...

...Старик боялся гулять в то время, когда по двору рыскала ужасная псина Кавказца. И сейчас, выйдя из подъезда, он настороженно огляделся. Лишь убедившись, что зверя нигде не видать, помахал жене, стоящей у окна, и побрёл, ссутулившись, к парку.

В парке у него была любимая дорожка. Её сложили ещё лет пятьдесят назад, когда Советская власть выделила территорию для строительства гаражей КАС. Владельцы гаражей построили эту тропинку из списанных перевернутых бетонных коробов, чтобы удобно было ходить в КАС и в осень, и в зиму. Бетонная тропинка шла вдоль глухой стены старых гаражей. Гаражи доживали свои последние дни. Город давно уже не продлевал КАС аренду земельного участка, держа много лет всех членов КАС в подвешенном состоянии неуверенности в завтрашнем дне. Гаражи от сноса спасало, по-видимому, только то, что чиновники заламывали такие размеры взяток, что желающих выкупить эту землю пока не находилось...

...Старик поднялся на тропинку и медленно побрёл по ней, настороженно и подслеповато поглядывая в её перспективу – нет ли беспривязных псов. Он дошёл до конца дорожки и повернул обратно. И тут он увидел, как по дорожке ему навстречу несётся во весь опор тот самый соседский пёс-убийца, а невдалеке за ним виднеется медленно вышагивающий за псом его хозяин в добротной и дорогой заграничной дублёнке. Сердце Старика дёрнулось и остановилось. Ноги у него подкосились, и он неверными шагами, присев и придерживая рукой зашатавшуюся вдруг землю, сполз с бетонной тропинки в сугроб, освобождая зверю тропинку. Он сделал два неуверенных и шатких шага к глухой стене гаражей и облокотился на неё спиной. Ноги дрожали и не держали Старика. Он, пачкая свою куртку, медленно сполз на снег.

Собака подлетела к нему вплотную и впиалась в него своими кровавыми беспощадными глазами, оскалив ужасные клыки и, как бы раздумывая, броситься на него и разорвать, или нет.

Псина стояла от него так близко, что Старик даже чувствовал смрадное зловоние, исходящее из её пасти. Секунды старику показались часами...

Вальжной походкой подошёл Кавказец. Раскачиваясь с носков на пятки,

он равнодушным и презрительным взглядом окинул Старика, явно не собираясь ни взять собаку на поводок, ни даже просто отозвать её. Старик, еле выговаривая слова из-за жестокой боли в груди и слабости, прошептал:

– ...Собаку... собаку... уберите...

Ни один мускул не дрогнул на лице иноземца. Хоть он слова Старика, конечно, слышал. Здесь, в затишке у стены гаражей, было так тихо, что Старик даже слышал сиплое дыхание зверя, который по-прежнему настороженным взглядом налитых кровью глаз следил за каждым его движением.

Кавказец, продолжая равнодушно глядеть на Старика, выбросил окурок, смачно сплюнул себе под ноги и, выражая всем своим видом презрение и пренебрежение, повернулся и пошёл назад. Его пёс с некоторым раздумьем глянул ему вслед, потом перевёл на Старика свои налитые кровью злобные глаза и, неохотно вспрыгнув на тропинку, потрусил рысцой за хозяином...

...Сердце старика билось неровно, какими-то судорожными толчками, соразмерно которым вспыхивала и гасла острая боль в груди. Перед глазами плавали какие-то чёрные круги, и снег у ног Старика казался тоже тёмным. Сиплое дыхание вырывалось из его рта. Встать сил не было. Старик закрыл глаза и попытался, как учил его кардиолог, подумать о чём-то приятном. Но это было, фактически, невозможно. Ибо всё, сколь-нибудь приятное, находилось у Старика в том невозвратном далёко, которое мы называем «прошлым». В его настоящем не было ничего хорошего. Не видел его Старик и в ближайшем будущем своих детей.

Нелюди, иноземные и доморощенные, оккупировали его страну. Разворовали и присвоили себе её богатства и выжимали все соки из его Родины, из его детей и внуков, как мародёры, не гнушаясь и его нищенской пенсией, выхватывая её из его слабеющих рук в аптеках, в поликлиниках, в больницах. Они вселили в людей страх потери работы и страх перед завтрашним днём, который выедал их души, опустошал их, превращая в покорный рабочий скот, живущий только ради того, чтобы работать. Его дети не знали того радостного труда, который сопровождал всю жизнь Старика и его поколение. Они не знали того прекрасного чувства причастности и чувства хозяина своей страны, которое он испытывал с раннего детства с октябрятских времён...

Старик с горечью думал, что у выросшего на разрушении нового поколения не было и уже никогда в их жизни не будет заразительного романтизма строителей-добровольцев всенародных ударныхстроек. Они не признают и не понимают субботников, и в этом их можно понять. Если авто какого-то местного абрамовича размесило газон, уничтожив траву и снеся саженец посаженного ими деревца, откуда возьмётся желание у них восполнить этот урон, нанесённый денежным мешком?! Они не чувствуют себя хозяевами своего двора, улицы, города. Сделай замечание очередному богатею, что он заехал на детскую площадку, так он запросто может вытащить пистолет и выстрелить! Вон сколько людей поубивали эти подонки, разъезжая пьяными на своих джипах, с непреклонной уверенностью, что им всё позволено и что, в случае чего, они купят и продажного инспектора ГИБДД, и с потрохами суд. Люди, воспитанные двумя десятилетиями после «катостройки», сторонятся вообще всякого соучастия, чтоб «не попадать в историю».

Запад, замысливший наше порабощение, может праздновать свою пиррову победу: в россиянах всё меньше российского коллективизма и всё больше американского индивидуализма. Убивают соседа на лестничной площадке, никто и нос не высунет! И доживающие свой век последние бабушки, родом

из свободной и великой страны – СССР, сидящие грустно во дворах на лавочках, отучились теперь делать замечание подросткам, ломающим деревцо. Они знают, что ныне это чревато...

Да и думы их заняты более насущным: они думают о взбесившихся тарифах ЖКХ, о растущих, как раковая опухоль, ценах на продукты и медикаменты, о том, что их дети и внуки работают «на износ», не успевая отдыхать. О том, что они, их дети и внуки, невольно ждут их смерти, чтобы чуть вздохнуть от непомерных затрат и, отказавшись от аренды жилья, наконец-то зажить в собственных квартирах, освободившись от ушедших в Лету предков...

...Холод пробудил Старика от его полубессознательного состояния. Он прислушался к организму. Резкая боль в груди ушла. На её месте, как будто, зияла пустота, в которой не было ни боли, ни пульса, ни самого сердца. Зрение прояснилось, и Старик увидел, что стало смеркаться – зимний день в Северной Пальмире короток. Он попробовал встать, опираясь на стену гаражей. Со второй попытки это ему удалось. С трудом выбравшись из сугроба на тропку, он медленно, с остановками, пошёл домой...

...Дома он разделся, успокоительно ответил на тревожный возглас жены и побрёл в свою комнату, отказавшись от еды. Он устало прилёг на кровать, и горькие мысли опять накинудись на него как стая голодных шакалов, не давая ему задремать. Тогда он, кряхтя, встал, накапал себе двойную дозу успокоительного и опять лёг.

Мысли медленно оставляли его голову. Кольнула привычная боль за свою многострадальную Родину, превращённую в великую державу ценой великих народных жертв и самоотверженным трудом нескольких поколений его народа. Державу, занимающую ещё недавно 1/6 часть суши, и которую чиновники, стремясь к ещё большей вольности и вседозволенности, безжалостно «по живому» разорвали на лоскутное одеяло «самостийных» государств.

Что «пятая колонна», которую так и не смог создать Гитлер и которую радостно создали бывшие секретари ЦК, секретари райкомов, обкомов, крайкомов КПСС, воткнула-таки нож в спину Родине. Он вспомнил провидческие слова В. Ленина о том, что если что и погубит Советскую власть, то чиновники-бюрократы, и отметил, как бы споря с сонмом нанятых русофобами журналистов и прочих продажных глашатаев, что человек по имени Владимир Ульянов был-таки и гениален, и дальновиден...

...Мысли его стали туманиться и путаться. Он ещё подумал, что если рыбу вытащили из её привычной стихии, то лучшее из благ, это её быстрая смерть. Вот и он, вытасченный стаей голодных вечно шакалов из привычной среды, в которой он и радостно жил, и радостно на совесть трудился, и которой был предан до мозга костей, с облегчением встретит свою смерть. Жаль только старое сердце жены – для неё это будет очередным ударом.

Она была всегда его верным соратником и делила с ним на протяжении пяти десятков лет не только все радости и невзгоды, но и его политические убеждения. И ей тоже невыносимо жить в этом мире, который уничтожил все их моральные ценности и забрал жизни десятков миллионов их единомышленников и однополчан и продолжает, в точном соответствии с доктриной США, уничтожать россиян по миллиону в год.

«Если нет сил противодействовать оккупации своей страны, тогда надо хоть честным умереть!» – подумал Старик, и сознание покинуло его, окутав мозг спасительным безвременьем и тьмой, в которой не было места ни горьким мыслям, ни отчаянию, ни сердечной боли...

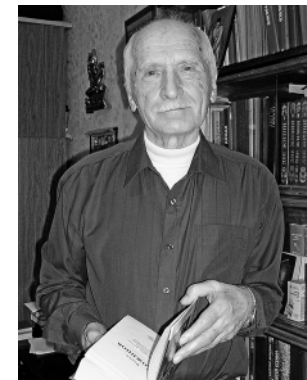

ПРОЗА

Юрий КЛЮЧНИКОВ

Юрий Михайлович Ключников – известный российский поэт, публицист, философ, путешественник, общественный деятель, автор 12 книг стихов, прозы и публицистики, член-корреспондент Петровской Академии наук, член Союза писателей и Союза журналистов России. Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН.

Живёт в Москве.

Аз есмь...

Мы знаем, что любые перемены
осядут илом в жизненной реке.
Но красота рождается из пены
и оседает в песенной строке.
Она не миф, не фраза эрудита,
не статуя былого естества –
возникшая из пены Афродита,
до сей поры в поэзии жива.
Дитя воды Кастальской и мечты,
храни себя, храни, душа поэта!
Быть может, осквернённая планета
твоей спасётся струйкой красоты.

Созвучие

Не плачу, не жалею, не зову,
мир уходящий всё равно вернётся,
ты снова упадёшь в его траву,
глотнёшь воды из милого колодца.
Но прав поэт, родная красота
в грядущей жизни поменяет лики.
Трава, зазеленеет, да не та,
мелькнут в воде совсем иные блики.
Есть в каждой нашей встрече древний зов
и тонкая печаль неузнаванья.

В нас это просыпается без слов,
 всю суть твою пронзив до основанья,
 когда, склоняясь к дорогим губам,
 почувешь жар Божественного гнева
 и то, что ты – обманутый Адам,
 которого нашла в капусте Ева.
 И приходя на землю каждый раз
 из тишины, что спрятана за кадром,
 соединяешь вечный праздник глаз
 с есенинским прощаньем незакатным.

Борис Пастернак

Я в нём ещё подростком полюбил
 особицу лирического брасса
 и то, как из взбаламученных глубин
 он к простоте неслыханной добрался.
 Над странной тишиной его стола
 вождя висела грамота охранная.
 Потом была всеобщая хула
 на них двоих – поэта и тирана.
 Он избегал шумихи всех эпох,
 всех направлений, партий и позиций...
 И наконец ему позволил Бог
 в желанное забвенье погрузиться.
 Теперь он русской вечностью храним,
 как и мечтал. Продлим его сиротство
 и преклоним колени перед ним
 за редкую удачу донкихотства.

У цветов недолгое дыхание,
 без полива нет цветенья роз.
 Охрани любовь от высыхания,
 от житейских неизбежных гроз.
 Всё приемли, что судьбой обещано,
 всё отдай, чтоб сохранить тепло.
 Ты каков, такая рядом женщина,
 помело твоё или крыло

Старому другу-поэту

Тебя чарует нежная росинка,
 ты славилшь мир любви и тишины,
 ты вторишь Достоевскому – слезинка
 дороже нам кровавых рек войны.
 Не хочется, да и не нужно спорить,
 но если сверить с вечностью часы,
 то светлая михайловская Сороть –
 подруга чернореченской грозы.
 Загадки жизни – не мораль из басни,
 судьба певца – не сладкий благовест.
 Он и конец приемлет, словно праздник,
 идёт без приглашения на крест.
 Всё освещает подлинная лира,
 всё осветляет русская роса:
 и гром войны, и тихий шелест мира,
 когда их посылают Небеса.

Сибирское море

Есть Чёрное море, есть Белое море,
 иные известны морские чины.
 А есть на степном солонцовом просторе
 сибирское море, зовётся «Чаны».
 Названье по чину – котёл мелководный,
 на кромке – ондатра, чуть ниже – карась.
 Камыш неоглядный да берег болотный...
 Ну, что ещё скажешь?
 Купаться не лажь!
 Пока добредёшь до купальных промоин,
 весь в тину оденешься, точно Нептун.
 По всем показателям море хромое.
 Но вот ведь приходит зачем-то на ум.
 Когда-то в шуршащем скрадке приозёрном
 там грела мне душу охотничья дрожь.
 Я видел, как тихо на бархате чёрном
 рассветного солнца чеканилась брошь.
 Бескрайная степь и огромное небо
 такую же вниз уронило слезу.
 Давно это было, давно я там не был,
 но память о море сибирском несусь.

Русский романс

Умолк романс на ноте звёздно-синей,
сгустилась ночь над дремлющей страной.
Родной простор, цыганщина, Россия!
Кочевье в неизвестность под луной.
Нам ведома уступчивая святость,
а также непреклонные штыки.
Но, что скрывать, – беспечность, вороватость,
чужие нравы – тоже нам с руки...
Лежать в канаве вольно и случайно
за многие века пришлось не раз.
Что к этому добавить можно? Тайну,
что неизменно поднимала нас.

Новогодний вальс «Кострома»

Голубая зима,
вся в снегу Кострома,
подо льдом задремавшая Волга.
Я никак не пойму,
почему в Кострому
путь-дорогу отыскивал долго.
На высоком холме
мне бы жить в Костроме,
в звонах древнего русского эха,
видеть солнце вдали,
наши корни в пыли,
слушать всплески далёкого смеха.
Кострома, Кострома,
вековые дома,
белоснежная храмов извёстка.
Даже дом-каланча
здесь горит как свеча
из пчелиного жёлтого воска.
Бьётся в сердце страны
светлый дух Костромы.
И лесов берендеево царство,
и раздолье полей,
и гнездовье царей
лечат душу волшебным лекарством.
Голубая зима,
вся в снегу Кострома.
Ель сияет в огнях и в раскраске...
Серебристая пыль,
незабвенная быль...
До свидания, город из сказки!

Размышление на концерте ансамбля «Казачий круг»

Казачий круг. Умчавшиеся годы.
Труды на поле, вешняя заря.
И славные военные походы
За веру, за Россию, за царя.
Царя не стало, вера покачнулась,
Россия ослабела на глазах,
Порой мы даже думаем – согнулась.
Но не согнулся, жив ещё казак.
Он помнит веру, помнит Русь святую,
Он знает, никогда не дремлет враг.
Поёт казак и шашкой джигитует,
без шашки казаку нельзя никак.
Что нам привычней, песня или шашка?
Пусть обе не уходят из очей –
С весёлой песней умирать не страшно,
а с шашкой – жить, храня страну и честь.

Аз есмь

Когда облечься письменною плотью
Пришёл душе славянской звёздный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой –
Аз.
«Аз есмь» мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, Те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.
Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу – сатане на страх,
То поднимаясь фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.
Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.
Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что потеряло честь,
С российским нескончаемым терпением
Ответствуем уверенно:
– Аз есмь!
Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива Земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

На все копыта кованы:

бесы в романе Н.С. Лескова «На ножах»
и в родовом имени И.С. Тургенева
Спасское-Лутовиново
(к 195-летию И.С. Тургенева)

*Я видел Русь расшатанную, неучёную, неопытную
и неуксусную, преданную ученьям злым и коварным,
и устоявшую!*

Н.С. Лесков. «На ножах»

Тургеневское творчество и само имя Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) были чрезвычайно дороги Николаю Семёновичу Лескову (1831–1895). На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней он продолжал отстаивать литературное наследие своего старшего знаменитого земляка. Показательно, что в лесковской «Автобиографической заметке» (1882–1885?) первым и главным из писательских имён было названо имя Тургенева. Его «Записки охотника» Лесков, знавший народ «в самую глубь», как «самую свою жизнь»¹, признал своего рода «учебником» жизни и литературного мастерства. Об этом «учительном» значении, а также о глубочайшем эмоционально-нравственном воздействии тургеневского цикла свидетельствует следующее лесковское признание: «когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И.С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Всё же прочее <...> мне казалось деланным и неверным» (XI, 12).

Тургеневское творчество – глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот, – было своего рода камертоном для Лескова. Более того – по словам сына писателя, Тургенев был для Лескова «литературным богом». Андрей Николаевич Лесков вспоминал: «Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

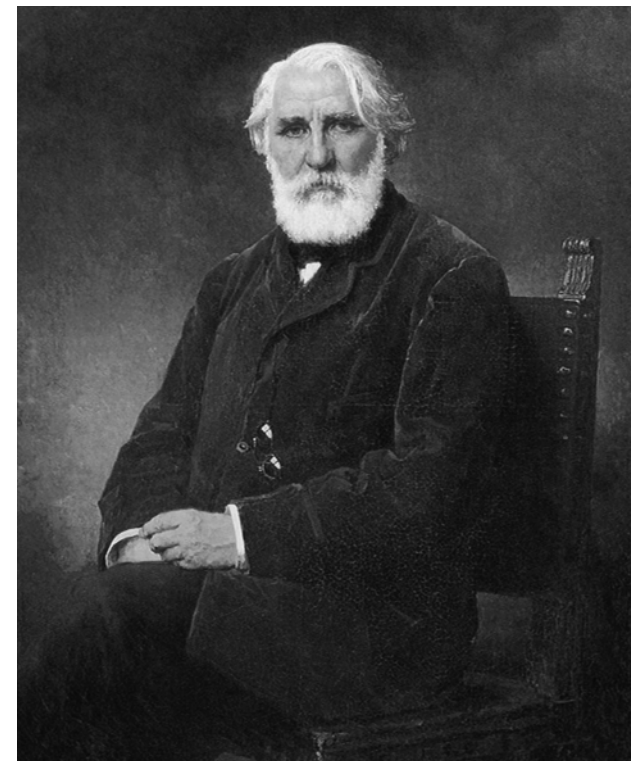
дома»². Таким образом, Тургенев и его художественный мир постоянно занимали писательское сознание Лескова, были у него и на слуху, и на устах. Не удивительно, что эту «привязанность» он перенёс на страницы своих книг. Одно из наиболее весомых тому подтверждений – роман «На ножах» (1870–1871).

Роман вызвал много толков и споров среди современников Лескова. Некоторые причислили его к «антинигилистическому» роду литературы, определили как роман-памфлет. Другие писали как о «типично бульварном произведении»³. Иные в пылу литературной схватки даже зачислили «На ножах» в ряд «полицейско-эротических» сочинений⁴. Некоторые определили роман как «антибуржуазный». Прочие осторожно назвали его «полемическим».

«На ножах» – прежде всего религиозно-философское произведение, в основе которого – христианское миропонимание автора. Это особенно наглядно, если рассматривать лесковский роман сквозь призму межтекстовых связей.

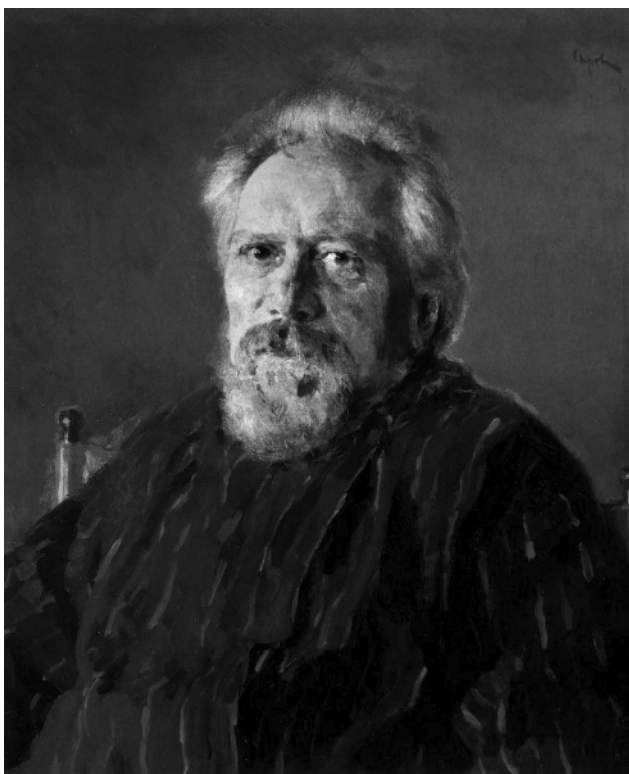
«На ножах» Лескова стоит в том же ряду «общественных романов» Тургенева («Отцы и дети»), Гончарова («Обрыв»), Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы»), отразивших всю остроту религиозно-нравственной, философско-мировоззренческой, социально-политической и литературно-эстетической полемики эпохи. На типологическое сходство «На ножах» с романами «В водовороте» Писемского и «Бесы» Достоевского, созданными в том же 1871 году, указывал сам Лесков: «все мы трое сбились на одну мысль» (X, 293). Стержневая мысль, о которой идёт речь, – исследование содержания и современных трансформаций русского нигилизма.

Решение этой ответственной идейно-эстетической задачи для Лескова было немыслимо без обращения к опыту Тургенева – «представителя и выразителя умственного и нравственного роста России» – и прежде всего к его роману «Отцы и дети», в центре которого мощный образ нигилиста – «каланичи» (по образному выражению Д.И. Писарева) – Базарова. «Талантливым пером Тургенева обрисован Базаров, произнесено слово “нигилизм”» (X, 16), – подчеркнул Лесков вскоре после выхода «Отцов и детей». Далее писатель утверждал: «Я знаю, что такое настоящий нигилист» (X, 21). Ориентируясь на образ «сильного и честного Базарова» (X, 16), Лесков решительно отъединяет

Портрет И.С. Тургенева.

Худ. А.А. Харламов

Портрет Н.С. Лескова
Худ. В.А. Серов, 1894 г.

«истинных, настоящих *нигилистов*» от «нигилистов» (X, 22) и признаётся, что ищет «способа отделить настоящих *нигилистов* от шальных шавок, окричавших себя *нигилистами*» (X, 21). Эта «полезная сортировка» (X, 22) была произведена в романе «На ножах».

Писатель рисует образы не просто «новых», но уже «новейших» *нигилистов-перерожденцев*. Они выродились в буржуазных хищников, капиталистов, ростовщиков, мошенников, продажных газетчиков, брачных аферистов, подлецов, предателей, убийц – преступников всякого рода, попирающих человеческие и Божеские установления, не верующих «ни в Бога,

ни в духовное начало человека»⁵. Модифицируют они и само наименование своего бывшего радикального направления, теперь именуя самих себя «*негилистами*». В основе этого лексического новообразования – слово «гиль» в значении «чепуха, ерунда». Идейный «вдохновитель» экс-нигилистов Горданов «в длинной речи отменил грубый *нигилизм*, заявленный некогда Базаровым <...>, а вместо сего провозгласил *негилизм* – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что *негилистам* дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили *нигилисты*» (9, 130).

Так «Отцы и дети» входят в «На ножах» в качестве своеобразного литературного фундамента. Тургеневский роман в деталях знают не только автор, но и его персонажи, которые выступают, в том числе, и внимательными читателями Тургенева. Композиция образов героев во многом строится через содержание их чтения. Горданов как персонаж-читатель, определяя свою жизненную позицию и способы поведения, «примеряет» на себя литературные образы: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всём своём убранстве Базаров, Раскольников и Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумён и слаб – неумён потому, что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред “богатым телом” женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей» (9, 127).

В соотнесённости со своим героем – читателем романа Тургенева – Лесков трактует образ и личность Базарова иначе. В статье «**Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”**» писатель указал: «Тип Базарова многим нравится, многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму» (X, 16). Любовь, по мнению Лескова, не только не является признаком «слабости», но ещё более обогащает героическую личность.

Горданов же, наделённый inferнальными чертами, патологически не способен к любви, «никогда не чувствовал потребности любить» (9, 216). Сатанинская «гордыня» – в основе фамилии этого персонажа. «Гордашка» – так уничижительно именуется его прямая и честная героиня романа Катерина Астафьевна Форова.

С точки зрения отцов Церкви, гордость – корень всех грехов и пороков. Преподобный Максим Исповедник именуется самолюбие «матерью всех зол»: «Начало всех страстей есть самолюбие, а конец – гордость»⁶. Против «безумной гордости» направлено истовое по духовному накалу и совершенное в художественно-образном выражении Слово 23 «**Лествицы**» аввы Иоанна Лествичника: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человека, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы»⁷.

В бесовском ослеплении Горданов кичится утратой Божественного дара любви как сильной стороной своего характера. «Любовь – это роскошь, которая очень дорого стоит, а я бережлив и расчётлив» (9, 216), – цинично заявляет он, смешивая в этом высказывании «Божие» и «кесарево».

Глава, приоткрывающая сущность Горданова, называется «Entre Chien et Loup» – «В сумерках» (по Пушкину: «Пора меж волка и собаки»). Это скрытый, маскирующийся, «сумеречный» тип хищника, удел которого – тьма, адская «бездна», призывающая «бездну» (9, 127).

Его смерть в конце романа содержит реминисценцию из «Отцов и детей». Как Базаров умирает от заражения, полученного от случайного пореза пальца при анатомировании, так Горданов – от укола стилетом в ладонь, что приводит к ампутации руки. В то же время смерть ярко высвечивает принципиальную «разность» этих человеческих типов.

Базаровская роковая неосторожность была вызвана погружённостью героя в раздумья о неразделённой любви, которая захватила всё его существо; о силе судьбы и ничтожности земной жизни перед лицом вечности. Таким образом, смерть Базарова приобретает высокий трагический характер.

Тогда как Горданов поранил руку во время предумышленного убийства Бодростина, которое стало конечной целью запутанной сети хитросплетений и интриг. Гордановское свидетельское показание «опять всё наново переплетало и путало» (9, 771), и в итоге он сам стал жертвой преступных козней и происков: был предательски-позорно отравлен сообщниками. Так, проекция на финал «Отцов и детей» позволяет резко отграничить героический и трагический образ *нигилиста* Базарова от преступника-«*негилиста*» Горданова.

С образом Базарова входят в роман «На ножах» и его последователи – «базаровцы» (9, 129), как называет их Лесков. По большей части они видоизменились в «гордановцев» (9, 133) и вполне отвечают характеристике, данной писателем в его статье, указанной выше: это «грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, искаживших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма» (X, 19). Им негде взять «базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы» (X, 17). «Нигилиствующие» только внешне пытались копировать Базарова, не умея и не желая «дорости» до сокровенной – героически-беззаветной и трагической – сути этого типа. Гражданское мученичество, готовность к самопожертвованию – то, что Лесков обозначил как «власяницу и вериги нигилизма», – были отринуты ради «нынешнего спокойного, просторного и тёплого мундира». Горданову «нетрудно было доказать, что нигилизм стал смешон, что грубостью и сорванчеством ничего не возьмёшь; что похвальба силой остаётся лишь похвальбой, а на деле бедные новаторы, кроме нужды и страданий, не видят ничего, между тем как сила, очевидно, слагается в других руках. <...> Все, желавшие снять с себя власяницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и с их поддержкой Павел Николаевич доказал, что поведение отживших свой век нигилистов не годится никуда и ведёт к гибели» (9, 130).

«Гордановцы» предательски отреклись от «истинных нигилистов» – «гражданских мучеников и страдальцев»: «Таких страдальцев в эту пору было очень много, все они были не устроены и все они тяжко нуждались во всякой помощи, – они первые были признаны за гиль и о них никто не заботился» (9, 132).

В то же время сами экс-нигилисты с успехом мимикрируют и приспосабливаются к буржуазному устройству, органически с ним сливаясь: «Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой – капиталист; третий – известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый – спирт <...>; пятый – концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой – адвокат <...>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою – порицает её» (9, 137), Лесков обозначил самые разнообразные типы продажных, беспринципных буржуазных дельцов – «деятелей на все руки». Показательна в этом плане самохарактеристика «межеумка» Висленёва, стоявшего когда-то во главе «студенческой партии»: «все мы стали плуты» (9, 217).

В связи с этим снова возникает аллюзия на роман «Отцы и дети», где в знаменитой сцене идеологической «схватки» Базарова и Павла Петровича Кирсанова шёл спор о «принципах». Замышляя убийство, Горданов в беседе с Глафирой заявляет, что хочет говорить «совсем не о чувствах, а...» Она резко прерывает: «О принципах... Ах, пощади и себя, и меня от этого шарлатанства! Оставим это донашивать нашим горничным и лакеям» (9, 77). С неотвязным вопросом о «принципах» приступает к Горданову «суетливый и суетный» (9, 129) Висленёв: «какому же ты теперь принципу служишь, так ты и не ответишь. <...> какой у нас теперь принцип? Его нет?» (9, 217). «Мы отрицаем отрицание» (9, 217), – следует витиеватый ответ.

В действительности употребляются другие – абсолютно неприкрытые, бесстыдные – установки на ограбление и развращение: «приехав сюда из Питера, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развить, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать» (9, 48). В том же ряду – откровенно хищнические

предписания: «всяк сам для себя, и тогда вы одолеете мир» (9, 147); «в жизни каждый ворует для себя. Борьба за существование!» (9, 142).

Теория «дарвинизма», применённая к человеческим отношениям, разрушает человека как «храм Божий» и формирует «человека-зверя»: «Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывёт в руки» (9, 142); «Глотай других, чтобы тебя не проглотили» (9, 132). Как следствие – морально-нравственная порча и духовная деградация, свинское попрание образа Божьего в человеке, от чего предостерегал Господь в Нагорной проповеди: «не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7: 6).

Слепая «вера в естественные науки» обернулась неизбежной ограниченностью и узостью взглядов. Такова «скорбная головой девица» (9, 133) Анна Скокова, или Вансок, – честная, прямолинейная, «рьяная», из разряда «древнего нигилистического благочестия» (9, 131). Изображая эту «староверку» «истинного нигилизма», Лесков прибегает к самоцитации, используя название своего очерка о раскольниках «С людьми древлего благочестия» (1863). Вансок по-детски растеряна перед жестокими реалиями жизни: «Я прежде работала над Боклем, демонстрировала над лягушкой, а теперь... я ничего другого не умею: дайте же мне над кем работать, дайте мне над чем демонстрировать» (9, 132).

Налицо реминисценция завершения Базаровым знаменитого спора со старшим Кирсановым: «будем <...> лягушек резать»⁸. Лягушка как непрерывный объект естественнонаучных занятий и опытов нигилистов стала во многом благодаря тургеневскому роману их своеобразным символом. Лесков не обходит вниманием эту символику и атрибутику. Так, «истинный нигилист» из числа людей старой «базаровской» закалки майор Форов носит характерный брелок. Это «тяжёлая, массивная золотая лягушка с изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладком брюшке лягушки мелко искусною вязью выгравировано: “Нигилисту Форову от Бодростиной”. Дорогая вещь эта находится в видимом противоречии с прочим гардеробом майора» (9, 27). Для бывшей нигилистки Глафиры Акатовой, ловко вышедшей замуж за богача Михаила Андреевича Бодростина и усвоившей себе истину, что «повесившись, надо мотаться, а, оторвавшись, кататься» (9, 81), как и для прочих «антигероев» романа, «борьба за существование не то что борьба за лягушку» (9, 147–148).

Воспринимая литературу как художественную реальность, Лесков конструирует некоторые собственные образы, рассчитывая на быстрое «литературное» узнавание. Так, о принадлежности майора Форова и девицы Вансок к базаровскому типу нигилистов старой закалки свидетельствуют «тургеневские» речевые отражения: «Но вот кто совсем не изменяется, так это Филетёр Иванович! – обратился Висленёв к майору. – Здравствуйте, мой “грубый материалист”!» (9, 36). Отзвук-напоминание об «обнажённой красной руке» Базарова, ставшей «приметой» нигилистов-разночинцев, содержится в обращении Горданова к Вансок, когда он пожимает «грязноватую руку девишки»: «Давайте Вашу лапу!» (9, 151).

В романе «На ножах» имеются и другие формы наличия «тургеневского слова», а также разнообразные способы его включения в лесковский текст. Приём косвенного присутствия тургеневской образности обнаруживается в повествовании, раскрывающем предысторию Павла Горданова – внебрачного ребёнка богача Бодростина и московской цыганки. Незаконный сын знатного

помещика имел солидное денежное содержание, получил хорошее образование, однако никогда не знал ни родных, ни родного дома, отданный на воспитание сначала акушерке, потом в пансион, а затем в университет. «В жизни его было только одно лишение: Горданов не знал родных ласк и не видал, как цветут его родные липы» (9, 128–129), – пишет Лесков.

Образ «родных лип», несомненно, восходит к Тургеневу. Используемая в тексте лесковского романа без кавычек, эта реминисценция говорит о том, что липы стали восприниматься как устойчивый знак «дворянского гнезда», отголосок тургеневских романов. Так, в романе «**Рудин**» (1855) Тургенев художественно запечатлел, словно с натуры, свой усадебный сад, который «доходил до самой реки. В нём было много старых липовых аллей, золотисто-тёмных и душистых, с изумрудными просветами на концах» (VI, 256). Заметим также, что симпатичная автору героиня носит фамилию Липина.

В «**Дворянском гнезде**» (1858) липы растут в саду Калитиных; «тень от близкой липы» (VII, 208) падает на Лизу и Лаврецкого в его имении Васильевское.

По всей вероятности, Лесков был наслышан о знаменитых липовых аллеях в виде римской цифры XIX в парке родового имения Тургеневых Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Перифразу «родные липы» в значении родительского дома, домашнего очага Лесков употребил уже в первой своей повести «**Овцебык**» (1862), в её лирико-автобиографических главах: «я снова очутился под родными липами. Дома в это время не произошло никаких перемен <...> выросло несколько новых липок» (I, 64–65).

Воспитание и формирование человека вне семейной атмосферы родного «гнезда» Лесков считает неполноценным, обеднённым, ущербным. По всей вероятности, духовное оскудение, голый рационализм и звериный практицизм Горданова во многом проистекают из этого источника: «он с отроческой своей поры был всегда занят самыми серьёзными мыслями, при которых нежные чувства не получали места. Горданов рано дошёл до убеждения, что все эти чувства – роскошь, гиль, путы, без которых гораздо легче жить на белом свете, и он жил без них» (9, 129).

В романе «**На ножах**» встречаются также непосредственные указания на тургеневские произведения. Герои Лескова апеллируют к тургеневскому творчеству как к серьёзной аргументации. Например, в споре о подлинном и фальшивом Глафира ссылается на эпизодическую героиню Кору, о которой составила «понятие по тургеневскому “*Дыму*”» (9, 313).

Одним из распространённых способов включения «тургеневского слова» в текст является цитирование – явное или скрытое – собственно автором или его героями, как, например, в следующем эпизоде.

Попав в контору к своему бывшему соратнику по «нигилистической партии» Тихону Кишенскому, Горданов ощутил, как в нём «шевелинулась дворянская гордость пред этим ломанием жидка» с его «невозмутимым, но возмущающим голосом, которым непременно научаются говорить все разбогатевшие евреи» (9, 168). Не без удивления Горданов обнаруживает, насколько ловко Тишка успел «подковаться на все копыта» – материально обезопасить себя от превратностей жизни. Хозяина раболепно охраняют подобный ему рыжий чубастый лакей и «ещё более решительный рыжий бульдог» (9, 167).

Мысленно оценивая нынешнее прочное финансовое положение газетчика-ростовщика, «отец которого, по достоверным сведениям, продавал в Одессе янтарные мундштуки» (9, 168), Горданов прибегает к неточному цитированию

тургеневского романа «**Дворянское гнездо**» (1858): «Ему уже нечего будет сокрушаться и говорить: “здравствуй, беспомощная старость, догорай, бесполезная жизнь”» (9, 167). В эпилоге романа Тургенева читаем: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» (VII, 293).

Неточность цитаты объясняется скорее всего не пробелами в памяти Горданова, а тем, что жизнь Кишенского нельзя назвать «одиноким». Он уже успел обзавестись многочисленным потомством, в том числе и от сожительств со своей фавориткой и «деловым партнёром» по кассе ссуд Алинкой Фигуриной. Обокравшая собственного отца, по наглости она вполне под стать своему любовнику. При помощи замысловатых «каторжных сплетений» (9, 47) Кишенский сумел завлечь в свои злокозненные сети бесхитростного до детскости русского дворянина Висленёва, женив его на Алинке и вынудив таким образом прикрыть честной русской фамилией отпрысков блудодеяния. «А имя моё? – запоздало сокрушается Висленёв, запутавшийся в хитросплетениях «ростовщика, процентщика», – и ведь все знают, а дети, чёрт их возьми, а дети... Они “Висленёвы”, а не жида Кишенские» (9, 46).

Вопрос вызывает другое: почему элегический эпилог одного из самых одухотворённых романов Тургенева «Дворянское гнездо» используется в ситуации, связанной с тёмным, преступным образом Кишенского?

Тишка Кишенский не только скаредный ростовщик, держатель ссудной кассы, но и продажный газетчик, умудрившийся сотрудничать одновременно в трёх разных изданиях противоположных общественно-политических направлений. Одну из своих пасквильных статей он озаглавил «*Деятель на все руки*» (9, 233). Название как нельзя лучше подходит к нему самому и его разнобразной «деятельности». Этот «ростовщик, революционер и полициант» (9, 166), «подлый жид» (9, 138), как не раз его именуют в романе, нажил свой капитал аферами и предательством, в том числе, сотрудничая с полицией в качестве провокатора и шпиона.

Зловещая фигура Кишенского никоим образом не соотносится с благородным образом русского патриота, дворянина Лаврецкого, чьи слова, мысленно произнесённые «хотя с печалью, но без зависти, безо всяких тёмных чувств, в виду конца, в виду ожидающего Бога» (VII, 293), процитировал Горданов.

Очевидно, «Дворянское гнездо», как и другие произведения Тургенева, после прочтения которых «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора»⁹, выступает в подтексте романа Лескова как морально-нравственный противовес злодейскому миру безнравственных и бездуховных людей, преступно уничтоживших в себе Божеское начало.

Таким образом, проекция на тургеневское творчество, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы, мотивы и образы позволяют реконструировать не только читательский опыт персонажей Лескова, но и выполняют характерологические функции. Соотношения в художественном мире Лескова своего и «тургеневского» слова предоставляют возможность выявить речевую индивидуализацию, психологические особенности героев, выбор ими способа поведения и самого образа жизни. Тургенев и его творчество вплетаются в художественную ткань романа «**На ножах**» как положительный идеал, позитивный и высокий ориентир, противостоящий низменной морали дельцов нового толка.

О «многослойности» романа «**На ножах**» свидетельствует ещё один историко-литературный факт. К нему обращает фамилия Кишенский, вокруг

которой возникает целое ассоциативное поле. Известно, что в творчестве Лескова, который любил, чтобы «кличка была по шерсти», сложилась своеобразная концепция заглавий и обоснования имён. Писатель признавал способность имени выразить внутреннюю суть человека.

Лексико-семантический ключ фамилии лесковского персонажа обнаруживается в украинском слове «кишеня», что в переводе означает «карман». (К слову – в настоящее время на Украине – «Велика кишеня» (в дословном переводе – «Большой карман») – наименование крупнейшей национальной сети розничной торговли и супермаркетов, поглощающей своих конкурентов).

Кроме того, этимология фамилии «жида Тишки Кишенского» уходит корнями в иврит и идиш. «Кишене» на идиш – «карман». На иврите слово «кис» также означает «карман». Созвучие с ивритским «кэсэф» – серебро, деньги – не случайно. Дизайнерский атрибут верхней одежды предназначен в первую очередь для хранения денег (ср.: карманные деньги).

В русской фразеологии «карман» синонимичен слову «кошелёк». Для сравнения: держи карман шире; тугой карман (или: тугой кошелёк, тугая кошна) – о наличии у кого-либо больших денег; тощий (пустой) карман (или кошелёк) – об отсутствии или недостатке денег у кого-либо; набить карман (или кошну) – разбогатеть, нажиться и т.д.

Делец, купец – «загребущая лапа» – набивает свой карман, свою кошну. Он, по словам Лескова в очерке «Пресыщение знатностью» (1888), «мошной вперёд прёт» (XI, 187). «Мужи кармана» (I, 85), «прибыльщики» и «компанейщики» (XI, 187) – так именовал писатель капиталистов, буржуа, банкиров, ростовщиков. Против их бесстыдных спекуляций Лесков выступал уже в ранней своей публицистике, а также в самом первом своём большом беллетристическом произведении – повести «Овцебык» (1862). Именно здесь впервые появляется образ капиталиста – «мужа кармана» – Александра Ивановича. Главный герой повести – чистый сердцем и помыслами бывший семинарист Василий Богословский – с горечью вынужден признать: «Некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь» (I, 85). Впоследствии пессимистическое слово-образ «некуда» стало названием нового романа Лескова «Некуда» (1863).

Поэтика и символика онима «Кишенский» значением «муж кармана» не исчерпывается. Фамилия персонажа, извивающегося в мошеннических махинациях и тёмных интригах, не может не вызвать зрительную ассоциацию с отвратительным клубком кишаших змей. Это впечатление дополняют аллитерации шипящих и свистящих звуков имени и фамилии «Тихон Кишенский». Звуковые ассоциации, вызываемые именем, также значимы в поэтике писателя. Это подтверждает лесковская публицистика, поднимающая проблему исследования имён. Так, в статье «О русских именах» Лесков называет славянские имена «приятными для слуха»¹⁰. Писатель призывает способствовать «отрадному возвращению народного вкуса к именам приятного, родного звука и понятного значения»¹¹.

Таким образом, Лесков чутко различает «своё – чужое» в ономастике. Инородными именами, как правило, наделяются у него отрицательные персонажи, далёкие от Бога, народа и Родины. Так, например, «аляповатые и малопривлекательные» нигилисты в романе «Обойдённые» (1865) награждены «отменно неблагозвучными нарицаниями – Вырвич и Шпандорчук»¹².

В чужеродной фамилии «Кишенский» также нет ни «родного звука», ни сразу «приятного значения»; приятной для слуха её также не назовёшь.

Семантика слухового и зрительного образа «кишащих змей» уводит далее к библейской и метафизической образности – змея-искусителя, врага рода человеческого, сатаны. В романе «На ножах» Тишку Кишенского сопровождают признаки inferнальности. Он представлен не просто как «вёрткий фельетонист, шпион, социалист и закладчик» (9, 474) со своими «жидовскими слабостишками» (9, 150), ведущий «дело по двойной бухгалтерии» (9, 150). Его тёмные деяния показаны Лесковым как действие адской силы – «незримая подземная работа» (9, 183), «затемняющая» и «перетемняющая» людей, с которыми он «привык по-жидовски считаться». Дворянин Висленёв, запутанный в сатанинские тенёта Кишенского, чувствует, что «вокруг него всё нечисто: всё дышит пороком, тленью, ложью и предательством» (9, 191).

Таким образом, философия имени в романе Лескова намного сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Фамилия является иносказанием, функционально-оценочной характеристикой персонажа.

Лесков избегал «плакатных» именованных для своих героев. В то же время его внимание привлекали особенные имена и фамилии. Морфологически и фонетически необычная фамилия «Кишенский» позволяет высказать гипотезу о том, что она не выдумана писателем, а могла быть ему знакома, была у него на слуху.

В те же годы, когда Лесков работал над романом «На ножах», именами Тургенева с конца 1866 года до середины 1870-х годов управлял Никита Алексеевич Кишинский, о нечестности которого молва распространилась весьма широко. Можно предположить, что Лескову («В литературе меня считают орловцем», – неоднократно подчёркивал он), не прерывавшему связей со своей «малой родиной», были известны эти факты, представляющие не только филологический, но и культурно-исторический интерес. Нечистый на руку управляющий Тургенева, который распорядился таким образом, что буквально разорил писателя, мог послужить одним из реальных прототипов Кишенского в романе «На ножах».

Из обширной переписки Тургенева с Кишинским явствует, что писатель безраздельно доверял своему управляющему, в котором желал видеть «честного и деятельного человека»¹³ (деятеля на все руки – в хорошем смысле). Письмо Тургенева к Кишинскому от 3 (15) апреля 1867 года заканчивается следующим обращением: «прошу Вас знать одно: я никогда не доверяю вполнину, а Вам я доверяю, а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно своё дело» (6, 220).

Кишинский действительно «не смущался ничем», беззащитно пользуясь в своекорыстных интересах оказанным ему безграничным доверием, и за время своего управления нанёс всемирно известному русскому писателю большой материальный ущерб; махинациями приобрёл себе земли и имение Сидоровку.

А.А. Фет, другие друзья и соседи Тургенева по орловскому имению предупреждали писателя о злоупотреблениях Кишинского. Тургенев отвечал Фету из Буживаля: «Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки» (10, 143). В то же время писатель долго не мог поверить в нечестность своего управляющего, относя известия об этом в разряд досужих сплетен: «не можете ли Вы – под рукой, но достоверно – узнать, где и какое он купил имение? – спрашивал Тургенев Фета. – Сплетников, Вы знаете, у нас хоть пруд пруди» (10, 143).

Даже убедившись вполне, что происки Кишинского не пустые слухи, писатель сохраняет доброжелательное отношение к своему управляющему. С добросердечием, открытостью и доверчивостью Тургенев по-человечески стремится найти оправдания хищениям его имущества. В ответ на недошедшее до нас письмо Кишинского, в котором тот, очевидно, пытался «замести следы», Тургенев писал: «Сплетни, о которых Вы упоминаете, напрасно Вас тревожат. Вы знаете довольно мой характер: я на такого рода заявления совершенно неподатлив. Я нахожу совершенно естественным и благоразумным, что Вы позаботились о приобретении себе недвижимой собственности – это Ваш долг как семейного человека. <...> Впрочем, благодарю Вас за Вашу откровенность. <...> А потому, повторяю, Вам тревожиться нечего. <...> Фет написал мне о приобретении Вами земли, но я оставил это без ответа» (10, 176); «Вы можете быть совершенно спокойны насчёт сплетен по поводу забранных Вами материалов <...> Я не имею привычки обращаться на них внимания – и, коли доверяюсь, то вполне. Доверие моё к Вам именно такого рода» (10, 318).

Подобных заверений немало в письмах Тургенева к Кишинскому. Однако вряд ли по ним можно судить о недальновидности либо житейской непрактичности писателя. Скорее это свидетельствует о благородстве его натуры, о неизменной вере в торжество добрых начал человеческой природы.

В то же время Тургенев начинал догадываться о нечистоплотном ведении его дел Кишинским. Несколько раз писатель просил избавить его капитал от «жидовских процентов» (10, 300). Справедливо подозревая о махинациях со своим имуществом, писатель вынужден был обратиться к брату Н.С. Тургеневу с просьбой проконтролировать действия управляющего: «Побывай в Спасском или выпиши к себе в Тургенево Кишинского, и пусть он тебе растолкует хорошенько, какую операцию он намерен предпринять <...>, чтобы избежать жидовских (11!) процентов Тульского банка. <...> мне кажется неслыханным, чтобы под залог недвижимого имущества безо всякого долга драли такие проценты!» (11, 40).

Адресуясь с тем же вопросом к Кишинскому, Тургенев настойчиво и, по всей видимости, уже не в первый раз («мне приходится только повторить мою просьбу» – 11, 46) требует: «изложите мне в подробности <...> какого рода перезалог Вы хотите предпринять <...> для того, чтобы избавиться от процентов, справедливо названных Вами жидовскими, – и как Вы от них избавитесь – и почему (что для меня особенно неудобопонятно) при закладе недвижимого и хорошего имущества в банке приходилось заплатить такие громадные проценты?» (11, 46).

Обращает на себя внимание, что это письмо писатель уже не подписывает «преданный Вам Ив. Тургенев» или «доброжелатель Ваш Ив. Тургенев», как неизменно на протяжении нескольких лет он заканчивал свои послания Кишинскому. На этот раз он ограничивается только сухой подписью «Ив. Тургенев» без выражения каких-либо уверений и чувств.

Месяц спустя Тургенев, не получив вразумительного ответа от Кишинского, который, по всей видимости, пытался запутыванием дела ввести писателя в заблуждение, скрыть жульничество, снова обращается к управляющему: «Не могу, однако, не заметить, что факт платежа 11 процентов под залог недвижимого, чистого от долгов, отличного имущества – <...> мне представляется чем-то чудовищным!! <...> я брожу, как во тьме – и знаю только одно: имущество моё заложено за какие-то жидовские проценты. Пожалуйста,

потрудитесь всё это мне хорошенько растолковать и в исполнение моей просьбы отвечать отдельно на каждый вопрос» (11, 60–61).

Однако Кишинский не торопился прояснить ситуацию, и в новом письме к нему снова находим недоумения Тургенева: «Вы на мои запросы не давали прямого ответа» (11, 69). Всё это не может не вызвать в читательском сознании ассоциацию с тёмными финансовыми спекуляциями «жида-ростовщика» Тишки Кишенского в романе Лескова «На ножах».

Нельзя не изумиться деликатности и человеческой порядочности Тургенева. Даже в «чрезвычайной ситуации», когда обнаружили документальные свидетельства против Кишинского, Тургенев всё ещё боится обидеть управляющего несправедливым подозрением, продолжает быть с ним неизменно корректным и сугубо тактичным. Так, изучив приходно-расходные ведомости, красноречиво свидетельствующие об истинном положении дел, писатель адресует к своему управляющему с прежней искренностью: «Я намерен сообщить Вам все соображения, которые были возбуждены во мне эти <ми> ведомостями, в полной уверенности, что Вы не усмотрите в моей откровенности ничего похожего на недоверие или сомнение; сама эта откровенность обуславливается убеждением, что я имею дело с человеком вполне честным, к которому следует относиться с обычной во мне прямою. <...> выходит, что расход равняется почти приходу – и, можно сказать, что овчинка не стоит выделки. Обо всём этом необходимо нужно основательно потолковать во время моего приезда в Россию <...> Ещё раз повторяю Вам, что Вы не должны видеть ничего для Вас неприятного в откровенных моих объяснениях» (11, 169–170).

По приезде Тургенева в Спасское летом 1876 года Кишинский произвёл на него совершенно иное впечатление, чем при знакомстве в Петербурге в марте 1867 года, когда П.В. Анненков порекомендовал Тургеневу нового управляющего. После первой встречи с Кишинским Тургенев писал Полине Виардо: «Он мне нравится – это человек с энергичным открытым лицом, смотрит прямо в глаза» (6, 166). Теперь от Тургенева не укрылись лицемерие и неискренность управляющего. Впечатление некой поддельности, ненатуральности создаёт сама его внешность: «Бородач Кишинский только потрясает своей бесконечно густой бородой и выставляет фальшивые зубы – от него толку мало» (11, 282), – пишет Тургенев из Спасского И.И. Маслову.

На месте, в своём «родимом гнезде» (11, 282), писатель наконец смог воочию убедиться в справедливости давно распространявшихся толков о злоупотреблениях и мошенничестве его управляющего. К чести Тургенева, не раздумывая, он обратился к решительным мерам: «я вынужден произвести завтра в воскресенье своего рода государственный переворот и свергнуть моего Абдул-Азиза, г-на Кишинского, оказавшегося мошенником, которого я поймал с поличным. <...> если я его ещё оставлю тут, он оберёт меня дочиста» (11, 628–629).

В письмах того же периода к П.Ф. Самарину, А.М. Щепкину Тургенев также именуется Кишинского «Абдул-Азизом» (11, 292; 294), сравнивая своего управляющего с турецким султаном, расхищавшим государственную казну. Помимо того, восточное имя, отягощённое такими неприглядными историческими ассоциациями, в контексте среднерусского духовного пространства производит впечатление чего-то постороннего, инородного. «Абдул-Азиз» по сути своей чужероден среднерусской усадьбе, расположенной в самом сердце России, и не способен праведно ею управлять.

Согласно официальной версии, реальный Абдул-Азиз покончил с собой, вскрыв себе вены ножницами. В записке к А.М. Щепкину Тургенев говорит, что ему «удалось свергнуть Абдул-Азиза, не прибегая к ножницам» (11, 294).

Упоминание об остром, в данном случае – смертоносном, предмете в реально-историческом контексте порождает зеркальную литературную ассоциацию – опять-таки с романом Лескова, герои которого пребывают друг с другом «на ножах». В частности, о Кишинском сказано, что «долговременная жизнь на ножах отуманила его прозорливость и отучила его от всякой искренности» (9, 475). Лесковская характеристика литературного персонажа прямо соотносится с реально существовавшим Кишинским, который утратил осторожность и почти в открытую грабил Тургенева. «Надо Вам сказать, – писал Тургенев Ю.П. Вревской, – что я выезжаю из Спасского разорённым человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца-управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал» (11, 295).

Писатель вынужден был не просто уволить «грабителя Кишинского» (11, 300), но и выдать официальную доверенность на его уголовное преследование. В этом документе Тургенев устанавливает список преступлений своего управляющего: «оказалось, что г. Кишинский произвёл разные растраты принадлежащих мне сумм и имуществ, совершил недобросовестные контракты и, вообще, допустил злоупотребления и беспорядки, причинившие мне существенный вред и убытки, обманул, таким образом, вполне данную ему от меня доверенность. Вследствие сего я прошу Вас принять на себя труд преследовать по законам г. Кишинского в порядке гражданского или уголовного судопроизводства» (11, 358–359). Было ли возбуждено уголовное дело в отношении Кишинского, до настоящего времени остаётся неизвестным.

Кишинский в романе Лескова «На ножах» сумел остаться в тени, уголовному преследованию и суду Божьему подверглись другие его сообщники и жертвы.

Явную оппозицию тёмным силам составили любимые герои Лескова, исповедующие христианские идеалы любви, милосердия, деятельного добра: праведница Александра Ивановна Синтянина, «испанский дворянин» Андрей Подозёров, отец Евангел. Как скрытую оппозицию тёмному, безлюбивому, безбожному миру в архитектонике «На ножах» можно рассматривать тургеневское творчество, которое, по впечатлению М.Е. Салтыкова-Щедрина, наполняют «прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом»¹⁴.

Текстуальные связи романа Лескова «На ножах» и творчества Тургенева свидетельствуют о глубоком проникновении художников слова в истинную сущность изображаемого; помогают понять, как сквозь зеркальную призму тургеневского и лесковского творчества проступает неисчерпаемая сложность жизни, как «мимотекущий лик земной» соотносится с вечным, непреходящим.

Примечания

- ¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 11. – С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы – арабской.
- ² Вестник литературы. – 1920. – № 7. – С. 6.
- ³ Амфитеатров А.В. Собр. соч. – СПб., б/г. – Т. XII.
- ⁴ Журнальное обозрение // Дело. – 1871. – № 1. – С. 93.
- ⁵ Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 9. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. – С. 763. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.
- ⁶ Христианская жизнь по Добротолочию. – М.: Свято-Данилов монастырь, 1991. – С. 121.
- ⁷ Св. Иоанн Лествичник. Лествица. – СПб.: Фонд «Благовест», 1996. – С. 156.
- ⁸ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. – Сочинения: В 15 т. – Т. 8. – М.; Л.: Наука, 1964. С. 248. Далее произведения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с обозначением тома римской цифрой, страницы – арабской.
- ⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. – Т. XVIII. – М.: Гослитиздат, 1939. – С. 143–144.
- ¹⁰ Лесков Н.С. О русских именах // Новости и Биржевая газета. – 1883. – № 245.
- ¹¹ Лесков Н.С. Календарь графа Толстого // Русское богатство. – 1887. – № 2. – С. 196.
- ¹² Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – С. 372.
- ¹³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. – Письма: В 13 т. – Т. 5. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – С. 310. Далее письма И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.
- ¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. – Т. XVIII. – М.: Гослитиздат, 1939. – С. 144.

ПОЭЗИЯ

Иван МАЛЬКОВ

Иван Иванович Мальков – родился в 1959 г., образовании высшее. Член Союза писателей РФ с 2010 г., автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат Международного конкурса «Литературный Олимп», дипломант конкурса «Лучшая книга 2011–2013 гг.»

Живёт в Москве.

Снова мысль о Родине...

Садовое кольцо

У столиц – особое лицо:
Сталь, стекло, железо и цемент;
Для Москвы Садовое кольцо –
Неизменно – вечный постамент.

Стилобатов серебрится сталь,
И колор панелек цвета беж;
То же, что для Франции Версаль,
Для Москвы – Тверская и Манеж.

Древний город далеко не прост,
И его планида непроста...
Англичанам – Тауэрский мост,
Москвичам – вид с Крымского моста.

Всё убранство городу к лицу –
В чём предел мечтаний, что венец?..
В полдень по Садовому кольцу
Я проехал из конца в конец.

Белый город

Высится твердыней Белый город,
Хоть прошли столетьями века;
Переулки, словно коридоры,
Башни из гранита и песка.

ИВАН МАЛЬКОВ

Оживают древние поверья –
Были здесь сраженья и пиры...
Возникают арки, словно двери,
Что ведут в далёкие миры.

И восходит явью день вчерашний,
Старины забытой, но родной,
Острым шпилем Сухаревой башни
И Китайгородскою стеной.

И сегодня, среди улиц шумных,
Ресторанов из заморских стран,
Переулки Сретенки и Трубной,
Словно древнерусский талисман.

Нынче о прошедшем много споров –
Сколько веж, по сути, столбовых?..
Но живёт незримо Белый город
В памяти булыжных мостовых.

Александровский сад

В синем небе – стрижи,
Строг кремлёвский фасад;
Вежи, как рубежи –
Александровский сад...

Память вечно хранит
Блеск победных погон...
Тёмно-красный гранит,
В урне – Вечный огонь.

Жизнь прожить не по лжи –
Был бы этому рад!
В ясном небе – стрижи,
Александровский сад.

Прогулка по Яузе

Мыслями от мира вдалеке,
И на быт взирая свысока,
Я иду вдоль Яузы-реки,
Прозревая прошлые века.

Берегов гранитный постамент,
Силуэты арочных колонн...
Множество поверий и легенд
Спрятано в безмолвии времён.

Нынче время движется скорей,
Но Руси история – своя;
Было время истинных царей,
Было время дьяков и бояр.

Воссоздать бы яркою строкой
Строгий быт стрелецкого поста...
И восходит память над рекой
Фермами Устьинского моста.

Сознавая времени отсчёт,
Я на быт взираю свысока...
Прямо из Котельников течёт
Яуза сквозь годы и века.

Оплавляется воском свеча,
Тает воск, словно мартовский лёд;
Снова всплыли мечты невзначай
Из рутины житейских забот.

Жизнь листаю, как старый букварь,
Предъявляю по-крупному счёт;
Ухмыляется календарь,
Будто спрашивает: «Ещё?..»

Ясно вижу течение лет –
Слава Богу, что жив и здоров...
Просто выпал счастливый билет
Из расклада колоды Таро.

О Родине

Снова мысль о Родине –
Нет другой такой...
Красная смородина,
Ивы над рекой.

Перелески, станции,
И простор полей;
Заросли акаций,
Кроны тополей.

Расцветай же, Родина –
В мире другой нет!
Красная смородина,
Яблоневого цвет.

Метросюжет

Под клавикурд ветров
Вяжется жизни нить;
Люди читают в метро,
Им интересно жить.

Где ещё взять сюжет,
Чтобы мечте вдогон?
– Строчками из газет
Синий пестрит вагон.

Счастье – всего лишь миг,
Время бежит спеша...
За переплётом книг
С миром в ладу душа.

Вспоминаю разнотравье лета,
Ни снега, ни осень не кляня;
Ночь темней всего перед рассветом,
На пороге светового дня.

В полдень всего ярче свет и тени,
Безмятежно-ясен небосклон;
Что такое смена поколений?..
– Вычурная знаковость времён.

Не грущу я, думая об этом,
Морок быта отступает прочь;
Новый день начнётся вновь с рассвета,
Разгоняя на востоке ночь!

Кукурузник

Почти все детские мечты примерно одинаковы – кто из нас в детстве не хотел стать лётчиком, космонавтом, пожарным, милиционером, продавцом мороженого и прочее и прочее? Вот и Федька тоже хотел стать лётчиком. Только если все его сверстники мечтали стать если не космонавтами, то хотя бы истребителями, то Федька на вопрос «А ты кем будешь, когда вырастешь?» отвечал неизменно:

– Я буду кукурузником, – (букву «р» он не выговаривал аж до третьего класса). При этом он, изображая крылья, раскидывал в стороны руки и изображал, каким именно кукурузником он будет: – Дж-ж-ж-ж-ж!

Постепенно Федька становился взрослее и умнее, и примерно к тому самому времени как научился выговаривать букву «р», он перестал всем и каждому рассказывать, кем он собирается стать, когда вырастет большим. Перестал, потому что очень уж часто и взрослые, и ребята над ним смеялись. Но к тому времени к нему уже прочно приклеилось прозвище «Кукурузник».

В деревне вообще часто бывает так, что прозвище почти начисто заменяет человеку фамилию. Если, например, вы спросите человека о том, давно ли он в последний раз видел Александра Кузьмина, то он запросто может вас не понять и переспросить: – «Кого-кого?» И если вы уточните: – «Да Сашку-Колбасу» – человек тут же расплывётся в улыбке и протянет: – «А-а, Сашку! Так он с утра в райцентр укатил. К стоматологу».

Так же получилось и с Федькой – с самого первого класса иначе как Федька-Кукурузник его никто и не называл.

Но то, что Федька перестал вслух говорить о своей детской мечте, вовсе не означало того, что он перестал мечтать. Эта мечта стать пилотом маленького тихоходного самолётика жила в Федьке всегда – даже тогда, когда он уже в восьмом классе вдруг узнал, что «кукурузник», или как он официально именовался «По-2», оказывается давно

Владимир Негодяев – родился 21 сентября 1959 г. в с. Верхние Матигоры, что в 5-и км от Холмогор. Жил, учился, служил, работал, немного ездил по стране. Сейчас инвалид на пенсии.

Живёт в Верхних Матигорах.

уже снят с производства и больше не летает. Просто мечты после этого стали немного другими – Федька начал думать о том, что, наверное, где-то можно купить или просто поменять на что-нибудь списанный старый самолётик и иметь его просто для себя. И ему, почти уже взрослому, часто снилось, как он летит высоко-высоко на маленькой тарахтящей «этажерке», а внизу медленно проплывают леса, поля, реки и крыши знакомых деревень...

Как и большинству наших детских мечтаний Федькиной мечте не суждено было сбыться.

Во-первых, оказалось, что для управления любым, пусть даже и самым маленьким самолётом, нужно было закончить лётное училище, а Федьке это было не по зубам. Не ладилось у него в школе с учебой, и был он всего-навсего «твёрдым троечником». Какие уж там могут быть лётные училища с восемью классами образования да с тройками в аттестате!

Во-вторых, у него обнаружилось плоскостопие, и его не то что в какое-то там лётное училище, а даже и в армию не взяли.

Пришлось осваивать земные профессии из тех, что попроще.

И Федька выучился сначала на тракториста, потом на шофёра, потом ещё на экскаваторщика, потом закончил курсы крановщиков, а в двадцать три года поддался на уговоры одного из своих знакомых и уехал строить «БАМ». Тогда это была всесоюзная комсомольская стройка, и молодежи на строительство ехало немало.

После «БАМа» были другие стройки – всё больше в Заполярье. Помотало Федьку по стране изрядно – от Якутии до Новой Земли, и чего только ни приходилось ему строить – дороги, газопроводы, дома, полигоны... В тридцать он женился, но с женой прожил недолго. Тут нельзя сказать, что жена оказалась стервой или сам Федька был каким-то не таким, просто как-то не срослось у них – вот и всё. Бывает так иногда, и именно про такие случаи говорят: «не сошлись характерами». С женой Федька разошёлся тихо, без шума, без почти неизбежных в таких случаях скандалов и даже без алиментов – благо детей они за три года так и не нажили. Во второй раз жениться он не стал – не хотелось повторения пройденного, да и с невестами на «северах», честно сказать, не густо, тем более, что писаным красавцем Федька не был – рост средний, в плечах не косая сажень, лицо тоже так себе – не Ален Делон, да ещё и брюшко с лысиной намечаться начали.

К пятидесяти годам Федька заработал себе «полярку» (так в просторечии именовалась льготная полярная пенсия), поднакопил денег и решил, что путешествий и приключений с него достаточно. Он вернулся домой – в родную деревню на крутом берегу реки – и поселился в стареньком родительском доме, который пришлось немного подремонтировать.

Вместе с Федькой вернулось в деревню и начавшее уже забываться прозвище «Кукурузник».

Родители к тому времени уже умерли, и Федька зажил бобылём.

Жил он, надо сказать, в своё удовольствие. Пенсии и накоплений вполне хватало на жизнь, и поэтому он в охотку, а не по нужде, занимался своим немудрящим хозяйством, рыбачил, ходил в лес за грибами, иногда от скуки или от нечего делать помогал колхозу с ремонтом техники или с другими какими работами. Иногда, случалось, выпивал с мужиками, но пил в меру. Женского общества тоже не чурался, но связывать с кем-то свою жизнь тоже не торопился, хотя желающих среди местных пожилых красавиц было хоть отбавляй.

Однажды Федька решил сделать своеобразную «ревизию» своего хозяйства, с тем, чтобы избавиться от старого и ненужного хлама, и совершенно случайно, в старом сундуке на чердаке нашёл целую кипу годовых подшивок разных журналов. Была в этой кипе и пара подшивок «Моделиста-конструктора». Как они туда попали, Федька не знал – скорее всего отец под старость лет стал выписывать. Была у отца такая привычка – делать журнальные подшивки.

Так или иначе, но Федька вытащил журналы на свет божий и теперь вечерами от нечего делать часто их перелистывал – иногда читал повести или рассказы, иногда просматривал материалы о давно уже прошедших событиях и свершениях и вспоминал, где он сам был и что делал в то далёкое время. И вот однажды, листая журнал, он неожиданно наткнулся на чертёж дельтаплана. Не современного, больше похожего на самолётные крылья, а того, простенького, из первых – простого треугольного каркаса, затянутого тканью.

Сначала он просто пролистнул журнал дальше, но потом вернулся обратно и посмотрел на чертёж внимательно. Потом прочитал статью, к которой прилагались эти самые чертежи. Потом отложил журнал и лёг спать, но уснуть так и не смог, а потому снова взялся за журнал и ещё раз перечитал статью и просмотрел чертежи...

Утром Федька поехал сначала в райцентр, снял деньги с книжки, а потом укатил в область. Там он прямо на вокзале взял такси, поехал к магазину «Ткани» и скупил почти весь магазинный запас нейлоновой «плащёвки», прозванной в народе «болонья». Продавщица в магазине удивилась и обрадовалась одновременно – «болонья» уже выходила из моды и была не особенно ходовым товаром. На её вопрос, куда ему столько ткани, Федька буркнул:

– Фабрику швейную в деревне открою. Плащи коровам пошью. – И пошёл выбивать чек в кассе.

Ткань он погрузил в машину и на том же такси отправился в деревню, причём время своего возвращения постарался рассчитать так, чтобы приехать после половины десятого – как раз тогда, когда большинство людей смотрят фильм после программы «Время» и не показываются на улице. Конечно, деревня есть деревня, и укрыться в ней от людских глаз почти невозможно, но следующим днём на вопросы особо любопытствующих о том, «что это вдруг ему приспичило раскатываться на такси?», Федька или отмалчивался, или отшучивался, или просто врал, что опоздал на автобус.

За тканью наступил черёд алюминиевых трубок и тонких тросиков для каркаса. Сейчас-то, конечно, с этим всё просто – при наличии денег можно купить что угодно, но в те времена Федьке пришлось-таки покрутиться. И не раз ещё пришлось ему мотаться в город и там возобновлять старые и заводить новые знакомства, пить самому и выставлять бутылки, покупать совершенно ненужные вещи и менять их на нужные, чтобы правдами и неправдами добыть необходимое с какого-нибудь хитрого склада или с производства. Но так или иначе, а через пару недель все необходимые материалы были в наличии, и Федька приступил к работе.

На просторную поветь дома он вынес старую, «Зингеровскую» ещё швейную машинку, там же приспособил верстак и начал по чертежам собирать дельтаплан. Дело спорилось – благо руки у Федьки росли, откуда надо – слесарил он просто классно, а долгая холостяцкая жизнь научила и со швейной машинкой обращаться не хуже любой хозяйки. Так что по прошествии ещё

пары недель летательный аппарат был практически готов. Впервые Федька собрал дельтаплан прямо на повети, а когда сборка была уже закончена, у него просто дух захватило от восторга. Что и говорить – зрелище было просто фантастическим: громадное треугольное крыло заняло собой всё пространство отнюдь не маленького помещения и кружило голову пёстрой беспорядочностью расцветки. При шитье Федька не заботился о подборе цветов материи – просто кроил разные куски ткани так, чтобы только размер подходил, и это дало совершенно неожиданный результат – чёрные, синие, оранжевые, белые и всякие другие полосы перемешались так, что любой художник-авангардист мог бы только позавидовать. И этот удивительной пестроты букет таинственно расцветчивал слегка пыльное и ставшее вдруг мрачноватым и поразительно тесным пространство повети.

Федька почти что час зачарованно рассматривал творение своих рук, а потом грустно и с сожалением вздохнул, и начал откручивать болты, чтобы снять кое-какой крепёж и сложить эти удивительные крылья – собранный дельтаплан невозможно было вынести наружу.

Время для испытания аппарата Федька выбирал долго.

Во-первых, ему не хотелось «светиться» перед всей деревней. Всё-таки деревня не город, и здесь волей-неволей приходится дорожить своей репутацией (если, конечно, она у тебя есть). В деревне память у людей долгая, а кроме того существует ещё и строгое разграничение серьёзных и несерьёзных занятий. Вот если, например, мужик начнёт мастерить у себя в сарае снегоход или трактор собственной конструкции – это серьёзно. А если он всё в том же сарае будет собирать модели океанских яхт или самолёт – это уже баловство и странности. И можно ничуть не сомневаться, что найдётся множество желающих посмеяться над этим, покрутить пальцем у виска, да ещё и кличку соответствующую прицепить.

Поэтому Федька стеснялся.

А во-вторых, для испытаний нужна была ещё и соответствующая погода, а тут, как назло, два дня подряд дул резкий порывистый ветер, а когда он успокоился, небо затянули вдруг серые низкие тучи, и из них пять дней подряд сыпался вниз мелкий и нудный обложной дождь.

Наконец погода установилась. Ясная и почти безветренная.

С вечера Федькой овладело волнение. Он бродил по дому и не находил себе места – даже перед телевизором ему не сиделось. Несколько раз он принимался пить чай, выкурил почти полторы пачки «Беломора», пытался даже, чтобы отвлечься, что-то делать по хозяйству, но всё валилось из рук. Ближе к ночи он завёл будильник, выпил полстакана водки и попытался уснуть, но сон не шёл – лишь пару раз он впадал в короткое полубытьё, но тут же снова просыпался. Несколько раз он вставал покурить, чадил на кухне папиросами и с усмешкой думал о том, что в космонавты его бы не взяли – вон, говорят, что Гагарин перед стартом спал как младенец.

Наконец время подобралось к началу пятого утра.

Федька ещё раз попил чаю, оделся и, пытаясь унять нервную дрожь в руках и коленях, вышел на улицу. Дельтаплан он унёс метров за триста от деревни – там, разваливая крутой косогор матёрого берега, к реке пологой ложбиной сбегал широкий овраг – почти идеальное место для старта.

Собрать дельтаплан было делом недолгим – уже через десять минут разноцветное треугольное крыло стояло, опершись на рамки управления, и

задирало к небу свой острый нос. Слабый и ровный ветерок с реки слегка пошевеливал лёгкую конструкцию, и Федыке казалось, что дельтаплан вдруг ожил и запросился в родную свою стихию – в небо.

– Сейчас, – тихо сказал Федыка, обращаясь то ли к себе, то ли к дельтаплану, выкурил ещё одну папироску, безуспешно пытаясь унять гулкие удары колотящегося где-то около самого горла сердца, ухватился за дюралевые стойки рамки, поднял над собой крыло и медленно побежал вниз.

Федыка рассчитывал, что в первом своём полёте (если, конечно, этот полёт получится) он просто тихо спланирует вдоль по руслу оврага и приземлится на речном берегу. И если всё получится, как задумано, то потом, освоившись в полёте, можно будет уже стартовать прямо с обрывистого берега. Сначала всё вроде бы шло по плану – дельтаплан сравнительно легко оторвался от земли, и Федыка, повиснув животом на рамке управления, взлетел вместе с ним. Но слабенький встречный ветерок всё-таки дал о себе знать – дельтаплан не стал снижаться, а полетел вровень с верхними урезами оврага. А потом, то ли Федыка как-то не так обошёлся с управлением, то ли всё тот же ветерок пошутил, но в результате дельтаплан отклонился влево, скользнул над самой травой – Федыка даже черкнул по ней ногами – и, уйдя из оврага, завис над берегом. А там восходящий поток, отражённый от косогора, ударил снизу в треугольное крыло, и Федыка взмыл вверх метров на тридцать, а потом едва не рухнул вниз, потому что его развернуло боком к ветру, и аппарат опасно накренился.

Все эти события смешались и слились для Федыки в один миг, до предела переполненный страхом, восторгом и диким возбуждением. Он совершенно не осознавал того, что делают его руки и ноги, но всё-таки, руководствуясь какими-то неведомыми инстинктами, умудрился выровнять дельтаплан и, медленно снижаясь, поплыл над землёй. Постепенно чувства его слегка улеглись, и к нему вернулась способность мыслить. Теперь уже осознанно он осторожно попробовал управляться с дельтапланом – легонько качнул рамку, слегка переместился влево и вправо, и крыло послушно отозвалось на эти движения. Тогда он, слегка переместившись вправо и двинув рамку вперёд, уже осознанно направил дельтаплан к реке, и снова над косогором берега воздушный поток подхватил крыло и поднял его вверх. И во время этого подъёма Федыку захлестнул такой неопиcуемый восторг, что Федыка не удержался и заорал во всё горло:

– Йя-х-ха-а-а!!!

А потом, уже как заправский дельтапланерист, Федыка описал широкий круг над лугом и снова вернулся к речному косогору, но теперь он уже твёрдо знал, что делать, и не просто пересёк склон, а полетел вдоль него, ловя крылом восходящие потоки и поднимаясь всё выше и выше...

Запаса высоты хватило на то, чтобы сделать круг над деревней, и Федыка наяву увидел то, что столько раз ему снилось – медленно проплывающие внизу крыши, зелёные кляксы деревьев, превратившиеся в тоненькие ниточки заборы и удивительно красиво расчѐсанные прямыми бороздками прямоугольниками картофельных полей. И ещё неожиданно широко распахнувшись, невидимые с земли дали, и ничем не заслонѐнную, непривычно далеко отодвинувшуюся дымчато-синюю линию горизонта, и большой красный шар восходящего солнца...

Описать то, что Федыка чувствовал в эти минуты, наверное, невозможно. Люди ещё не придумали для этого подходящих слов. Просто не было сейчас

на свете Федыки-Кукурузника – вместо него парил над деревней сгусток восторга, страха, удивления, любви и ещё много-много другого...

А дельтаплан, направляемый Федыкой, заложил широкий круг и снова направлялся к косогору, чтобы снова подняться в небо вместе с отражённым от берега ветром и получить силы для очередного круга. Но на этот раз ему не суждено было подняться – то ли неожиданно резкий порыв ветра был тому виной, то ли недостаток конструкции или дефект дюралевой трубки, но уже на подъѐме правое его крыло вдруг неожиданно подломилось, задралось вверх, и дельтаплан вместе с Федыкой косо рухнул на прибрежные камни.

Весть о том, что Федыка-Кукурузник разбился, принесли в деревню двое ребятишек – с восходом они пошли проверять поставленные на ночь донки и стали свидетелями всех Федыкиных выкрутасов и их неожиданного конца. Первое, что увидели прибежавшие на берег люди – это бесформенное, распростѐртое на камнях разноцветное полотнище с выпиравшими из-под него алюминиевыми трубками. Рядом с полотнищем лежал на спине Федыка-Кукурузник в синих, вытянутых на коленях спортивных штанах и в застиранной клетчатой рубаше и обутый в старые, выдавшие виды кеды. Левый глаз Федыки, матово помертвевший, равнодушно смотрел в небо, а правого глаза не было вовсе – он вместе с частью лба и виском был смят ударом о камни. И только на губах у Федыки застыла совершенно непонятная и неуместная здесь счастливая улыбка.

ПОЭЗИЯ

Андрей КРУЧЕНИН

Андрей Борисович Кручинин – родился в 1966 г. в Москве. Служил в ПВ КГБ СССР, имеет высшее юридическое образование. Был участником литературной студии, возглавляемой Татьяной Львовной Успенской-Ошаниной, а также дружеского сообщества поэтов (получившего название «Волоколамская коммуна») под руководством поэта Николая Потапенкова. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Публиковался в газетах и журналах. В 2011 г. в свет вышел сборник его стихов – «Дуэт корабельных скрипок» (Москва, изд. «Академия поэзии»). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Эпистема отражений

Ангел тишины

Лёг силуэт сквозь тёмное стекло
распятьем еле видимым, не ради,
а вопреки созвездью. Так светло
тёк зыбкий нимб сиянья, точно пламя
иконописное. О, гефсиманский плод,
иссине-золотым огнём пылая,
спали дотла Эола, что оглох
от немоты сгорающего «Аминь».

Эльсинор

Бледно-розов в пыли данью маленькой кухне
чайник в стиле барокко, и снова – впригляд –
из-за белой колонны, по-датски закуклив
тень, – узрю на окне силуэт короля.
Лют оскал циферблата, и сонно, как будто
тёмный маятник ночи, пугающий ямб
выдаст в маске, навеки застывшей, Кабуки,
опьянением снятой с лица января.
Звёзды синие зимнею кровью набухли.
Сновиденья до боли опять опалят.
Время – главное средство и свойство разлуки.
И так сладок (увы!) расставания яд.

Сестра

1

Московские тесные кухни –
крамола Пятого Рима.
Латинские тёмные буквы
вплывь по Садовому – мимо
ангельских платьев вкупе
с лентами Коломбины.
А улицы, тепля угли
Эоловой арфы, хранимы
туманами, что кому-то,
знать, оберег от Валькирий.
И плёс их прозрачный соткан
словно дыханьем лилий.

2

Альковом полдневная тень
дымчата и, оконной
майоликой снег одев
в серебряные оковы,
даст разницу между тем
Сфинксом из времени Оно
и отсутствием тел,
когда неизвестны оба
имени, что хотел
выведать Каин наскоро.

3

Эхо любой полыньи
внутри небес, и навеки
из глубины глубины
по-рыбьи заставит петь им
то продолженье волны
девятой, что ночью летней,
на миг Афины накрыв,
уже напрямик ответит
сквозь зеркала, и полынь –
с лёгкостью юной ведьмы –
взлетит лишь до той поры –
до той, что Господь отмерил.

Уходя – уходи...
 Прошное вместо тракта.
 А впереди – костры
 и плач колоколен набатный.
 Московия! Куполов
 сусальное золото –
 место,
 где Лик Её и Покров,
 спаси нас, Богоневесто.

Московский ангел

Знак Вечности по линии лица,
 знать, бледности пределом вдруг, неволью,
 наитьем лютни ливня прежде стал,
 чем у бульвара в воспалённом горле
 вопль о спасении – Осанной, – вверх вокзал
 рос Белорусский. И от мысли больно:
 «А может, это Ангел улетал
 над Ленинградкой?» И ладони обе
 из пустоты, сплетённой на века,
 крылами промелькнули... Тотчас обмер
 Эола сын. Внизу река текла.
 Харона не было. Лишь бронзовела отмель.

Законь

Вдаль закат из-за домов соседних,
 тёмной кровью залив кровли плаху,
 багрянницей всё окрест оденет.
 Вымысел осенний – нынче вправду.
 На столе массандровский портвейн,
 пачка «Беломора», хлеб да спички.
 Вновь в обнимку, и опять не с теми
 (ну, какая разница!?). «Налить бы!»
 Выпив всю бутылку без остатка,
 с папиросы дымом тёмно-синим,
 по московским улицам шататься
 вслед за девой с профилем Аксиньи.
 Спьяну целовать любовно розы,
 словно это губы Нефертити,
 в облаках далёких и холодных
 навсегда от счастья заблудиться...

Только ни вина нет, и ни девы,
 за окном – проклятьем электричка,
 да бутон жасмина бледно-белый,
 словно скомканный халат больничный.

Июльская рапсодия

В темницах захоластных городов,
 где окна в виде стремени – навывлет
 стены, стекая мглою, плотно
 окаменеют вдруг плитой могильной.
 Едино всех конвойных ремесло,
 а за спиной уж затекли ладони –
 кому-то нынче снова повезло.
 А про себя подумаешь: доколе?
 Тревогой забытья сквозные сны:
 в них пепел замков, некогда любимых,
 ячменный кофе всё-таки остыл,
 и лампы свет сиренев вполовину,
 подобья бабочки лимонной, что с простым
 рассветом, отражаясь, вверх картинно
 никак не выпорхнет навстречу, ибо мним
 балет зеркал во тьме, она ж не в силах
 взлететь оттуда в поисках цветка,
 и пламенем охваченные крылья
 пылают. – Бесконечно далека
 июлем обожжённая Севилья.

Яблоневиый ангел

С тугою прядью жёлтых трав
 тумана вилаь над оврагом
 плоть невесомая. И сладок
 Акафист листьев. Пей до дна
 настой золотобликих яблoк,
 что Небом нам даны сполна.
 Вдруг струи ветвей – Боже Правый! –
 воспламенились. И тогда
 прекрасный Ангел, голос слабый,
 запел. Но тёмная зола
 легла на крылья. Ангел сразу
 умолк. А ты ещё спала.

Алтуфьевский речитатив

Ивану Голубничему

*Мне хочется верить, что чёрные наши бушлаты
Дадут нам возможность сегодня увидеть восход.*

Владимир Высоцкий

1

От бедовой неволи своих городов,
песнь о чёрных бушлатах твердя наизусть,
в клочкотание волн под сюиту ветров
уходили мальчишки – неведомый путь
им звездой холодной, но всё же светло –
пусть резня абордажная до смерти, пусть.
Ведь от дыма горящих столбами валов
есть убежище верное – тихая грусть.

2

Глухо воя, сирены идущих ко дну
расцарапали воздух –
надрывная песнь
кораблей. Напоследок ещё бы одну.
Только поздно уж в Китеж.
А впрочем, Бог весть...
В чёрно-белой юдоли закат на потом,
и порою так сладко дожить до зари,
ибо в скрипе окна еле слышное «...товсь!» –
неизменный сигнал для короткого «пли».

3

Каясь, пели про парус. И эту мольбу
тёплый ветер морской, завязав в узелок,
от невидимых крыльев внезапно набух
и сиянием ангельски-светлым облёк.
Заблистав серебром, корабельная цепь
от луны, что в созвездии Девы нова,
загремела. А если по небу лететь
кораблю, то уже бесполезны слова.

4

С переливами долгими тонких огней
оплеть алая, словно змеясь на лету,
ускользала куда-то – обратно вовне,
распахнув подмосковной земли наготу.
И менялись правители – вор на воре.
И, как прежде, повсюду гудела молва.
А поэты, смеясь,
снова прятались в смерть.
И крестами светили во тьме купола.

5

И бульваров конверты багряным листом,
шелестя на исходе такой кутерьмы,
обрывались опять на восток, на восток...
в золотом одеянье реки Колымы.
И небесный корабль причалил бортом
к облаковой, чуть пляшущей, пристани – так,
чтобы проще им было подняться потом
по светящейся лестнице Ангелам в такт.

Эпистема отражений

Николаю Потапенкову

1

Высь. С облаками зеркала
едины в ней. А плоть – как будто
переплетеньем добела
двух отражений, что на убыль
идя лоб в лоб (ведь цель одна),
исчезнет сразу до полудня.
И плод – холодного нутра
холодной синевой обуглен,
вдруг, закрутившись до утра,
проступит очертаньем блудным
нагой Лилит, и внутрь влекла
(где влажных листьев поцелуи
касались бледных губ окна
с эльфийским трепетом косули)
тьнь Велимира, что легла
на город, блестящий в июле
очагами звёздного орла.

2

Кафе, бегущие огни
изгиб на платье итальянском
воспламенили, и вполне
все линии видны на ярком
свету – похоже, тайну нег
изящный и хмельной ваятель
сквозь зеркала дал тем, кто нем.
Ах, если б только не бояться,
когда двойник твой слишком темн.
А впрочем, у зеркал во взгляде
переросло сиянье тел
в страсть непонятную к Няяде
и к рыбьей чешуе. Но сер,
хоть и по-своему наряден,
перенесённый из газет
иль из иной – зеркальной – глади
из камня высеченный стерх...

3

И кое-как, уже невнятно,
угадывалось лиц вдали
иное выраженье. Вряд ли
их для портрета б взял Дали.
«Аптекарь, нет, не нужно яда!»,
поскольку спирт уже налит.
О сциллы, сколько же вас рядом
в миг одиночества харибд.

Москва

Кружева топкие бледной лазури.
Милоть тумана – залог совпадений.
Отмель бульвара надёжна и в сумме –
это заокони. Экая темень –
издали Стикс! Лебединно тоскуя,
выведа белую ослепь метели,
флейта Эола во вьюги Везувий
впишет крыла очертанье – затем ли,
чтоб заалели фески на судьях?
Замысла тайна в окне еле-еле
светится лунно, и намертво сумрак
вечности крест на столицу наденет.

Подземка

Вагона выговор этрусский,
элизиум теней – безлюдье...
Из-под пальто алела блузка
блесной полуденной безлюбо
и с чёрно-белым цветом, вусмерть,
изнанки вензеля Колумба
сплелась вдруг, и неволью узким,
агатовым, на взгляд холодным,
крылом Сивиллы с долгим хрустом
купель забытого Сварога,
вплавь по вагону тьмою сусло
волны той вспененной, короткой,
и от дыханья её пусто
внутри, а вслед – Харона лодка,
под пенье альта и Карузо,
причалит к берегу неловко.

Ангелы

Октавы плоть – незримый Ангел,
внутри лишь музыка одна.
Дом темнотою обезглавлен,
туман, белея у окна,
есть чьё-то забытьё, и правде
всегда привычнее охладь
гранита, чем искони славить
предвечных крыльев Благодать.

Дорогой Николай Алексеевич!
Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Вас с 70-летием!

Русский бунт как подобие Геенны Огненной

За минувшие четверть века усилиями либералов Великая Октябрьская Социалистическая Революция получила другое оценочное название. Она стала русским бунтом и расценивается, как бессмысленный, беспощадный акт насилия, которому нет ни оправдания, ни разумного объяснения, поскольку либеральная мысль не может быть на стороне явления, которое заведомо определено ею как хаос. В этом смысле революция в России не может быть объяснена и тем более оправдана, хотя бы в той степени, в какой оправданы Английская и Французская буржуазные революции, в закономерности которых у профессоров ВШЭ нет никакого сомнения.

Не будем с ними спорить, но заметим, что оба этих понятия «революция» и «бунт» не раскрывают всей сущности растянутого во времени катаклизма, который начался в России в 1905 году, и в наши дни ещё далёк до полного и окончательного завершения. Французская революция продолжалась почти сто лет, а у нас (поскольку была отменена святая святых – частная собственность), она может затянуться и на два века. Сейчас Россия находится на том историческом рубеже, на котором была Франция после битвы при Ватерлоо. Но через пятнадцать лет Париж покрылся баррикадами, затем последовал бунт 1848 года, а за ним, после «эпохи стабильности» Наполеона Третьего, была Парижская Коммуна.

России не избежать нового бунта, потому что причины вызвавшие разрушение СССР не только не исчезли, но даже многократно обострились. И революция 1917 года не выполнила свою главную задачу – создание русского национального государства, основанного на принципе социальной справедливости. В своем теперешнем виде Россия нежизнеспособна. Но у неё есть гигантский

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

ресурс, полностью растроченный государствами Запада, – национальная почва, изрядно загаженная либеральными экспериментами, но ещё способная возродить православно-русскую цивилизацию.

2

Несколько лет назад, работая над романом о Пугачёве, я дважды прочитал его так называемое «следственное дело». По материалам допросов мужицкий царь никак не тянул на фигуру державного размаха. По сравнению со Степаном Разиным он был плюгавым – и ростом, и планами, и духом. Стеньку Разина современники описывают как былинного богатыря, а Пугачёв имел рост два аршина и четыре вершка (около 160 см). Разин желал установить на Руси казацкое народоправство, а Пугачёв объявил себя царём. Атаман на дыбе не проронил ни слова, а Пугачёв оговорил десятки совершенно не причастных к бунту людей. Разин бесспорно велик как народный герой, но замухрышка Пугачёв потряс державу гораздо глубже и основательнее, чем его предшественник. Объяснение этому факту самозванец дал на первом допросе.

В ночь на 15 сентября 1774 г. к офицеру Следственной комиссии Савве Маврину был доставлен арестованный в заволжской степи Пугачёв. По сообщению академика Рычкова: «на первый вопрос Маврина к самозванцу: “кто он таков?”, тот ответил “без всякого запинания, что он – донской казак Емельян Иванов сын Пугачёв”, а на вопрос: “с чего он отважился принять на себя высочайшее звание?”, Пугачёв заявил, что так-де было угодно “Богу, изволившему наказать Россию чрез его окаянство”».

Эти слова за жалкую попытку самозванца свалить свое «окаянство» на Бога я принять не могу, потому что до своего «воцарения» Пугачёв неоднократно был наказан палками и плетью, имел все возможности, но так и не смог оставить свой дерзновенный умысел, и воплотил его в жизнь с настойчивостью охваченного манией неистовства мстителя. Значит ли это, что он принял на себя самозванство под влиянием некой необоримой силы? Мы, конечно, не можем утверждать, что донской казак был воплощением Божьей воли, но должны признать его как выразителя воли народа. Сказано: глас народа – глас Божий. Пугачёв следовал гласу народа, который был для него гласом Божьим. И противиться ему он не мог. Маврину мужицкий царь сказал правду.

3

«Революция есть рок и стихия, – говорит Николай Бердяев («Размышления о русской революции»). – И большевики не направляли революции, а были лишь её послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что её могло бы и не быть и её можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи большевики не помешали. Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание её трагического опыта... Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжёлое заболевание или смерть близкого существа... Революциями Бог карает людей и народы. Рационалистическим безумием нужно признать

всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут её направлять какие-либо более умеренные, разумные партии, жирондисты или кадеты. Это и есть самая неосуществимая из утопий... Революция есть догнивание старого режима. И нет спасения ни в том, что начало гнить, ни в том, что довершило гниение. Спасение может быть лишь в рождении новой жизни...»

В 1917 так и случилось: царь отрёкся от престола, и народ понял, что раз нет царя – то нет и Бога. А когда рушатся сдерживающие народ божественные скрепы, то он становится в одночасье грозной стихией или бунтом, беспощадным, но не бессмысленным. Смысл в русском бунте был, но не такой, о чём врут на каждом углу в наши дни. Революция была беспощадной плавильней, в которой переплавилось всё, что было в России. А смысл бунта заключался в Божественном предопределении самого бунта.

4

Именно этот смысл, а вовсе не партии революционеров, смог раскачать, разогреть Россию до критической точки, чтобы она вся целиком, от «гордого внука славян» до «друга степей» ухнула в кроваво-огненную пучину бунта, как нераскаявшийся грешник в Геенну Огненную. Кто это мог совершить, если не сам Бог?..

Ни Ленин, ни большевики, ни революционный пролетариат не являются причиной бунта, который был, по воле Господа, переходом России из одного агрегатного состояния в другое, подобно тому, как это происходит при превращении графита в алмаз. В бунте рухнули все структурные связи государства, от самодержавия и церкви до семьи, и всё Общественное, Личное и Духовное в человеке подвергалось коренной ломке и перестройке.

Рискну предположить, что и сама Россия в революцию испытала то, что происходит с каждым человеком посмертно перед вступлением в Новую жизнь. Она прошла испытание Бунтом, который вполне может быть приравнен к Геенне Огненной, где по слову апостола Павла «...каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду, у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3:13-15).

Не то ли произошло и с русским народом, «спасшимся... как бы из огня» революционного бунта и обретшим Новую жизнь в социалистической справедливости?.. И вёл народ, к этому огненному испытанию, по прозорливому свидетельству Александра Блока, сам Иисус Христос, «в белом венчике из роз» и в сопровождении двенадцати красногвардейцев.

Либералы большие неженки: они негодуют по поводу гигантских человеческих жертв, без которых не обходится ни одна революция, хотя всегда сами являются зачинщиками социальных потрясений. В Англии и Франции победили буржуазные революции, в которых погибли сотни тысяч людей. Но они привели к власти богатых и поэтому расцениваются положительно. Русский бунт осуждён либералами за то, что он уничтожил частную собственность, безграмотность, экономическую отсталость и превратил Россию в глазах угнетённых народов всего мира в реальный идеал вселенской справедливости.

5

Россия тысячу лет взывала к Божьей Справедливости, но когда та явилась в окровавленном «терновом венке революций», нагая как последняя, конечная Правда, то либералы пришли в ужас, от которого не оправились до сих пор. Ведь это была не та справедливость, какую они ждали для себя, то есть парламентско-либеральная, а ленинская и мужицкая Справедливость, которой благословил Россию сам Бог. Если принять эту точку зрения, то становится понятной причина ненависти Запада к русскому социализму.

Она в том, что там революции совершались во имя Свободы, а не ради Справедливости. Таким образом, западная справедливость возникла из западной свободы, а русская свобода-воля происходит из Божьей Справедливости. Сегодня в России о ней нет и помину. И власть, и либералы насаждают в РФ царство свободы по западному образцу, и этим противопоставили себя Божьей воли, как это уже было в 1917 г.

Посыл времени будущего, полученный человечеством сто лет назад, был столь велик, что его хватило не только на все революции двадцатого века, но и с лихвой достанет на социальные потрясения нашего века.

ПОЭЗИЯ

Светлана СУПРУНОВА

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

Светлана Вячеславовна Супрунова – родилась в 1960 г. в г. Львове. После окончания ленинградского медицинского училища работала медсестрой. В 1985 г. по направлению военкомата уехала в Афганистан. Вернувшись, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 гг. проходила воинскую службу в Таджикистане, затем работала редактором в издательстве «Янтарный сказ», сейчас – начальник редакции научного журнала КГТУ. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, член Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников.

Живёт в Калининграде.

Безжизненными стали вечера...

Падает снег за окошками низкими,
Плавают яблоки в кадке мочёные.
Были мы дальними, стали мы близкими –
Полосы белые, полосы чёрные.

Слева заброшено, справа не кошено,
И по обочинам ягоды спелые.
Словно тельняшка мне под ноги брошена –
Полосы чёрные, полосы белые.

Как беспризорные ветры шатаются,
Чувства нездешние, мысли безродные.
Чёрные полосы часто сливаются
В реки широкие, реки холодные.

Боль не уляжется, боль не отвяжется,
Страшно от грая ворон оголтелого,
И не доплыть мне до берега, кажется,
Дальнего-дальнего, белого-белого.

Водопроводная вода

В страну кисельных берегов,
С её красой живой и яркой,
Хозяин каменных домов
Явился с трубами и сваркой.

Достал Алёнушку со дна,
Прогнал притихшего козлёнка.
Взбодрился – ох и глубина,
Повеселел – что за сторонка!

С водой схватился он – устал,
Шумели вековые ели...
Одели, бедную, в металл –
И потекла, куда велели.

И не бряцал никто ведром,
И поднялась вода до крыши.
Всё ближе звёзды, громче гром,
А плач козлёночка всё тише.

Алёнушка пришла сюда,
Открыла кран с водой холодной –
Её не вспомнила вода,
Навеки став водопроводной.

Всё будет, наверно, как прежде:
Я в комнату робко войду
И, в новой копясь одежде,
Красивое платье найду –

Всё белое, в мелкий горошек,
Я буду как в белом дыму,
И мне не отбиться от кошек –
Я каждую в руки возьму.

А к вечеру туча прибьётся,
И к ночи начнётся гроза,
Уставшая бабка вернётся
И дочери глянет в глаза,

И, ссору учуяв, поддакнет,
С бельём заспешит на чердак,
А мать, похмелившись, обмякнет
И сунет мне старый пятак.

Все годы путёвой купчихой
Я буду копить пятаки –
На домик у заводи тихой
И долгую нежность строки.

А платье? – сниму виновато,
И бабка одёжку с тоской
До праздника спрячет куда-то.
А будет ли праздник какой?

Огонь, вода и медные трубы

Взметнётся пламя выше роста,
И улетит крылатый конь –
Не поверну назад, а просто
Перешагну через огонь.

Пусть испытанье будет дважды,
И я хочу такой лишь путь,
Чтоб, измождённая от жажды,
Смогла ручей перешагнуть.

Я оближу сухие губы.
Куда опять пути ведут?
О только бы, услышав трубы,
Не понимать, о чём поют!

Как получается – не знаю,
Что, чуя дух родных ветров,
Опять дорогу выбираю
Вдали от храмов и крестов.

Намаявшись по белу свету,
Я в край попала, да такой,
Где с небом сходится по цвету
Мечети купол голубой,

Где Бог сменил свои уборы –
Венец терновый на чалму.
Не загораживают горы
Лампад таинственных в дому.

Восток Руси моей не прячет,
А добавляет в грудь тепла,
Но молится, как будто плачет,
О чём-то горестно мулла.

И эхо катится, рыдая,
И я смотрю туда, где Русь,
И, за муллой не попевая,
Словами русскими молюсь.

Берега

Слышу, слышу: там снова запели,
Песня длинная, ночь – коротка.
В такт тихонько качаются ели,
Мне б туда, но мешает река.

Брызжут музыкой ветры сухие,
Этих слов разобрать не могу.
Будут петь до зари – кто такие,
Что за племя на том берегу?

Извелась, все глаза проглядела,
Вышибает слезу каждый звук.
Строить мост – безуспешное дело:
Им не надо, и нам недосуг.

Залит берег таинственным светом.
Берега не приблизить мостом.
Потому-то и плачут на этом,
Если песню затянут на том.

Доев ломоть последний хлеба
И плоть свою вернув земле,
Я всё же дотянусь до неба,
Повиснув на одном крыле.

И знаю, это может стать:
Всегда тоскуя о былом,
Я в землю буду упираться
Другим – опущенным – крылом.

Мне не стоять перед божницей,
От музыки небес не млеть,
Я буду век распятой птицей –
И не упасть, и не взлететь.

Фотография

Альбомы девочка листала,
Искала что-то без конца,
По фотографиям лишь знала
Она беспутного отца.

Какая горестная сказка,
Какие муки по отцу,
И тонкий пальчик, как указка,
Скользил по гладкому лицу.

И детский взгляд, с рожденья кроток,
Всё снимки жёлтые ласкал,
Искал небритый подбородок,
Глаза потухшие искал.

Она над карточкой молчала,
Водила пальчиком в конце –
Как будто слёзы вытирала
На этом глянцевои лице.

Я пригрелась во сне и в тепле
С полусонными вышла глазами,
Улыбнулась весенней земле,
Перепутав её с небесами.

Поклонилась старухе седой,
Перепутав её со святою.
Взгляд её, отдававший тоской,
С тяжкой памяти, видно, не смою.

Я тот взгляд через годы несла,
Мимо сытых и праздных тащила,
Я свой розовый сон прокляла
И земную тоску возлюбила.

От высоких небес отвернусь,
Выйду в поле, пропахшее хлебом.
О, моя горемычная Русь,
Почему ты обижена небом?!

Сердце

Чья-то тень мелькнула впереди,
Втянутая в зимнюю усталость.
Сердце от неё лежать осталось –
Видно, ветер вышиб из груди.

Замерла на несколько минут,
Даже не расстроившись нисколько,
Человека выпавшая долька
Верила: за ней сейчас придут.

Но никто не шёл сквозь темноту,
Ветер разгулялся, словно бредил,
Видимо, хозяин не заметил
Под лопаткой левой пустоту.

Безжизненными стали вечера,
Покрыты пылью старые ступени.
Исчезли люди, жившие вчера,
Исчезли, не оставив даже тени.

За несколько отчаянных минут
Весёлая планета опустела,
И только я одна зачем-то тут
Ненужное несла куда-то тело.

Как хищница набрасывалась тьма,
И на меня из камня и металла
Всё наступали полчищем дома,
Я в переулках, падая, петляла.

Неслась, о всём на свете позабыв,
Нечёсанной, испуганною куклой,
И всё ждала, что рядышком – обрыв,
Но, как назло, была планета круглой.

Борис РЯБУХИН

Державин – гордость державы

Гаврила Романович Державин (1743–1816) – знаменитый поэт России, продолжатель М.В. Ломоносова. Державин – предтеча А.С. Пушкина. Это подтвердил он сам, сказав после прочтения 15-летним Пушкиным на лицейском экзамене «Воспоминания о Царском селе»: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин...».

Впоследствии Пушкин отдался за эту похвалу и сказал в восьмой главе «Евгения Онегина»:

*Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

Портрет Г.Р. Державина.
Худ. В.Л. Боровиковский, 1811 г.

Борис Константинович Рябухин – русский поэт, драматург, переводчик. Родился в 1941 г. в с. Зимник Фрунзенского района Волгоградской области. Окончил Астрыбвтуз и ВГИК. Работал инженером на Алтае, в Астрахани и Москве. С 1969 г. работал журналистом и редактором. С 1973 г. – член Союза журналистов. Автор восьми очерковых книг. С 1986 г. – член Союза писателей. Автор 13 книг стихов, прозы, драматургии. Особое место в творчестве Бориса Рябухина занимает трилогия драматических поэм «Степан Разин», «Кондрат Булавин» и «Император Иван», над которой он работал более 30 лет. В 2002 году Государственный Донской казачий театр (г. Волгоград) поставил по мотивам его пьесы спектакль «Кондрат Булавин». Живёт в Москве.

И, право, не хочется, после этих известных слов – о стыковке Великого Поэтического Русского Пути – думать о том, что встреча юного поэта тогда, в Лицее, должна была состояться с Василием Жуковским, а судьба повернулась по-другому. Но перепало любви юному Пушкину и от Василием Жуковского. Осталась в литературной памяти историческая фраза Василия Жуковского, написанная им на оборотной стороне подаренного портрета Александру Пушкину: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

В 2013 году исполняется 270 лет со дня рождения Г.Р. Державина. Духовные оды Г.Р. Державина – это великое наше богатство. Каждая ода – ступенька к славе. Громкую известность Державину доставила ода «На смерть князя Мещерского» (1779). Ода «Фелица» (1782) о Екатерине Великой сделала Державина известным и любимым при дворе. Хочется привести две строфы из этой оды, чтобы вспомнились потом «кайсацкие» метафоры поэта.

*Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, –
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.*

*Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненья
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мягась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.*

Ода «Вельможа» (1794) – рисует идеал истинного величия. Правда, за положенную, но чрезмерную лесть в одах Державину приходилось даже публично отвечать. Например, в оде «Видение Мурзы» (1783) Державин, оправдываясь, объясняет, что поэт не безотчётно воспевал императрицу и деятелей её царствования.

Но истинный поэт старался вырваться из канонов. Так, ода «На рождение в севере порфирородного отрока» своей игривой лёгкостью резко выделялась из массы обычных торжественных од и отражала лучшие стремления своего времени. Ода «Властителем и судиям» (1780) была написана в подражание псалму и замечательна по смелости и силе. Она чуть было не навлекла на поэта немилость императрицы. Написание белыми стихами оды «На присоединение Крыма» (1784) для своего времени было такой смелостью, что Державин в особом предисловии вынужден был оправдываться и объясняться. Зато знаменитая ода «Бог» (1784) в ряду духовных од Державина явилась высшим проявлением его таланта. Она была переведена на немецкий, французский,

английский, итальянский, испанский, польский, чешский, латинский и японский языки. И если даже не помнят других стихов Державина, почти все поэты примеряют на себя слова из этой оды: «Я царь – я раб – я червь – я Бог!» – ведь это целая судьба творца, весь смысл жизни поэта. Особенно важной новизной в одах Державина был «забавный русский слог».

Державинский язык удивительно звучен. Так, «Ода на смерть князя Мещерского» с первых же строк поражает гулками и звенящими строками, как будто воспроизводящими стук маятника, отмеряющего безвозвратно уходящее время:

*«Глагол времён! Металла звон!..
Твой страшный глас меня смущает...».*

Не менее неожиданна и концовка оды. Традиционная классицистская система ценностей всегда ставила общественные, государственные интересы выше личных. Державин, однако, заканчивает свои возвышенные размышления о бренности земной жизни удивительно личными, идущими из глубины души строками:

*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой её себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благославляй судеб удар.*

Никто в то время из отечественных поэтов не говорил таким языком, каким часто выражался Г.Р. Державин, «соображаясь» с народным бытом, нравами и обычаями.

За свою жизнь Г.Р. Державин достиг многого: он был сенатором, министром и дерзал спорить с царями. Но много было министров, сенаторов, статс-секретарей, а он всё же был один – поэт Державин. Требовательный критик Виссарион Белинский писал: «Можно сказать, что в творениях Державина ярко отпечатлелся *русский XVIII век*». Однако, как всегда, добавил яду: «Лишённый всякого образования, не зная французского языка, Державин не был слишком причастен ни нравственной порче, ни истинному прогрессу того времени и в сущности нисколько не понимал его. Хваля добро того времени, он не прозревал связи его со злом и, нападая на зло, не провидел связи его с добром».

Что можно сказать на это? «Хвалу и клевету приемли равнодушно».

А время считает себя вправе поправлять и великих критиков.

За 47 истинно духовных од Г.Р. Державина его подражатели и продолжатели-поэты написали венок стихотворений, посвящённых своему кумиру, подтверждающих, как его современники и потомки дорожили его поэтическим наследием. Так что, в стихотворении «Памятник» (1796, подражание Горацию) Державин правильно предрёк свою творческую судьбу – не ошибся. (Как после него в своем переводе «Памятника» и Пушкин).

Вот несколько подтверждений из державинского стихотворения:

*Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;*

*Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.*

Важно отметить, что Державин не только родился и учился в гимназии в Казани, но до конца жизни любил как и Россию, так и родину своих предков – Казань, где поставлен ему первый памятник. Вот его признание: «Звучи, о арфа, ты всё о Казани мне!» Это отмечено и в заглавии его «Оды на всерадостное бракосочетание великого князя Павла Петровича», сочинённой «потомком Атиллы, жителем реки Ра» (1773). Вот откуда и «кайсацкие» метафоры.

Татарское происхождение льстило воображению поэта и «доставляло ему поэтическую прикрасу». Один из его предков, мурза Багрим, выехал из Большой Орды и поступил на службу к российскому государю Василию Тёмному. За честную службу ему были пожалованы земельные владения. От Багрима пошли другие поколения, и один из его потомков получил прозвание Держава. Так называли монголы тогда свои великие владения. Тоже, поди, им было за Державу обидно, когда она распалась. И Казань осталась право-преемницей города Булгара – столицы Волжской Булгарии, бывшей улусом Золотой орды.

Свою службу Державин и начал в Казани, и вскоре дворянскому роду Державиных стали принадлежать земельные владения на берегах реки Мещи.

К сожалению, стихи великого Державина давно не издавались. А современники должны знать о таких выдающихся классиках отечественной литературы.

Имя Державина, «отца русских поэтов», не забыто Россией, и оно будет жить, пока звучит на свете русская речь, пока думают по-русски, пишут и издают на русском языке замечательные стихи.

ПОЭЗИЯ

Евгений КАПУСТИН

Евгений Александрович Капустин – родился 19 сентября 1984 г. Окончил Санкт-Петербургский Государственный Морской Технический университет. По специальности – сервис-инженер систем автоматизации морской техники. Поэт, прозаик, драматург, переводчик сербской поэзии. Редактор-составитель международного сборника современной духовной поэзии «ОТЗВУКИ НЕБЕС». Куратор международного культурного проекта «ОТЗВУКИ НЕБЕС». Живёт в Санкт-Петербурге.

Земля отцов и дедов

Русь

Над вечным покоем незримы
Ворота в небесный чертог,
Где славу поют херувимы,
И нет ни скорбей, ни тревог.

Где слово молитвы сплетают
И голос безвинных кровей,
Из русской земли вырастают
Шершавые стены церквей.

Касаясь небес куполами,
Обители тихих святынь
Хранят животворное пламя,
Что выльется золотом в синь.

Лучами предвечного света
Проснётся туманная даль, –
И вечность любовью согрета,
И тает в молитве печаль!

Здесь дух необъятен и волен,
Здесь слово – и свет, и гроза,
Дыхание – звон колоколен,
А лица – почти образа!
Здесь судьбы, меняясь местами,
Горят как лампы во мгле.
Здесь, смерть побеждая крестами,
Стоят небеса на земле!

Памяти событий в Абхазии и Южной Осетии 8.8.2008

Разрушен дом, разрушен храм,
И в сердце мира нет.
Душа подарена ветрам,
В глазах – потухший свет...

Добро и зло – един покой,
И золото, и медь...
Уже не важно, чьей рукой
Орудовала смерть.

Уже не важно, чья вина,
Утихнут боль и страх.
Но для того ли жизнь дана,
Чтоб превратиться в прах?

Но разве тем, кого здесь нет,
Теперь нужна печаль?
Они теперь превыше бед,
Но всё же очень жаль...

Здесь жизнь одна и смерть одна,
Надежда – как веноч.
Здесь вера каждому дана,
Что он не одинок!

Нам снова встреча предстоит,
Потеря – краткий миг!
Никто не мёртв и не забыт,
Над всеми – Божий лик!

Восток или запад (Памяти жертв терактов в Москве)

1223

Туманы, туманы...
Застывшая мгла...
Степные курганы.
Под сердцем стрела.

Кинжалы кривые,
С востока орда –
Но снова живые
Встают города!

1941

Туманы, туманы...
Тяжёлая мгла...
Кровавые раны,
И дым, и зола,

И с запада в чёрном
Вползал новый страх –
Но знаком позорным
Лишь стал он в веках!

2010

Туманы, туманы...
Звонящая мгла...
Сегодня так рано
Земля приняла

Спешащих, беспечных,
В мечтах и трудах,
Случайных и встречных
В тех двух поездах!

Молили, просили...
Не сон, но кошмар –
Под сердце России
Кинжальный удар!

Ведь это реально,
Ведь это война!
Но нет, не фатально,
Очнётся страна

От мирных иллюзий,
От сладостных слов,
От штатов и грузий
Лукавых послов!

Страна не убита,
Но рана болит.
«Ничто не забыто,
Никто не забыт!»

Минута, чтоб плакать,
Героям дана.
Восток или запад –
Россия одна!

Родина

Я приеду, а там всё по-прежнему –
Та же ясная тихая грусть,
И открыта простору безбрежному
Деревянная милая Русь.

Я увижу святое и вечное –
Ту былинную даль на заре,
Сердце лёгкое, сердце беспечное,
Покосившийся крест на горе...

И тропинки в лесу незаметные,
Воздух сладкий, прохладный, сырой,
На болоте поляны заветные
И деревья с шершавой корой...

Возвратившись, увижу всё прежнее,
Ту же светлую грусть в тишине;
И родное, прекрасное, нежное
Что-то снова проснётся во мне!

Святая Русь

Пускай сгустилась темнота –
Зажгутся в храме свечи.
Подохнут черти от поста,
И Русь расправит плечи!

Душа народа вся в огне,
Но не сгорит дотла.
Таится чудо в глубине,
Где даже боль светла...

Ничто не вечно – ну и пусть
Кипят под небом страсти...
Пока стоит Святая Русь,
Не будет бесу власти!

На мир глядят из века в век
Глаза святых икон...
Застыл в молитве человек –
И дрогнул адский трон!

Не инок, даже не старик,
Он просто Божий вестник.
Всё небо слышит его крик,
Блестит нательный крестик...

В груди трепещет кровь, стуча:
«Борюсь! Борюсь! Борюсь!»
Горит спасительно свеча,
Стоит Святая Русь.

Земля отцов и дедов

У неба на пороге,
У Господа в руке.
Всё времечко в дороге –
А цель-то вдалеке...

Минутами сурова,
Минутами добра;
От Спаса до Покрова
Сегодня, как вчера,

Воскресшая – убита,
Распятая – жива!
И ангелы ей – свита,
И крылья – рукава.

Из грязи и объедков
Богатство наскребли;
По воле наших предков
Стоят монастыри.

Обеты – дань природе,
Вериги – словно пух,
И схима – путь к свободе,
Которой жаждет дух!

Молитва – труд великий,
Его не увидеть...
Но сквозь Святые лики
Струится благодать!

Земля отцов и дедов,
Святая наша Русь,
Свет радости изведав,
Приняв и боль, и грусть,

Воскресшая – убита,
Распятая – жива!
Святыми знаменита,
Ей слава – как трава...

Завещана отцами
Сурова благодать:
Терновыми венцами
Блаженных награждать.

Душа стремится к небу
От стен монастырей.
Сыны свершают требу
Слезами матерей.

Пусть знает неприятель:
Оберегают нас
Святые, Богоматерь,
Нерукотворный Спас!
Тревожный зов набата
И благовеста звон...
Бедна или богата;
Прошедшее – как сон.

России дух великий
Врагу не обуздать!
Ведь сквозь Святые лики
Струится благодать!

В. Блаженный

По периметру Третьего Рима бродил,
Узнавая себя в пустоте отражений,
Ожидая, когда протрубит Гавриил,
Расставляя надежды, как будто мишени.

Волей-ворогом клятый, в кирпичной стене
Находил уголки, где не харкали кровью,
И в безбожно святой трижды смертной стране
Мимо лобного места ходил к безголовью.

Купола увенчавший распятым собой
Разговаривал с ним сквозь монетные звоны:
«И цари, и народы с великой судьбой –
Всё становится пылью на лике иконы».

Город царей и поэтов

Светозарная воля рассветов
Будит изредка эти места...
Это город царей и поэтов,
Здесь не может не жить красота!

Он мятежной рукой демиурга
Из трясины подъяет к небесам.
Дух бессмертного Санкт-Петербурга
В каждом сердце творит чудеса!

Даже в бурю деревьев поклонны
Для кого-то замолят грехи.
Сочиняют здесь музыку волны,
И дожди здесь диктуют стихи;

И сгущается сумрак в чернила
Гениальных пророческих книг.
Если Небо душа не забыла,
То вернёт себя к святости вмиг!

В каждом жителе – новая тема;
Для него – миллионы идей!
Город-сказка и город-поэма,
Петербург сочиняет людей!

Земной осколок рая

В гранитность белой ночи
Врезается Нева.
Разорван город в клочья.
Всплывают острова.

Стремятся к небу шпильи,
Лучи – к земле в ответ.
От небыли до были –
Всего лишь тихий свет!

Укрывшийся от взоров
Шпалерами дождей,
Неужто этот город
Построен для людей?

Два ангела, взирая
С обоих берегов,
Земной осколок рая
Спасают от врагов.

Разбудит город сонный
Подснежников наряд,
Ростральные колонны
Зажжёт горящий взгляд,

То место, где ночами
Безумствуют ветра,
Откроется ключами
Апостола Петра!

Придёт пора – и город
Вдруг вознесётся ввысь!
И рай придётся впору
Всем, в ком сердца зажглись!

Живые, пойте о нас! Кронштадтский десант 1941 г.

Лишь погасли лучи заката –
Мы отправились из Кронштадта
В ночь на пятое октября.
Надвигается катастрофа,
Но на пристани Петергофа
Мы пришли не зря!
Мы пришли не зря!

Нас пятьсот моряков-балтийцев,
Здесь армадой стоят убийцы;
Принимаем неравный бой.
Скажет немец потом порою:
«Есть на русской земле герои!
Россию закроют собой!
Россию закроют собой!»

С детства помнится... всё так странно:
В Нижнем Парке – цветы, фонтаны,
Монплеизир и дворец Марли...
Выбить, выдавить оккупанта –
Это главная цель десанта!
Но сегодня мы не смогли...
Но сегодня мы не смогли...

Для фашистов был день счастливым:
Мы отрезаны от залива,
Мы остались совсем одни!
Где патроны и где гранаты?
Кто поможет нам из Кронштадта?
Светят дальние огни...
Светят дальние огни...

Мы дерёмся вторые сутки!
Остаётся нам две минутки, –
В рукопашный пойдём сейчас!
Знаем точно, что не прорвёмся;
Умираем, но не сдаёмся!
Живые, пойте о нас!
Живые, пойте о нас!

В ночь на 5 октября 1941 года отряд из 510 моряков-балтийцев высадился в районе пристани дворца Монплеизир в Нижнем парке Петергофа и в Александрии. Десантники должны были отвлечь на себя силы врага, выбить его из Петергофа и развить наступление навстречу частям 8-й армии, сражавшимся на Ораниенбаумском плацдарме. Ожесточённые бои шли несколько дней. Краснофлотцам удалось сделать проходы в проволочном и минном заграждениях и, развернув наступление, прорваться в Нижний парк, отбив у фашистов несколько объектов, среди которых были Эрмитаж, Марли и Монплеизир. Однако на следующий день немцы начали обхватывать десантников в кольцо и отрезали их от залива. Наши корабли несколько раз пытались подойти к берегу, но из-за сильного артиллерийского и миномётного огня сделать это не смогли. У десантников к тому времени закончились все боеприпасы, и они стали сражаться врукопашную. Отряд погиб почти полностью.

Уже в наши дни во время работ в Нижнем парке были найдены две алюминиевые фляги с предсмертными записками, полными трагизма. В первой было написано:

«Люди! Русская земля! Любимый Балтфлот!
Умираем, но не сдаёмся. Патронов нет.
Убит Петрухин, дерёмся вторые сутки.
Командую я. Патронов! Гранат! Прощайте, братишки!
7 окт. В. Федоров»

Вторая записка была очень краткой:

«ЖИВЫЕ, ПОЙТЕ О НАС
МИШКА»

Сила проявленного слова, или торжество графомана на премиальной вакханалии

Писательский труд – это вдохновенное подвижничество

Захлестнула Россию-матушку широкая и мощная волна литературных премий и конкурсов... Так захлестнула, что впору уж и выныривать... Действительно, пора бы, да только вот несёт эта волна расейских литераторов всё дальше и дальше от истинного творчества, от кропотливого труда, от вдохновенного подвижничества. Ведь писательский труд как раз и совмещает в себе всё это, да только где оно нынче?

Вместо истинного творчества – жалкие поделки, вместо кропотливого труда – романчик, сляпанный за месячишко, вместо вдохновенного подвижничества – холодный прагматизм. И дело не в том, что книгу нельзя написать за два месяца, как раз таки можно, но если ей предшествовала долгая, длиною в жизнь внутренняя работа, накопление бесценного опыта, то есть то, что называют инкубационным периодом.

Да только всё меньше мы наблюдаем сегодня появление таких книг – выстраданных, одухотворённых, зовущих нас к высоким истинам. Зато всё чаще мы видим на прилавках крикливые книжонки, ярко раскрашенные, безвкусно свёрстанные, с броскими рекламными слоганами, рассчитанные на потакание дурному вкусу. Но у авторов этих книг есть важное преимущество на рынке книжной продукции – хорошо организованная пиар-кампания.

А вот у талантливого писателя, задумывающегося о непреходящих ценностях, чаще всего, ничего этого нет. Дело в том, что он, не сумев или не желая вписываться в мир новых либерально-демократических ценностей, трудится где-нибудь учителем русского языка и литературы или

Любовь Владимировна Рыжкова – родилась в Туркмении, в г. Небит-Даге. С отличием окончила факультет русской филологии Туркменского государственного университета им. А.М. Горького в Ашхабаде, защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор четырёхсот публикаций, из которых 30 – книги и монографии, педагог, основатель научной школы по русскому языку и развитию речи, в настоящее время – проректор вуза по научной работе.

Живёт в Рязани.

вычитывает чужие ошибки в газете, получая при этом крохи на поддержание биологического существования, да на то, чтобы иной раз купить в местном книжном магазине хорошую книгу. С теми, у кого появился тугой кошелек в результате приватизации, он не знаком, потому что круг его приятелей такой же, как он сам. С олигархами он дела не имеет, не пересекаются их пути-дорожки, и ему не до куршавельских радостей. Ведь он не то что в Куршавель, к родственникам в деревню едет и думает, как бы ему обхитрить контролёра в электричке и сэкономить двадцать рублей. Но кто его за это осудит?

Он ведь не воровал вагонами, не скупал за копейки землю, не приобретал акции ведущих предприятий, не присваивал себе народное добро и не поджигал лес, чтобы потом его срубить на корню за бесценнок. Не заимел он и собственной нефтяной скважины или скромный золотой прииск. У него таких денег нет, он с трудом находит их даже на то, чтобы поменять забор на собственной дачке с пресловутыми шестью сотками.

Но зато у него есть талант, о котором никто не знает, кроме двух-трёх его ближайших друзей. И после трудового дня он не на диванчике полёживает, а сидит за столом и пишет свои, может быть, и бессмертные произведения. Вы думаете, таких неизвестных писателей у нас нет? Думаю, что есть, просто миру они ещё неизвестны.

То ли такова судьба таланта в России, то ли здесь действуют непознанные доселе мировые законы, то ли страной нашей управляют какие-то инопланетяне, спаси и охрани, Господи... Иначе как объяснить то, что происходит в литературном мире?

А литературный мир давно в раздразе, союз писателей распался на этикетные кучки, государственные издательства перестали существовать, журналы уже не имеют той воспитательной и направляющей роли, какую они когда-то выполняли. Причём, западно-либеральных журналов у нас пруд пруди, а славянофильско-почвенных – днём с огнём не сыщешь. Писатели выживают, как могут, их профессиональная состоятельность теперь под сомнением у нашего государства, так как профессиональный писательский союз теперь, как известно, общественная организация. И никакой защиты, никакой помощи, никакого доброго участия от родного отечества.

И стоит он, бедный, обдуваемый всеми литературными ветрами, и думает с тоской о том, как ему выжить...

Лауреат, не хрен собачий...

Зато всё чаще то тут, то там появляются различные фонды и фондики, объявляющие вдруг литературные конкурсы, хотя никакого отношения к литературе они не имеют вообще. Правда, в числе учредителей таких премий появляются литературные имена, но это лишь, как говорит М. Задорнов, для заманухи. И братья-литераторы, не избалованные длинным рублём, с головой бросаются в эти конкурсы и, кстати, далеко не все из них бросаются за рублём, а для того, чтобы хоть кто-то их услышал. И может быть, поддержал, оценил, сказал доброе слово...

Но талантливый писатель очень часто всего этого не имеет – ни рубля, ни признания, ни доброго слова. Более того, он не имеет даже трибуны, какой-то своей площадки для выступлений. А если таковая находится, то искать организаторов ему надо самому. Вот и приходится ему становиться

собственным арт-директором, продюсером и менеджером в одном лице. Но ведь не все на это способны. Да и скажите на милость, разве это – писательское дело?

В советские времена конкурсов было не так уж и много, а если и были – то все они являлись государственными. Никто не идеализирует былые времена, и тогда было активное проталкивание своих и выталкивание чужих. Но то, что те конкурсы были весомее, спорить никто не станет. Нынче же конкурсы следуют за конкурсом нескончаемой чередой – один заканчивается, другой начинается, третий объявляется, четвёртый держится в уме, появились даже специальные сайты, которые следят за конкурсно-премиальным процессом в стране. Какая-то премиальная вакханалия у нас происходит или, скорее, графоманская мистерия, где никто ничего уже не понимает. Или наоборот, прекрасно понимают, особенно объявляльщики конкурсов, те самые держатели фондов, владельцы «заводов, газет, пароходов». Понимают это и те, кто возле них крутится, а как же... место-то хлебное...

А не понимают это лишь люди несведущие, со стороны, так сказать, та самая публика-дура, которая, не зная истинных пружин, чувствует лауреатов. А лауреаты у нас нынче плодятся, что кошки.

И никто вроде бы даже не задумывается, что это – профанация литературного труда, и что за этими конкурсами стоят определённые люди, одни из которых желают свои деньги... нет, не просто отдать или подарить, а «отмыть», а другие – на этом их желании неплохо заработать.

Самое удивительное, что участвуют в этих конкурсах чаще всего не те, кому позволяют их способности, а те, у кого есть пронырливость и острые локотки или либерально-демократическое рыльце, что, как известно, в пушку.

Конечно, среди этого церемониально-премиального изобилия есть и стоящие конкурсы, имеющие серьёзные и честные цели – найти талантливых людей. Но ответьте мне искренно, дорогие мои коллеги, много ли вы знаете таких конкурсов? И разве вы сами не мечтали о таком честном соревновании? Разве вы не желали бы в таком участвовать? И разве вам не вспоминаются прочитанные рассказы о поэтических состязаниях, какие проводили древние? Правда, сейчас нечто подобное пытаются устраивать, да только и здесь голоса подтасовываются, так что здоровая идея выхолащивается на корню. И на поверхности вновь остаются всё те же пронырливые графоманы, либеральная пена и молодая поросль с тем же душком.

Собственно, а чего ещё им делать? Надо же хоть чем-то заполнять свою жизнь, вот они и пописывают стишки, рифмуя *любовь-кровь, сапог-полусапог*. Но, как говорил один поэт, это лучше, чем стёкла бить. Вот они и стараются, пыхтят, из кожи лезут вон, рифмуют, как говорится, «работают над словом».

Кстати сказать, это затёртое выражение сразу же изобличает графомана, потому что ни один серьёзный писатель никогда не скажет о себе подобное. Он просто будет пахать в тишине и вряд ли ему захочется об этом распространяться, потому что только он один знает, как он лично работает над этим самым словом и как физически тяжёл писательский труд, как у него затекает спина, начинает болеть шея, иногда сводит руки, портится зрение... Какой усидчивостью надо обладать для того чтобы написать книгу, какое терпение надо иметь, чтобы сто-двести-триста раз заглянуть в словарь, какую выдержку надо выработать у себя, чтобы переписать произведение раз этак пятьдесят-сто. Но это – его личная кухня, зачем же о ней говорить громко?

Пусть читатель, беря книгу в руки, думает: ах, как здорово она написана, а главное, так просто! Да этак и я смогу... Подумаешь – «Жил-был поп, толконный лоб...»

А ты смоги... попробуй...

Но графоман этого не понимает, он любит поговорить о своём труде, о так называемой «творческой лаборатории». И этим, как говаривал классик, бывает приятно занят всю жизнь.

Ну, напишет он за свою жизнь пяток-другой книжонок крошечного формата. Какие тут знания? Какие глубины? И какой полёт творческой мысли? Посидит он себе дома денёк с этими книжонками, а на следующий побежит ими трясти как необыкновенным достижением. А тут тебе и конкурс, где все такие же, как он. И вот она – плодотворная среда для его процветания, для возвращения его бесталанности и даже культивирования его амбициозной и агрессивной бездарности. Но ведь это же страшно, что у нас появилась среда для культивирования бездарности! До чего же мы дожили, дорогие мои русские литераторы!

Так и кочуют графоманы из одного конкурса в другой, трясут своими копеечными книжонками, изданными в каких-нибудь затрапезных типографиях и гордо именуя их книгами...

И награждают, и награждают друг друга медальками, грамотками и дипломами, и всех без исключения именуя лауреатами. А потом, наверное, в тишине собственных подслеповытых малогабаритных квартирок составляют свой послужной список из лауреатских званий. А как же? Графоман себя этим тешит, ведь он – лауреат, не хрен собачий...

Кто у нас только нынче не ходит в лауреатах, эх...

При этом я вовсе не говорю, что талантливый человек не может иметь такую же крохотную книжку, конечно, может, потому что он рад любому изданию. Точно так же удачливый графоман, найдя спонсора, может издать роскошную книгу, но при этом она останется такой же бездарной, как и все его предыдущие сочинения. Но я толкую о том, что *и тот и другой хорошо понимает степень собственной значимости* и веса в литературном мире и верно оценивает свой вклад в мировую литературную копилку. И мне почему-то думается, что человек талантливый вряд ли будут трясти книжонкой, да ему и некогда, он скорее за другой труд примется, а вот бездарь все свои усилия сосредоточит на продвижении своего труда. Для этого ему и нужны и тусовки, и конкурсно-премиальные церемонии, больше напоминающие толкотню около кормушки.

Литературоведение и литературоведение

И ещё несколько слов хочется сказать о современной науке о литературе. Есть ли она сегодня вообще? Бывая на различных научных конференциях, международных конгрессах, писательских форумах, можно наблюдать ужасающую картину *оскудения мысли*, и это – уже тенденция. Всё меньше ярких и запоминающихся своей оригинальностью выступлений и всё больше – серых, безликих, непрочувствованных, лишённых личного отношения. Элементарное и банальное преподносится как нечто выдающееся и оригинальное, собственных же открытий и исследований чрезвычайно мало.

До отвращения противно поклонение недоумков – кому бы то ни было, слепое, с придыханием, непрочувствованное, неличное, а так сказать, массовое,

с чужого голоса, заимствованное и подслушанное у других. Дескать, как все – так и мы. Сказано о ком-то – хороший поэт, значит, надо его славословить. Сказано – талантливый, значит, будем дудеть в одну дуду. Тошно...

А где свой собственный взгляд – незамутнённый, чистый, не отягощённый чужими эмоциями? И своя позиция – выстраданная, доказательная, честная? И где свои слова – те, что не вычитаны в многочисленных бестолковых книжках, а идущие из глубины души, от сознания значимости того или иного поэта не только для общества, но и лично для нас?

Таких слов и таких книг – почти нет. А те, что есть, почти все – как под копирку...

И мне давно уже хочется сказать, что есть литературоведение и есть литературоведение, последнего, к сожалению, всё больше. Изучение творчества того или иного писателя – процесс кропотливый, трудоёмкий, но очень увлекательный. А самое главное – тот, кто этим занимается, должен и сам соответствовать высочайшим требованиям. *Масштаб личности исследователя должен соответствовать масштабу личности исследуемого.* Конечно, это достижимо крайне редко. И вполне понятно, что идеальный вариант – В.Г. Белинский анализирует работы А.С. Пушкина, Д.И. Писарев размышляет о творчестве И.С. Тургенева. Но не всякий литературовед – В.Г. Белинский и Д.И. Писарев, для этого нужно обладать писательским талантом, глубокими знаниями литературы, широким кругозором, занимать определённую позицию, а самое главное – иметь повышенные эстетические требования к миру и этические – по отношению к самому себе. И ещё очень важно что-то иметь в своей душе, чтобы было, о чём говорить.

Дело даже не в проявлении уважения к личности исследуемого, это само собой разумеющееся, а в том, чтобы это исследование не превращалось в разжёвывание давно разжёванного, в обмусоливание того, что всем давно известно. А то ведь выберет иной такой литературовед какое-нибудь стихотворение и давай его рассматривать под лупой, что значит то или иное слово, да зачем здесь употреблено настоящее время, а зачем будущее. И дело вовсе не в том, что этого делать не следует, а в том, чтобы этот анализ нам что-то давал в понимании творчества писателя. А если этот анализ ради анализа, ради заполнения страниц будущей диссертации, то это не что иное, как пустота. И такой пустоты нынче много – и на страницах, и в устных выступлениях. Нечего человеку сказать, вот он и тщится... Но слушать-то его тошно!

Иногда, слушая выступления таких литературоведов, хочется вжаться в кресло, закрыть уши, но вы вынуждены делать вид, что продолжаете слушать, потому что высказать как-то своё отношение к докладчику практически невозможно и уйти невежливо. Вот и сидим, и терпим, пока этот бред льётся на наши головы.

Бедные наши классики, сколько на них сделано и делается денег, сколько написано нелепых околонуточных работ, сколько людей имеют рабочие места благодаря тому, что они жили на земле и творили для вечности! И сколько графоманов толкуются около них, чуя, что их творчество – вечно живой родник, источник, благодатная почва.

Мне бесконечно жаль поэтов, закончивших своё земное бытие и ставших впоследствии объектом для препарирования такими горе-исследователями. Они, нисколько не задумываясь, бесцеремонно вламываются в их жизнь, под лупой изучая её чуть ли не до каждого дня (жаль – не часа), выискивают

любимых женщин, мужчин, родственников, друзей, близких, знакомых, отыскивают ничего не значащие для общего творчества неопубликованные строки, письма и так далее.

И если бы они действительно восстанавливали канву жизни, они же, не боясь греха, самоуверенно судят о пристрастиях поэта, о его склонностях, окружении и даже о том, что поэт хотел сказать той или иной строчкой...

И при этом они думают, что сказали что-то важное, оттого и пыжятся от сознания своей учёности.

И я неправа в том, что назвала поэтов бедными, они-то как раз богатые, по-настоящему богатые, а бедные – те, кто около них трётся. Невольно вспомнишь цветаевские строчки – «То-то к пушкинским избушкам лепитесь, что сами – хлам».

Но благо, есть и другие исследователи – честные, даже отважные, не боящиеся идти своим путём, лишённые какой бы то ни было корысти. И думается, такие будут находиться у нас всегда, их словно выносит на поверхность само Провидение, чтобы не погибла Литература, чтобы она оставалась искусством вечно живого русского слова.

И всё-таки... когда же закончится это торжество графомании на литературном поприще, когда же о писательском труде у нас вновь будут говорить высоким штилем, и когда бездарное сочинительство уступит место вдохновенному подвижничеству? Трудно сказать, я и сама в этой круговерти, прости нас, Господи...

Закон проявленного слова

Написала я эту статью, а теперь думаю: эх меня развезло! Развела бодягу про писательскую бедность, ещё бы вспомнила, что вот в советские времена, дескать, было иначе, и писатель был человек уважаемый. Его в Кремле принимали, дачки в престижных местах давали, ордена вешали, в специальной поликлинике обслуживали, а самое главное – денежки ему так и сыпались. И гонорары были далеко не символическими. Ну, что ж... никто не спорит, много было хорошего и доброго, да только всё ли?

И дело вовсе не в этом, а в том, что во все времена были богатые и бедные. Собственно, богатство и бедность – это состояние души. Как известно, можно быть богатым, имея совсем небольшие деньги, а можно и при миллионах чувствовать себя несостоятельным, а заодно и несчастным.

Кроме того, бедный вовсе не значит честный, а богатый – далеко не всегда синоним жулика и мерзавца. Часто бывает и вовсе наоборот, когда бедный бывает жуликоватым, а богатый честно зарабатывает свои деньги – так уж получается, что фортуна почему-то улыбается ему. Может быть, стоит подумать, почему она вообще улыбается одним и отворачивается от других? Может быть, здесь что-то не так, или действует какой-то закон, многими ещё не понятый? Словом, ситуации бывают разными, и всех под одну гребёнку стричь не надо.

И ещё я думаю вот о чём: да, одного печатают громадными тиражами, а другому словно не везёт, и ему едва удаётся где-нибудь тиснуть одну-две свои тощие книжонки, и снова молчок. Почему так происходит? Может быть, и здесь проявляется действие того же закона? И каким образом мы подпадаем под его действие? От чего зависит наша успешность или неуспешность?

Видимо, дело здесь ещё и в личном состоянии человека, в количестве той внутренней красоты и любви, которую он несёт своими сочинениям в мир. Если он агрессивен – ему ставится преграда. Если добр – иди с Богом!

Один мой знакомый литератор, пребывая в безвестности, слыл доброжелательным и порядочным человеком. Но вот ему удалось издать две-три книжки, провести ряд авторских выступлений и даже заполучить парочку кое-каких наград. И что тут с ним стало происходить, Боже мой! У него появился не просто раж – у него появились агрессивность и заносчивость по отношению к другим, злобность и чувство превосходства. Всё это продолжалось некоторое время, но вскоре его успехи закончились так же быстро, как и начались. К нему потеряли интерес, его снова перестали печатать, и он притих.

Так почему, как мы отметили, талантливый писатель очень часто не имеет ни денег, ни признания, ни поддержки? Может быть, это зависит и от меры его душевной гармонии? Вопрос сложный...

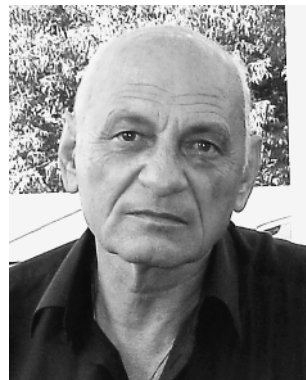
Только я точно знаю одно: все созданные когда-то произведения мир рано или поздно услышит. И люди о них обязательно узнают, потому что другому быть просто не может, таков закон природы и такова сила проявленного слова. Если слово проявилось, когда-нибудь оно заговорит в полный голос... Дело только в том, а нужно ли было некоторым словам звучать, ведь за всё сказанное и тем более – написанное, придётся отвечать – на том, Высшем Суде. Такова сила проявленного слова...

Солнцестояние

Уже в третьем поколении землян день летнего солнцестояния ассоциируется с нападением нацистского Рейха на Советский Союз. В 1941 году самый долгий день был, пожалуй, и самым страшным. А для очень многих – последним.

Любая наука оперирует экспериментально подтверждёнными фактами, иначе она перестаёт быть наукой и ничему не учит. Поэтому нормальный человек не строит мост без постижений мостостроительной науки. Но к науке исторической подавляющее большинство вроде бы нормальных людей относится странно и мосты в будущее сооружает без оглядки на уроки этой науки. Мосты, понятно, с грохотом рушатся, но вместо изучения причин изобретаются очередные околонучные сенсации. А между тем не так уж всё туманно в земном королевстве. Если не оглушаться сенсациями, а задавать себе простые вопросы и учиться на фактах Истории. Факт первый, множеством документов подтверждённый, и потому неоспоримый: дату 22 июня установили не в Москве, а в Берлине, и приказы крушить чужую страну отдавали генералы гитлеровские. Неоспоримым является и то, что Гитлер предписывал воевать не со Сталиным, не с пролетарской гегемонией и не с Красной армией, а со всем союзом всех без исключения республик. Со всеми народами СССР, по нацистской терминологии – недочеловеками. Какое будущее готовилось для этих народов тоже известно, и оспаривать его так же глупо. Ещё один исторически неоспоримый факт: граждане государства и государственная власть – совсем не одно и то же, несмотря на пламенные речи вождей о сенсационно-трогательном единстве. «Где это возможно, чтобы народ, его руководители, правительство сливались в одно целое и стояли рядом плечо к плечу!.. Не государство создало нас, мы создали себе государство...» Если вы думаете, что эти слова звучали с советской трибуны, то ошибаетесь. Трибуна стояла в Нюрнберге, а оглушал сенсацией Гитлер. Впрочем, «Народ и

Владимир Тимофеевич Глазков – русский, потомок донских казаков. Родился 15 июня 1949 г. в городе Новоаннинский Волгоградской области. Пишет стихи и прозу. Публиковался в различных сборниках, в том числе во втором выпуске сборника стихов «Я вижу сны на русском языке» как лауреат Второго международного поэтического конкурса «Я ни с кем никогда не расстанусь!..», а также альманахах, журналах России и Украины – «Великороссь», «Камертон», «Склянка часу» и других.

Живёт в городе Черкассы на Украине.

партия едины» – сенсация сугубо советская. А – «Ющенко – народный президент» – майданная. Но факт исторический от сенсаций не меняется: между гражданами и властью нет знака равенства, хотя любая власть настойчиво пытается его вписывать. Любая и настойчиво. Потому что, вписав, править именем народа можно уже и не оглядываясь на народ. Когда 30 ноября 1939 года советские войска нанесли агрессивный удар по суверенной Финляндии, Сталин не обращался к «братьям и сёстрам». И советско-финская война вошла в Историю «зимней войной». Не более. А советско-японская стала только финальным эпизодом Второй Мировой. Не говоря уже о войне афганской. Не отечественными они были – эти войны и никак не священными. Но и эти факты с завидным упорством пытаются подменять новыми историческими «реалиями». Для чего пытаются – вопрос не праздный.

В полдень памятного 22-го июня с радиообращением к «гражданам и гражданам» Советского Союза выступил Заместитель Председателя СНК Союза ССР Вячеслав Молотов. Именно в этом обращении впервые прозвучал тезис об отечественной войне. «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу». 24-го обращение опубликовали все газеты. Опубликовали и резолюции митингов, в которых Великая, Священная и Отечественная звучали уже с заглавных букв. Митинги прокатились по всей стране; слова об Отечестве, свободе и чести говорили станочники, пахари, инженеры, писатели, академики... Об Отечестве заговорил народ, и 3 июля Сталин этот народный голос не единожды использовал. «...В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

20 мая 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учреждён орден «Отечественной войны»; война обрела название. Наше название. Любая война античеловечна. Помните песенное: «...дурная тётка, стерва она...» Слов нет – стерва. Но позволю себе напомнить и название Симоновского документального фильма: «Если дорог тебе твой дом». Это «если» – ключ к осмыслению войны. Нравственный ключ. Позволяющий дать точный ответ на не праздные вопросы истории. С недавнего времени власти Украины стали приравнивать бандеровцев к участникам Великой Отечественной войны. Причина очевидна до примитивности: льготы. Медицинское обслуживание. Жильё... Но есть и кое-что ещё, не столь примитивное, называемое «политическим курсом». Аморальным и грязным до омерзения. Потому, что в истинных участников Великой и Отечественной бандеровцы стреляли. Из немецкого оружия. Потому, что истинного защитника Отечества – генерала Ватутина, войска которого вышвырнули гитлеровцев из Киева – убили именно они. Потому, что провозгласив 30 июня во Львове свою, бандеровско-стецьковскую Украину, они не стояли насмерть против тех, кто в это время калечил фугасками украинские города и убивал украинских детей, а присягали «...беспрекословно повиноваться верховному главнокомандующему вермахта, вождю немецкого государства и народа Адольфу Гитлеру...» Потому, наконец, что

по данным немецких архивов ни один немецкий солдат не пострадал в боевых столкновениях с УПА. И не мог пострадать. Не было их – боестолкновений с солдатами вермахта. Так что Великая Отечественная – это не их война. Не получается воевать за свой дом, помогая тому, кто в этот дом вломился. Никак не получается. А вот лукавить и спекулировать по этому поводу, забывая о нравственном ключе, получается легко. Особенно, если на спекуляции вдохновляет собственная власть. Но тогда обязан возникнуть и вопрос к власти: «А ваша ли в таком случае это война?» Это, конечно, относится не только к бандеровцам и не только Украины. И не только к постсоветским окраинам.

Цитата из новостей от ИА REGNUM: «*После окончания самой кровопролитной войны 20-го столетия сменилось уже несколько поколений. И для подрастающего поколения это далёкая история, поэтому для большей части молодежи не имеет значения, как называть эту войну – Великой Отечественной, войной 1941-1945 годов или Второй мировой. Однако туркменское руководство должно озвучить своё официальное отношение к войне, завершившейся 67 лет назад*», – утверждает издание Туркменской инициативы по правам человека».

«Туркменская инициатива» утверждает, что для нынешней молодёжи безразлично название войны. Странное утверждение. Но только на первый взгляд. Потому, что «инициаторы» вдруг обращаются к руководству страны с предложением о необходимости «озвучить официальное отношение» к названию, откровенно намекая на срок давности. И странность перестаёт казаться странностью. И через 67 лет, стало быть, небезразлично для подрастающего поколения: Отечественная это война, или Eastern Front, нужен, всё-таки, нужен ещё и политический маячок о неважности названия. Для «политичности курса». Как вы думаете: каким, кроме сугубо туркменских «правозащитных инициатив», он так нужен? И – главное – для чего?

Великая Отечественная война против немецкого фашизма давно закончилась Великой победой. Но закончилась ли война против тех, кто продолжает ломиться в наш дом, кто прилюдно повторяет и развивает гитлеровские принципы войны именно с нами и против нас, посягая на нашу культуру и жизни, выхолащивая души, сенсационно нагло искажая факты истории и ежедневно калеча мировосприятие самовосторженностью примитивно-потребительского пивного патриотизма? Задавать риторические вопросы и оспаривать очередную заказную сенсацию, доказывая очевидное – нужно ли? Можно обходиться и без этого, потому, что на все эти случаи есть оселок, на котором всё проверяется. Словосочетание «Великая Отечественная война» – это нравственное солнцестояние. Оно отделяет свет от мрака, не оставляя полутеней плутовства. По внутреннему отношению к этим, сказанным нашими предками и не имеющими срока давности историческим словам, и по сей день, и присно можно безошибочно определять: дорог ли он тебе – твой дом.

